

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Е.А. Халикова, А.Х. Халиков

**РАННИЕ ВЕНГРЫ НА КАМЕ И УРАЛЕ
(Больше–Тиганский могильник)**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
приложение к журналу,
Выпуск 25

Казань
2018

УДК 902.01
ББК 63.4

*Журнал «Археология Евразийских степей»
приложение к журналу,
издается с 2007 года
Выпуск 25*

Научное издание

*Издается при поддержке Кабинета министров Республики Татарстан
(распоряжение № 1454-р от 14.06.2018) и Министерства Внешнеэкономических связей и
иностраннных дел Венгрии.*

Печатается: по решению Ученого совета Института археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Ответственный редактор:

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук **Ситдилов А.Г.**

Редакционная коллегия

Дроздова Г.И., к.и.н.(Казань), **Казаков Е.П.** д.и.н. (Казань), **Кочкина А.Ф.** (Самара),
Измайлов И.Л., д.и.н. (Казань), **И. Фодор**, д.и.н. (Будапешт, Венгрия)

Халикова Е.А. , Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше – Тиганский могильник). «Археология евразийских степей» Выпуск 25. – Казань: Изд-во «Фэн», 2018. – 144 с.

Монография является переводным изданием книги *Altungarn an der Kama und im Ural. (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)* под авторством Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова, вышедшей на немецком языке в 1981 году в Венгрии.

Издание адресовано археологам, историкам, культурологам, музеоведам и всем интересующимся средневековой историей и происхождением угро-мадьяр

ISBN 978-5-6040966-9-7

© ООО «Поволжская археология», 2018
© Институт археологии им. А. Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан, 2018
© Издательство «Фэн», 2018

Содержание

От редакции	4
Введение.....	7
Часть I. 1. Больше-Тиганский могильник (дневник раскопок)	11
2. Погребальный обряд	50
3. Погребальный инвентарь.....	54
4. Аналогия и датировка	60
Часть II. Этнос населения, оставившего Больше-Тиганский могильник.....	65
1. Ранневенгерские параллели	65
2. «MAGNA HUNGARIA».....	71
Вместо заключения.....	79
Ранние венгры на Каме и Урале (Больше – Тиганский могильник). Резюме	86
Приложение 1. Р.М. Фаттахов. Краниологическая характеристика материала из Больше-Тиганского могильника	89
Приложение 2. А.Г. Петренко. Остеологические комплексы коня в погребениях Больше-Тиганского могильника.....	102
Список сокращений.....	106

От редакции

Больше-Тиганский могильник, раскопанный в середине 1970-х - начале 1980-х гг. в Нижнем Прикамье, является одним из важнейших реперных памятников в изучении раннесредневековой истории Волго-Уральского региона, в том числе исследования процессов межкультурного взаимодействия и определения хронологии культурных явлений. Особую важность этому памятнику придает то, что в его погребальном инвентаре и обряде отразились устойчивые традиции населения, оставившего его. Эти особенности некрополя позволяют подойти к решению многих узловых проблем истории Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине I тыс. н.э., связанных с развитием материальной культуры народов региона.

Этот памятник уникален и тем, что он самый западный могильник подобного культурного круга в Среднем Поволжье. Расположен он на территории формирующейся Волжской Булгарии, а население, связанное с ним, вероятно, принимало участие в проходивших в регионе новых социальных и этнополитических процессах. Уникален этот памятник и своим культурным своеобразием, отображающим контакты и связанное с ними культурное взаимодействие. До сих пор, спустя уже почти 40 лет, в Западном и Восточном Закамье нет подобного объекта с многочисленными погребальными комплексами. Незаурядность памятника подчеркивается и его гносеологическими возможностями, раскрывающими древние пути миграции народов и формирование новой социальной среды в мире раннесредневековой Евразии.

Главная специфика этого археологического объекта, привлекая в свое время пристальное внимание научной общественности, в выразительности его культурного комплекса. Он является своего рода связующим звеном между памятниками кушнаренокского (или кушнаренокско-караякуповского) типа и могильниками степного и лесостепного пояса степей Северного Причерноморья (например, могильника у

с. Манвеловка и др.), а также расположенными гораздо западнее ранневенгерскими памятниками Дунайско-Карпатской котловины эпохи «обретения родины» IX–X вв. Яркие черты погребально-поминальной обрядности и специфический вещевой комплекс дал основание первым исследователям этого памятника – Е.А. Халиковой и А.Х. Халикову – считать его древнемадьярским по культуре. На основе изучения значительной части могильника они полагали, что имеются все основания считать его погребальным памятником, оставленным населением, которое несколько позднее начало движение на запад на новую родину. Этим обстоятельством, т.е. хронологическим и культурным разрывом, они объясняли тот факт, что не все культурные явления (например, специфическая лепная посуда, поминальный конский жертвенный комплекс в виде черепа и шкуры коня с сохранением ног и т.д.), присущие Больше-Тиганскому могильнику, нашли отражение в памятниках древних венгров в Подунавье. Вместе с тем, целый ряд особенностей сближает его, с одной стороны, с памятниками кушнаренокского круга, а с другой, – с ранневенгерскими погребениями в Подунавье (такие как лицевые покрытия с металлическими деталями, женские украшения – наконечники, височные подвески, налобники и т.д.). Выразительность и специфичность этих деталей, близость к культуре древнемадьярского, и шире – угорского мира, вызвали бурные дискуссии и обсуждение этнокультурной принадлежности этого памятника, а также его места среди других памятников Волго-Уральского региона в синхронии и диахронии.

Результатом этих обсуждений стали две константы, определившие направление исследования этих проблем. По мере накопления материала росла убежденность Е.А. и А.Х. Халиковых в древневенгерском происхождении памятника, они посвятили этой теме целый цикл статей, включая публикации в ведущих научных изданиях того времени – «Советской археологии»

и «Вопросах истории». В них они углубляли и расширяли тему угорского происхождения населения, оставившего этот памятник, настаивая на том, что именно эта племенная группа начала движение на новую венгерскую родину. Оставшиеся на древней прародине в Закамье венгры фиксировались здесь многочисленными источниками, включая арабо-персидские, византийские и латинские, сама эта область получила в европейской традиции название «*Magna Hungaria*» (т.е. «Великая Венгрия»).

Во второй половине 1970-х гг. венгерские коллеги, в первую очередь, Иштван Фодор, предложили опубликовать изученную к тому времени часть могильника. В 1977 г. Е.А. Халикова безвременно ушла из жизни, до последних дней работая над рукописью книги. К сожалению, ей не удалось завершить главный труд своей жизни, и окончательную редакцию с заключительными статьями об историко-культурном значении памятника завершал А.Х. Халиков. В 1981 г. он был издан Национальным музеем Венгрии на немецком языке. Не стоит и говорить о том, что в те годы обладателями этой небольшой, но прекрасно изданной книги стали лишь немногие специалисты. Тем не менее, сама публикация позволила продвинуть дискуссию о древних венграх (или угро-мадьярах) в Закамье и Приуралье далеко вперед. С этого времени ни один труд, рассматривающий проблемы средневековой археологии Волго-Уральского региона, не обходился без ссылок на эту книгу, а коллеги в Европе получили прекрасную возможность сравнивать свои погребальные памятники, их обряд и погребальный инвентарь с больше-тиганскими материалами. Фактически издание сделало этот памятник базовым для суждений о культуре древневенгерского населения в Закамье и Приуралье.

В последнее время вокруг проблем угро-мадьяр в Волго-Уральском регионе разгорелась большая дискуссия. Не вдаваясь в ее суть, можно подчеркнуть, что Больше-Тиганский могильник в этих спорах играл и играет роль ключевого объекта. Именно вокруг его интерпретации, его хронологии и дальнейших судьбах населения, оставившего этот памятник, строятся гипотезы и концепции.

С момента публикации прошло уже почти 40 лет, но интерес к памятнику и его историко-культурной интерпретации не утихает. Вновь остро стал вопрос о новой публикации материа-

лов этого памятника. Вопрос о характере этого издания долго обсуждался между коллегами. В результате редколлегия решила подготовить переиздание на русском языке труда, опубликованном в Венгрии. Был сделан обратный перевод с немецкого языка, а также была проведена большая работа по подготовке текста книги к новому изданию при участии А.Ф. Кочкиной и при содействии Иштвана Фодора и Г.И. Дроздовой. Поскольку в силу ряда обстоятельств окончательная редакция рукописи на русском языке в архиве А.Х. Халикова не сохранила, то потребовалась серьезная работа по редактированию перевода по сохранившимся фрагментам текста и статьям. Серьезные усилия потребовались по восстановлению графических и фотоматериалов к тексту по архивным материалам из научных отчетов. Редколлегия не считала себя вправе вносить серьезные редакторские правки, чтобы сохранить дух времени и накал дискуссии, а главное – сохранить то, что делало это издание уникальным – полную публикацию материала, как она была представлена авторами раскопок на время публикации.

Следует сказать, что новые раскопки, которые велись А.Х. Халиковым уже после завершения публикации этой книги дали новый интересный и во многом выразительный и по-своему уникальный материал. Предполагается, что материалы этих раскопок, как и дополнительный анализ погребального инвентаря из раскопок станет материалом следующего тома.

Переиздание монографии Е.А. и А.Х. Халиковых на русском языке является данью памяти этим замечательным исследователям, чей неутомимый и плодотворный труд раскрыл целые пласты древней и средневековой истории Волго-Уральского региона. Смеем надеяться, что эта публикация станет не просто мемориальной, а послужит началу нового плодотворного обсуждения угро-мадьярской проблемы, а также целого ряда узловых проблем истории и археологии региона. Великие первооткрыватели прошлого нашего региона живут в нашей памяти, пока их труды обсуждаются, а их открытия служат отправной точкой дальнейших исследований. Уверены, что публикация монографии Е.А. Халиковой и А.Х. Халикова послужит цели увековечения их светлой памяти, а также актуализации их наследия, возвращения их в активный научный оборот.

RÉGÉSZETI FÜZETEK SER. II. No. 21

E. A. Chalikova — A. H. Chalikov

ALTUNGARN AN DER KAMA UND IM URAL

(Das Gräberfeld von Bolschie Tigani)

Magyar Nemzeti Múzeum

1981

*Светлой памяти
Елены Александровны Халиковой –
неутомимого исследователя протовенгров.*

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важных вопросов раннесредневековой истории Европы является вопрос о происхождении и ранних этапах истории венгерского народа. Согласно письменным источникам, в конце IX в., около 896 г., на территории Среднедунайской низменности пришла с востока большая группа новых племен. В их числе Константин Багрянородный называет племена неки, мегери, куртигермата, тариана, генах, кари, каси и примкнувшим к ним каваров, «оторвавшихся от хазар»¹. В Европе и, в частности, у соседей славян за пришельцами утвердился собирательный этноним оногуры – онгры-венгры. По сообщению того же Константина Багрянородного, племена венгерской конфедерации в IX в., до появления в Карпатском бассейне, жили в местности Леведии, вблизи Хазарии, а затем в более «западной стороне, в местах, называемых Ателькузу»². Большинство исследователей относит появление венгров в Леведии к 30-м годам IX в. и локализует ее в области между Доном и Днепром, а Ателькузу помещает в междуречье Днепра и Прута, хотя полного единства мнений здесь нет³. Что же касается истории венгерских племен до переселения в Леведию из более древней их прародины, называвшейся в средние века «Великой Венгрией», то письменные источники сообщают об этом еще более скупо. Единственным «очевидцем» Великой Венгрии, свидетельства которого дошли до нас, был венгерский монах – доминиканец Юлиан, незадолго до монгольского нашествия в 1235-36 гг., предпринявший путешествие на восток с целью найти своих соплеменников, оставшихся на древней родине, и обратить их в христианство. Восточных венгров, у которых еще сохранились предания об уходе от них основной массы сородичей, Юлиан отыскал близ реки Итиль в двух днях пути от большого города⁴. Свидетельство Юлиана мало помогало в решении проблемы Великой Венгрии, ибо Итилем у тюркских народов звались многие реки –

Волга и ее притоки, Кама, Белая, а также Дон, Днепр и др.

Лаконизм письменных источников, отсутствие в них четких сведений породили многочисленные гипотезы о локализации венгерских племен в Восточной Европе. В дискуссии принимали участие лингвисты, историки, этнографы, археологи – ученые нескольких поколений. Появившиеся в последнее время сводные работы, где в той или иной связи рассматриваются и суммируются высказанные точки зрения⁵, освобождают нас от необходимости повторять их здесь. Достаточно указать, что помимо северокавказской теории, сформулированной еще Б. Мункачи, и живущей по существу до сих пор⁶, наиболее распространенной является гипотеза о поволжско-приуральской прародине древних венгров. Однако регион поисков территории их расселения здесь накануне ухода на запад достаточно велик – Южное Приуралье и Нижнее Поволжье⁷, Башкирия⁸, долины рр. Б. Черемшана, Кинеля, Сока и Кондурчи⁹, правобережные районы Поволжья¹⁰.

К сожалению, ни одна из высказанных гипотез долгое время не была подкреплена вескими археологическими аргументами. Единичные погребения в Восточной Европе, которые археологи пытались сопоставлять с древневенгерскими на Дунае, – Воробьевское близ Воронежа и Волошенское на Днепре¹¹, Танкеевское, найденное в 1904 г. в Казанской губернии¹², Стерлитамакский могильник в Башкирии¹³, погребение с конем из раскопок Н.П. Сорокиной на Таманском полуострове¹⁴, а также отдельные находки «венгерских» вещей¹⁵ не могли существенно повлиять на решение проблемы. Неудачными оказались и попытки связать с венгерами определенные археологические культуры – салтовскую¹⁶, бахмутинскую¹⁷, имениковскую¹⁸. Это достаточно убедительно показано в работах М.И. Артамонова¹⁹, Н.Я. Мерперта²⁰, А.П. Смирнова²¹. Исследователи единодушно приходили к выводу, что

ранневенгерский археологический комплекс еще не определен и венгерские памятники не выделены среди массы единообразных памятников раннего средневековья степей и лесостепей Восточной Европы²².

В настоящее время положение изменилось. В последнее десятилетие на Средней Волге и Нижней Каме в пределах Татарской АССР сделаны важные археологические открытия, пролившие свет на венгерскую проблему. Нам уже приходилось в этой связи писать о параллелях в погребальном обряде Танкеевского могильника IX-X вв., широко исследованного в 1961–1968 гг. в Куйбышевском районе Татарии, и древневенгерских захоронений на Дунае²³. Отмечались аналогии и в инвентаре этих памятников²⁴. Любопытные параллели в ряде деталей погребального обряда и вещах, в частности, в очень специфических детских и женских украшениях, были отмечены при раскопках и другого памятника раннебулгарской эпохи, синхронного Танкеевке, – Тетюшского могильника (у г. Тетюши на правом берегу Волги близ устья Камы)²⁵. Рассмотренные параллели позволили сделать вывод о тесных контактах древних венгров с волжскими булгарами, о наличии общего этнического компонента в составе населения Волжской Булгарии в конце IX–X вв. и складывающегося одновременно с ней Венгерского государства в Карпатской низине²⁶. Однако и Танкеевский, и Тетюшский могильники оставлены населением, чрезвычайно смешанным в этническом отношении, имеющим разные источники и происхождение²⁷. Достаточно сказать, что в Танкеевском могильнике представлена керамика нескольких культур – керамика ломоватовских памятников Верхнего Прикамья, поломских могильников бассейна Чепцы, неволинских памятников Сылвы, сосуды кушнаренковского типа, характерные для Башкирии и, наконец, лепные и плоскодонные горшки, а также лепные и гончарные кувшины, связанные происхождением с салтовским миром²⁸. Столь же разнороден остальной вещевой инвентарь и детали погребального обряда. Корреляционный анализ, проведенный при обработке танкеевских и тетюшских материалов, показал, что отдельные детали обряда и предметы инвентаря встречаются в погребениях в различных сочетаниях, свидетельствуя о глубоко зашедшем процессе смешения населения,

имевшего разные истоки. В этих условиях выделить интересующий нас компонент, общий с древними венграми, и весь характеризующий его комплекс признаков было очень трудно, практически невозможно. Задача облегчилась открытием в Нижнем Прикамье нового памятника последней трети VIII – начала IX в. – Больше-Тиганского могильника, который позволит, наконец, выделить ранневенгерский археологический комплекс в Восточной Европе и, в частности, даст возможность связать с древними венграми определенные археологические памятники второй половины I тыс. н. э. в Волго–Уральском регионе.

Исследования этого могильника, открытого в 1974 г., были проведены в 1974–1975 гг. Е.А. Халиковой, а в 1978–1979 гг. продолжены А.Х. Халиковым. Безвременная кончина исследовательницы не позволила ей опубликовать полностью результаты раскопок Больше-Тиганского могильника, хотя на основании изучения результатов исследований 1974 г. Е.А. Халиковой был подготовлен ряд докладов²⁹ и опубликован ряд статей³⁰, по-новому поставивший проблему не только венгерской прародине, но и вопросы происхождения древних венгров, их контакты с другими племенами, особенно с булгарами, и т.п.

Настоящая книга, подготовленная А.Х. Халиковым на основании имеющихся материалов Елены Александровны Халиковой, ставит своей целью представить исчерпывающую публикацию результатов исследований Больше-Тиганского могильника в 1974, 1975 и 1978 гг. Первая часть книги, содержащая дневник раскопок могильника с детальным описанием всех выявленных погребений и вещевого материала, написана А.Х. Халиковым. Вторая часть, посвященная проблемам этнокультурной интерпретации материалов Больше-Тиганского могильника, написана на основании имеющихся статей Е.А. Халиковой. В заключение включены ответы Е.А. Халиковой на критические замечания по поводу интерпретации этноса носителей культуры Больше-Тиганского могильника. В приложении даны иллюстративные таблицы, а также результаты антропологического (Р.М. Фаттахов) и остеологического (А.Г. Петренко) анализов. Для введения использована часть опубликованной статьи Е.А. Халиковой.

Иллюстрации к книге в основном выполнены авторами и А.А. Мазановым. В подготовке книги к печати, в изучении материала активное участие принимали студенты Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова–Ленина, научные сотрудники и лаборанты университета и Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Им и особенно заведующему кабинетом археологии университета С.И. Терлецкой–Валиулиной приносится благодарность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Константин Багрянородный. Об управлении государством. Перевод В.В. Латышева и Н.В. Малицкого. ИГАИМК, вып.91, 1934, с.18.
2. Там же, с.17.
3. См. об этом: В.П. Шушарин. Русско-венгерские отношения в IX в. Сб. «Международные связи России до XVII вв.», М., 1961, с.133-135; А.П. Москаленко. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона. Сб. «Проблемы археологии и древней истории угров», М., 1972, с.191-192.
4. С.А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе. Исторический архив. Том III, М.-Л., 1940, с.81.
5. В.П. Шушарин. Указ. соч., с.133; Т.М. Гарипова, Р.Г. Кузеев. «Башкиро - мадьярская» проблема. АЭБ, I, Уфа, 1962, с.336-340; И. Эрдели. Теории венгерских ученых о поволжском происхождении древних венгров. АЭБ, IV, Уфа, 1971, с. 108-112; Р.Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974, с.403-405; I. Fodor. Altungaren, Bulgarotürken und Ostslaven in Südrussland (Archäologische Beiträge). Szeged, 1977.
6. «История Венгрии», тI, М., 1971, с.88-89.
7. А.П. Смирнов. Археологические данные об угро–венграх в Поволжье. Сб. «Проблемы археологии и древней истории угров», с.88.
8. «Очерки истории СССР III-IX вв.». М., 1958, с.674-678; М.И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с.338.
9. Р.Г. Кузеев. Указ. соч., с.413.
10. J.Perényi. A Magna Hungaria kerdeseher. Magyar Nyelv, 55, Budapest, 1959.
11. А.А.Москаленко. Указ. соч., с.193.
12. A.Zakharov, W. Arendt. Studia Levedica. Archeologia Hungarica, XVI, Budapest, 1934, S. 74; N. Fettich. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn (textband) Archeologia Hungarica, XXI, Budapest, 1937, S.175.
13. «Очерки истории СССР III-IX вв.», с. 677.
14. И. Эрдели. К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани. «Congressus Tertius internationalis fenno–ugristarum», Тезисы, П. Tallin, 1970, с. 5.
15. А.А. Спицын. Венгерские вещи X в. в России. ИАК, вып.53, Пг, 1914, с. 107-110.
16. A. Zakharov, W. Arendt. Ibidem.
17. А.В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Ж. «Хозяйство Башкирии», Уфа, 1929, № 8-9, с.26; Н.А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, с.77-78.
18. П.Д. Степанов. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ, II, Уфа, 1964, с.137, сл.

19. М.И. Артамонов. Рецензия на книгу Захарова и Арндта. ПИДО, 1935, № 9-10, с. 243, сл.
20. Н.Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, с.152.
21. А.П. Смирнов. Указ. соч., стр.88 и сл.
22. «Очерки истории СССР III-IX вв.», стр. 674; М.И. Артамонов. История хазар, стр. 339; А.П. Смирнов. Указ. соч., стр. 94; Р. Г. Кузеев. Указ. соч., с.405.
23. Е.А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. Сб. «Проблемы археологии и древней истории угров», с.145 и сл.
24. Е.П. Казаков. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. Там же, с.161 и сл.
25. Е.А. Khalikova. Composant ethnique commun dans les populations de Bulgarie de la Volga et de la Hongrie du X-e siècle. «Les questijns fordamentales du peuplement du basin der Carpathes du VIII au X siecle». Session scientifi que de l'Union Internationale Archéologique Slave. Szeged, 27–29 Avril 1971. Budapest, 1972, s.177.
26. Там же, с.189; Е.А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели..., с. 159.
27. Е.А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX-X вв.). Сб. «Археология и этнография Татарии», в. I, Казань, 1971, с. 87-93.
28. Е.П. Казаков. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Там же, с.101 (табл.V).
29. Е.А. Халикова выступала с докладами по материалам Больше–Тиганского могильника на Советско-Венгерском симпозиуме (Москва, 1974 г.), на IV Финно–угорском конгрессе (Будапешт, 1975 г.), на Советско–Болгарском симпозиуме (г. Шумен, Болгарская народная республика, 1976 г.).
30. Е.А. Халикова. Больше-Тиганский могильник. СА, 1976, №2; Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. СА, 1976, №3; Халикова Е.А. Magna Hungaria // Вопросы истории. 1975. № 7. Jelena Halikova. A honfoglaló magyarokéhoz hasonlótemetőlelet a Káma mentén. Élet és Tudomány. 1975:5, Budapest. S. 211–213; Halikova, E. A.: Ósmagyar temető a Káma mentén. (Magna Hungaria kérdéséhez.) Archaeológiai Értesítő, 103. (1976), s. 53–78.

ЧАСТЬ I

I. БОЛЬШЕ-ТИГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК (ДНЕВНИК РАСКОПОК)

В 1974 г при строительстве дороги между селами Большие и Средние Тиганы в Алексеевском районе Татарской АССР был обнаружен могильник, находящийся в 300 м к северу от современного кладбища с. Большие Тиганы (рис.1). Могильник располагается на высоком плато в 500 м к западу от левого берега р. Тиганки (в рукописи ошибочно – реки Шантала – ред.), впадающей в р. Шенталу, правого притока Камы (в 29 км к югу от Камы – ред.).

Поверхность памятника долгое время распахивалась, внешние признаки могил не сохранились, поэтому он был обнаружен случайно при прокладке бульдозерами полотна дороги в августе 1974 г. При этом было разрушено не менее 6-7 захоронений. В августе – сентябре 1974 г Билярская археологическая экспедиция Казанского университета и Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР под руководством авторов провела здесь археологические раскопки – на площади 35×35 м (рис.2) было исследовано 33 захоронения. В июле 1975 г работы были продолжены – вся площадь раскопок была разбита на сеть квадратных (3×3 м) участков, охватывавших площадь 27×18 м и здесь было выявлено и расчищено еще 15 погребений (№34-48). Широкие прокопы в южную, восточную и северную стороны показали отсутствие могильных ям в этих направлениях.

В 1978 г, спустя год после кончины Е.А. Халиковой, работы были продолжены – к северу и западу к основному раскопу было прирезано еще 18 квадратов (3×3 м) и по западной стороне было выявлено и изучено еще 7 погребений (№49-55).

Для проверки границ могильника к северу и западу от основного раскопа была заложена сеть разведочных траншей шириной 1 м и длиной до 20 м. Пройденные до материка траншеи погребений не выявили, поэтому можно говорить о границах могильника в этих направлениях. В целом можно полагать, что могильник полностью исследован раскопками, поэтому его материалы можно рассматривать монографически (впослед-

ствии были выявлены еще захоронения, которым посвящена другая публикация – ред.).

Погребения, исследованные в 1974 г

Погребение 1, аз. 298°; табл. 1.

В юго-восточном углу раскопа выявлены остатки могильной ямы (180×60 см), разрушенной бульдозером. Судя по остаткам черепа и костям ног, а также по инвентарю, погребенная (скорее всего, женщина) лежала вытянуто на спине головой на ЗСЗ (аз.298°). На черепе обнаружены остатки налобного венчика, состоявшего из кожаного ремешка, на который были прикреплены накладки с парными выпуклинами (табл.1, 1) – всего 19 накладок, и пронизки из спирально навитой ребристой проволоки (табл.1, 2). Несколько ниже, в районе шеи, находились четыре сердцевидные подвески (табл. 1, 3) и обломки серебряной височной подвески с ажурным щитком (табл.1, 5).

На бедренной кости обнаружены остатки кожаного ремня, состоящего из медной пряжки (табл. 1, 10), серебряных накладок две сердцевидные – (табл. 1, 11), 15 квадратных (табл.1, 12), ременного наконечника с серебряной верхней и железной нижней пластинами (табл.1, 13). На серебряной плоскости имеются процарапанные и оттиснутые линии и углубления. Здесь же найдены два медных браслета: один - из витого дрота (табл.1, 7), другой - пластинчатый (табл. 1, 8); также обломок серебряного перстня с шатоном и вставкой из оранжевого полупрозрачного камня (табл.1, 9).

В районе берцовых костей найдено еще одно скопление украшений, состоящее из пары шумящих подвесок с ажурным полуовальным щитком, украшенным пятилучевой звездой (табл.1, 4), бус и бисера (табл.1, 6).

Под металлическими изделиями отмечены следы древесной и войлочной подстилок.

Погребение 2, аз.300°, табл. II.

В юго-восточном углу раскопа рядом с остатками погребения 1 расчищены остатки еще од-

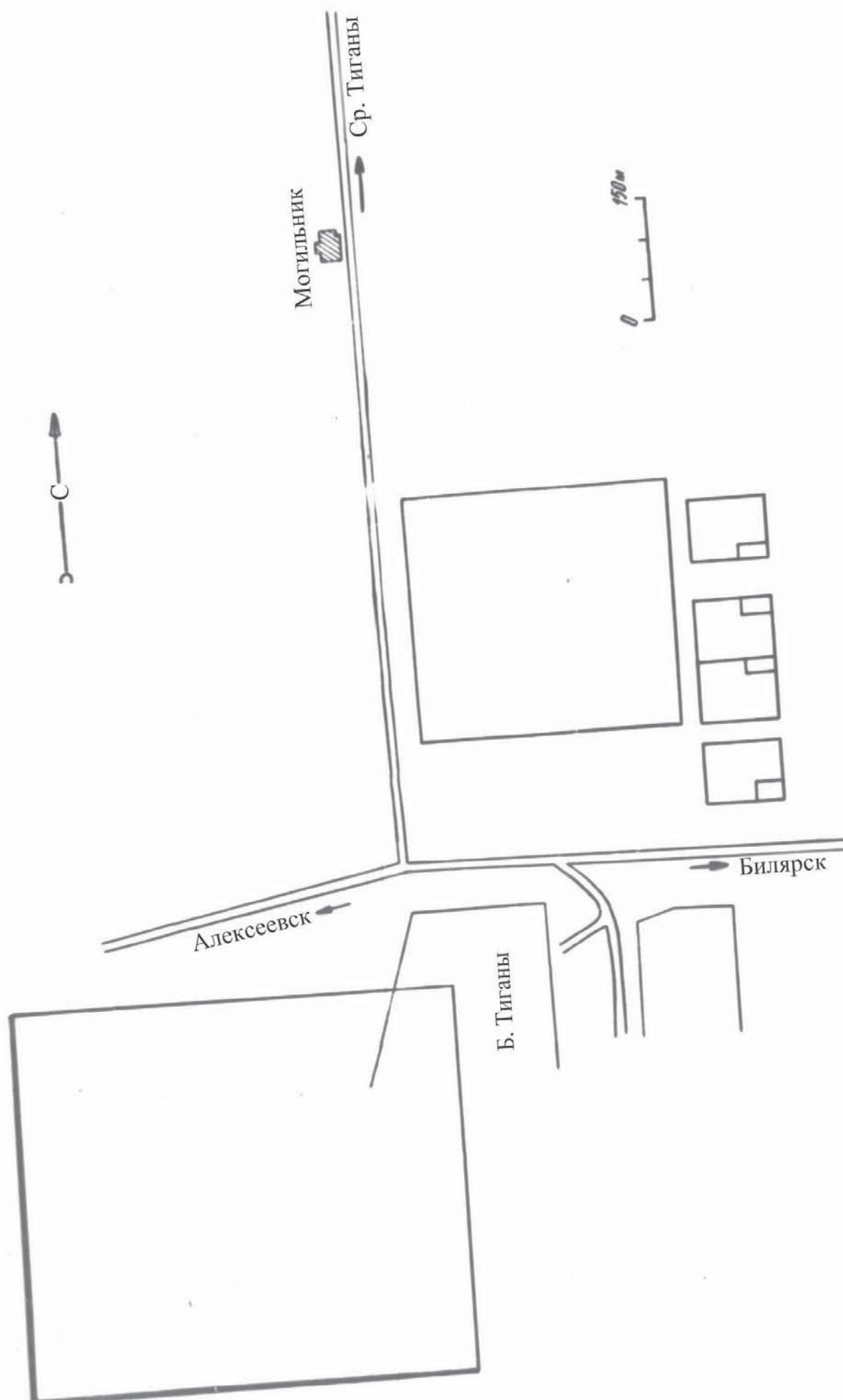

Рис. 1. План расположения Больше-Тиганского могильника (1974-1975, 1978 гг.).

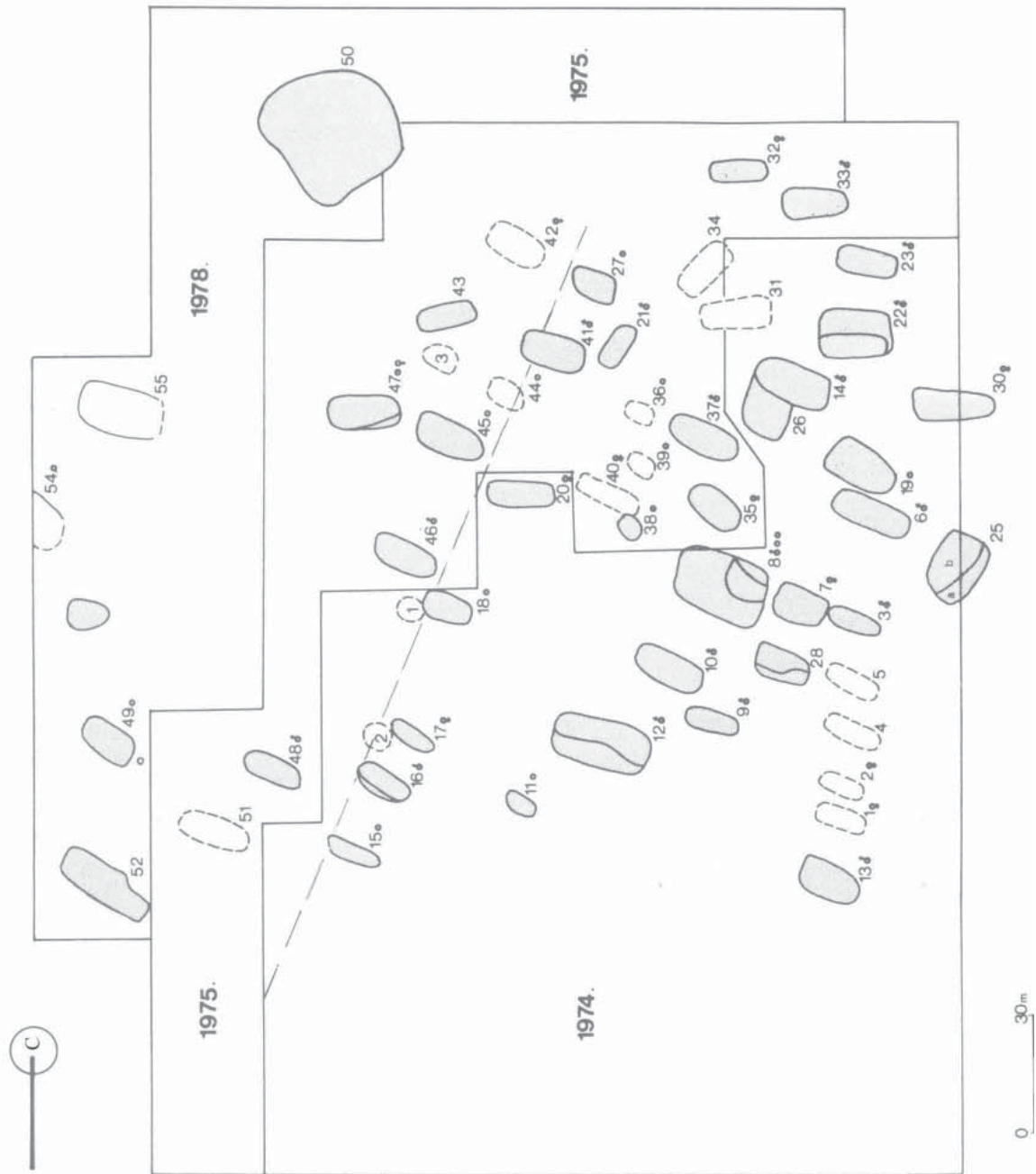

Рис. 2. Общий план раскопанных погребений Больше-Тиганского могильника (1974-1975, 1978 гг.).

ного погребения, судя по инвентарю - женщины, положенной в могильную яму глубиной около 50 см от уровня материка (ориентировочно глубина 70-80 см) вытянуто на спине, головой на ЗСЗ (аз. 300°). Костяк так же, как и погребальный инвентарь, сильно нарушен бульдозером.

В изголовье был поставлен глиняный круглодонный сосудик (табл. II, 13), обломки от которого найдены и в районе таза. На развале найдены медные накладки (11 экз.) с парными выпуклинами от головного венчика (табл. II, 1). Ниже растащенные остатки головной или шейной цепочки с шумящей подвеской с арочным щитком на конце (табл. II, 2). В районе груди и таза найдены две пластинчатые коньковые подвески (табл. II, 3, 4). В разных местах лежали остатки ожерелья из пастовых и стеклянных бус (табл. II, 5). В районе таза найдены остатки поясного набора, состоящего из обломков железной пряжки (табл. II, 11), серебряных накладок (табл. II, 9, 10) и ремennого наконечника (табл. II, 8). Здесь же обнаружен железный нож (табл. II, 12). У юго-восточной стенки выявлены остатки черепа коня. Под тазовыми костями и металлическими предметами зафиксированы следы войлочной и деревянной подстилки.

Погребение 3, аз.280°, табл. IIIA.

В восточной части раскопа выявлена яма шириной до 60 см, частично нарушенная бульдозером. Дно могилы на глубине около 80 см. Яма вытянута с В на З. Следов костяка человека не обнаружено, хотя сохранились кости животных: в восточном конце ямы – череп и конечности лошади, у края южной стенки – обломки костей барана.

На дне могилы обнаружены: в середине – развал небольшого сосудика (табл. IIIA, 1); по юго-западной стороне – остатки колчана с железной обкладкой дна и тремя железными черешковыми наконечниками стрел (табл. IIIA, 2); почти по всему дну в шесть рядов были расположены остатки гарнитуры от поясного набора, в том числе две серебряные пряжки (табл. IIIA, 4, 5), ремennый наконечник (табл. IIIA, 9), серебряные накладки полуовальной формы с кольцом (12 экз., табл. IIIA, 6) овальной формы с прорезью (1 экз., табл. IIIA, 7) сердцевидной формы (27 экз., табл. IIIA, 8); возможно, с кольцом была связана бронзовая спираль (табл. IIIA, 3); на лошадином черепе лежал железный нож (табл. IIIA, 10); южнее – кремень от огнива

(табл. IIIA, 13 – на плане). Под металлическими изделиями прослежен древесный тлен от подстилки дна ямы.

Погребение 4, табл. IIIB.

В восточной части раскопа при работе бульдозеров было полностью разрушено не менее двух-трех погребений. Возможно, они располагались между могилами №3 и №6. По содержанию вещевого комплекса, переданного бульдозеристами археологам, одно из захоронений было мужским, остальные – женские и подростковые. Первое обозначено погребение № 4. К нему отнесены: три железных наконечника стрел, в том числе два втульчатых (табл. IIIB, 1-3); бронзовый перстень с шатоном с зеленым камнем (табл. IIIB, 4).

Погребение 5, табл. IV.

Комплекс погребения не однороден, возможно, он связан не менее чем с двумя-тремя женскими захоронениями. Об этом свидетельствует погребальный инвентарь, состоящий из трех наборов шейных или головных наборов (табл. IV, 1-4, 5-9, 10-12), восьми (четыре пары) височных подвесок (табл. IV, 13-20), двух ложковидных подвесок (табл. IV, 21-22), двух пар шумящих подвесок (табл. IV, 23), наборов бус от ожерелий (табл. IV, 25-28), скульгамы (табл. IV, 35), двух браслетов (табл. IV, 34, 36), пронизок (табл. IV, 24, 32, 33), серебряного перстня с шатоном (табл. IV, 31).

Погребение 6, аз.290°, гл.90 см, табл. V, рис. 3, 4.

Расположенная по восточному краю раскопа, могильная яма выявилась в виде прямоугольного пятна (250×90-100 см), вытянутого с В на З. В процессе расчистки восточный конец ямы несколько расширился. На дне ямы, местами имевшей следы древесной подстилки, расчищен костяк мужчины (рис. 3), лежавший вытянуто на спине, череп повернут на левый висок, лицевой частью на СВ. Руки слегка согнуты и костями положены на таз. В ногах погребенного лежал череп молодой лошади, а в изголовье – бедренная кость также молодой лошади. Между костью лошади и черепом человека стоял глиняный сосудик с насечками по краю венчика (табл. V, 22). На глазницах черепа погребенного (рис. 4) обнаружены серебряные округлые пластины с отверстиями по краям для пришивания (табл. V, 1). На правой стороне челюсти – литая бронзовая серьга с гроздевидным напуском (табл. V, 2). Под челюстью бронзовая листовид-

ная подвеска с многосвязными стеклянными пронизками по краям (табл. V, 3). На груди обнаружена бронзовая шаровидная пуговица (табл. V, 4). На правой руке, выше запястья, – бронзовый браслет (табл. V, 5). В районе пояса – остатки набортного ремня с серебряной пряжкой (табл. V, 6), тремя типами накладок, в том числе полуовальной формы (2 экз., табл. V, 7), округлой формы с изображением медведя (15 экз., табл. V, 9) и полукруглой формы с изображением крылатого коня (табл. V, 8 – 6 экз.) и кольцом, двумя ремешками наконечниками (табл. V, 10). В области таза слева расчищено семь железных наконечников стрел (табл. V, 14-19), лежавших острием на запад. Несколько ниже них – костяная обкладка от лука (табл. V, 20). Вдоль левой стороны костяка была положена железная сабля, находившаяся в кожаных ножнах и украшенная серебряными накладками (табл. V, 21). Ножны имели в верхней части два полукольцевых выступа (табл. V, 21) размерами 5,5 см, расположенные на расстоянии 19 см друг от друга. К ним был прикреплен портупейный ремень с пряжкой (табл. V, 11) и двумя мелкими полуовальными накладками (табл. V, 12). Сама сабля имела клинок длиной в 70-71 см, двулезвийный в конце в длину на 15 см и однолезвийный в большей части. Перекрестие короткое с ромбическими кольцами. Рукоятка длиной 11-13 см прикреплена несколько скошенно по отношению к продольной оси клинка. У левого колена лежал железный нож (табл. V, 13), возможно, засунутый в свое время в голенище сапога.

Погребение 7, аз.296°, гл.85 см, табл. VI, рис. 5, 6, 7, 8

В восточной части раскопа между могилами №3 и №8 расчищено богатое подростковое погребение, совершенное в большой яме подпрямоугольной формы (225×110 см), вытянутой с ВЮВ на ЗСЗ. На глубине 85 см, доведенной до материкового суглинка расчищен костяк молодой девушки (12-14 лет)¹ плохой сохранности (рис. 5). Погребенная лежала на спине вытянуто головой на ЗСЗ, руки вытянуты, череп повернут на правый висок, лицом к Ю. В ногах расчищен череп лошади (табл. VI, 45 – на плане), обращенный передней частью на ЮЗ. В изголовье справа – бедренная кость лошади (табл. VI, 46 – на плане). Перед лицом был поставлен круглодонный сосудик с мелкозубчатым орнаментом (табл. VI, 43). Лицо погребен-

ного было закрыто шелковой тканью, остатки которой сохранились в глазницах черепа (табл. VI, 46). На черепе прослежены остатки головного убора (рис. 6): на затылке – медная шумящая подвеска с тремя привесками (табл. VI, 2), три спиральных и одна трубчатая пронизи; на лобной и височной частях – кожаная окантовка шапочки с серебряными накладками (табл. VI, 1). Под челюстью остатки ожерелья из стеклянных и пастовых бус разной формы и оттенков (табл. VI, 4-17) и пять листовидных подвесок из низкопробного серебра (табл. VI, 18-19). К вискам были прикреплены подвески с булавовидными привесками, украшенные зернью и соединенные друг с другом медной цепочкой (табл. VI, 3). По левой стороне верхней половины костяка медная цепочка, завершенная в верхнем конце якорьком, а в нижнем – шумящей подвеской с арочным щитком (табл. VI, 23). Аналогичная подвеска была обнаружена под черепом. Вдоль правой стороны – позвонки мелкого животного (табл. VI, 48 – на плане). На груди – медная пластинчатая застежка (табл. VI, 24), крестовидная подвеска из низкопробного серебра (табл. VI, 20), бронзовый костылек на цепочке (табл. VI, 25) и пуговка-бубенчик (табл. VI, 26). На обеих руках, в верхней части локтевых костей, обнаружено по паре браслетов: на левой – витой медный (табл. VI, 30) и серебряный с выпуклинами (табл. VI, 32), на правой – два медных с загнутыми концами (табл. VI, 31).

В районе пояса расчищен богатый поясный гарнитур с тремя типами серебряных накладок (табл. VI, 34-36) и массивной пряжкой (табл. VI, 33) с правой стороны таза.

Справа и слева к поясу были прикреплены подвески, состоящие из кожаных ремешков, на которые были плотно надеты бронзовые пронизи с прорезными вздутиями (табл. VI, 40). Справа – две подвески, слева – одна с массивной шаровидной привеской с прорезью (табл. VI, 41). Справа же свешивался концевой ремешок с пластинчатым наконечником (табл. VI, 38). На фалангах обеих костей расчищено: на левой – два перстня (табл. VI, 29), на правой – перстень (табл. VI, 29) и простое кольцо. У правого бедра был положен тонкий деревянный прут (стек), обернутый тонкой листовой медью (табл. VI, 44 – на плане) и завершенный на конце костяным навершием с клювовидным отростком (табл. VI, 42). Между бедренными костями находились две крестовид-

¹ Здесь и далее антропологическое определение пола и возраста Р.М. Фаттахова.

Рис.4. Погребение 6 (1974). Череп с наглазником.

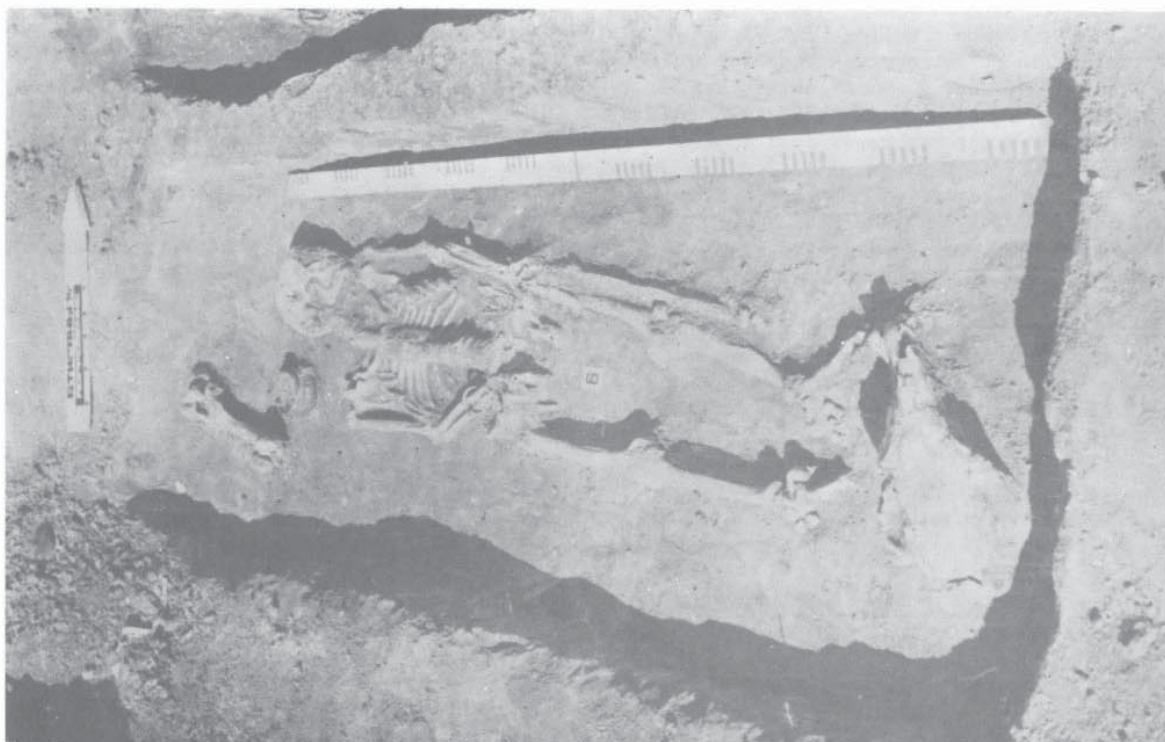

Рис.3. Погребение 6 (1974).

Рис.6. Погребение 7 (1974). Деталь.

Рис.5. Погребение 7 (1974).

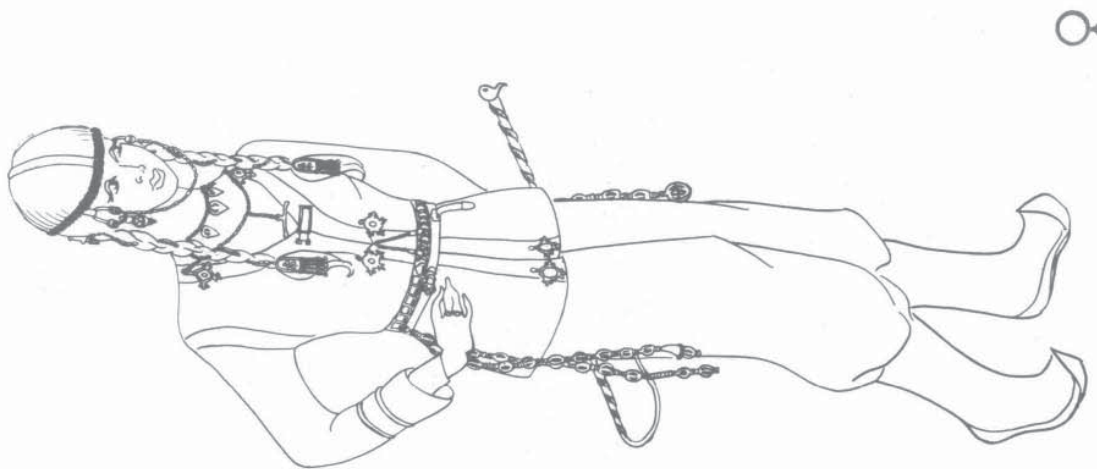

Рис. 8. Погребение 7 (1974). Вариант реконструкции костюма девушки

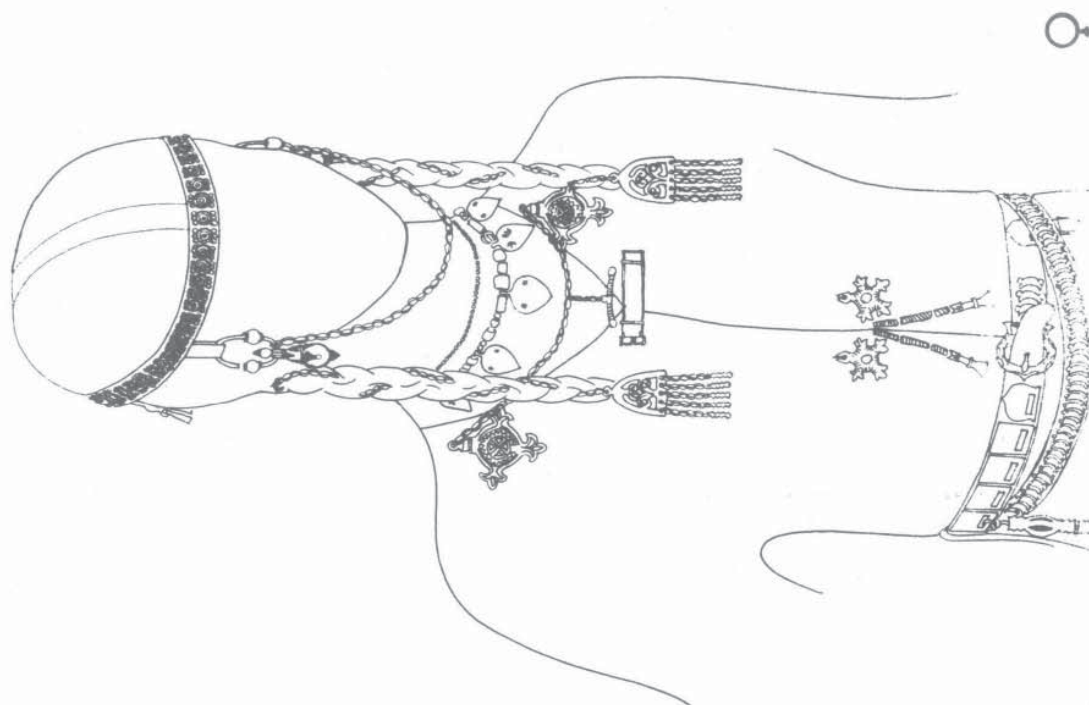

Рис. 7. Погребение 7 (1974). Вариант реконструкции украшений костюма девушки

ные подвески из низкопробного серебра (табл. VI, 21). Еще две пятиконечные подвески найдены на груди (табл. VI, 22). На правом бедре – следы кожаного кошелька с разрушившейся серебряной накладкой. Под металлическими украшениями сохранились фрагменты верхней меховой, нижней полотняной одежды, фрагменты подстилки из войлока и дубовых плашек.

Погребенная – молодая девушка лет 12-13. Хорошо сохранившийся *in situ* погребальный инвентарь и детали костюма позволяют дать его реконструкцию (рис. 7, 8).

Погребение 8, аз.300-320°, гл.80-100 см, табл. VII, рис. 9, 10.

В центре восточной половины раскопа на уровне материка оконтурилась большая яма (290×120-150 см), вытянутая с ВЮВ на ЗСЗ. На глубине 80 см, вдоль юго-западной стены выявлен поминально-погребальный комплекс, состоящий из (рис. 9): погребальной маски из трех серебряных пластин с отверстиями для пришивания (табл. VII, 1-3); глиняного сосуда с тонким резным орнаментом (табл. VII, 10); остатков колчана с шестью железными черешковыми наконечниками стрел (табл. VII, 4-9); серебряного дирхема с ушком (табл. VII, 28 – на плане; по С.А. Яниной, Аббасиды, Васит, 127 гх. – 745-746 гг.); железной сабли в кожаных ножнах с металлической гарнитурой (табл. VII, 11-16, 20); костяных накладок от лука (табл. VII, 17); бедренной кости лошади (табл. VII, 30 – на плане) и позвонков от хвостов лошади, положенных в западном и восточном частях комплекса (табл. VII, 29 – на плане).

Сабля железная слабоизогнутая, на конце клинка обоюдоострая в длину на 12 см, в остальной части однолезвийная. Длина сабли с рукояткой составляет 95 см, длина рукоятки – 12 см. Клинок был вложен в ножны с кожаной обкладкой общей длиной в 83 см. Нижний конец ножен длиной 37 см имеет серебряную обкладку, законченную массивным плоским наконечником из низкокачественного серебра. Ширина лезвия у перекрестия 2,5 см, на конце – 2,0 см. В верхней части ножен на кожаное покрытие была прикреплена небольшая фигурка крылатого коня (табл. VII, 13). Сбоку ножен в верхней части укреплены при помощи серебряных пластин бронзовые петли, в центре которых помещены накладки с изображением свернувшегося олененка (табл. VII, 14). К петлям были прикреплены два порту-

пейных ремня с фигурными накладками в виде трилистника и бронзовыми пряжками (табл. VII, 15, 16). Перекрестие сабли железное с бронзовыми концами (табл. VII, 12), низ рукоятки завершается серебряной обкладкой, верх – массивным набалдашником из некачественного серебра (табл. VII, 11). Весь набор имеет хорошую сохранность (рис. 10).

В целом комплекс, очевидно, положен в честь воина, погибшего на стороне и в этом отношении является кенотафом.

В восточном углу ямы было прослежено овальное пятно (90×45 см), оказавшееся входной ямой в подбой под кенотаф. Подбой был углублен до 100 см и имел овальную форму (125×80 см). На дне его были расчищены два детских костяка (погр. 8а - младенца и погр. 8б - ребенка 5-6 лет), положенных вытянуто на спине головой на З. В изголовье детского костяка находился крестец барана (табл. VII, 31 – на плане); в изголовье младенца – ожерелье из листовидной подвески и раковин – каури (табл. VII, 22). В верхней части костяка младенца (погр.8а) обнаружены две серебряные сережки салтовского типа (табл. VII, 21), ожерелье из желтого бисера и лунницы (табл. VII, 23), серебряный дирхем, чеканенный при Аббасидах в Басре в 100 гх. (717-718 гг.). На правой руке – небольшой бронзовый браслет (табл. VII, 24).

В верхней части костяка ребенка (погр.8б) обнаружены бронзовые пронизки (табл. VII, 26), шумящие бутыльчатые подвески (табл. VII, 27) и желтый бисер (табл. VII, 25).

Погребение 9, аз.305°, гл. 95 см, табл. VIII.

В юго-восточной части раскопа на фоне материка выявилась могильная яма (230×85 см), вытянутая с ВЮВ на ЗСЗ. На дне расчищен плохо сохранившийся костяк мужчины 30-40 лет, положенный вытянуто на спине головой на ЗСЗ, лицом вверх.

Справа у черепа – бедренная кость лошади (табл. VIII, 15 – на плане) и позвонки от хвоста барана (табл. VIII, 16 – на плане). Справа у челюсти – небольшой сосудик (табл. VIII, 14), рядом – серебряная серьга салтовского типа (табл. VIII, 1). С левой стороны челюсти – листовидная подвеска (табл. VIII, 2) и бронзовая бусина (табл. VIII, 3). На локтевых костях правой руки – бронзовый браслет из уплощенного дрота (табл. VIII, 8), на фаланге среднего пальца правой кисти – серебряный перстень с розовым камнем

Рис.9. Погребение 8 (1974). Кенотаф.

в шатоне (табл. VIII, 9). Рядом – железный нож (табл. VIII, 13) и шило (табл. VIII, 12). На поясе – остатки кожаного ремня с двумя концевыми ремешками, украшенными серебряными накладками (табл. VIII, 10). К ремню с правой стороны, очевидно, был подвешен кожаный кошелек, от которого сохранилась часть округлой бронзовой крышки с пуансонным орнаментом (табл. VIII, 11).

Слева вдоль костяка лежала железная сабля, очевидно, вложенная в деревянные ножны (табл. VIII, 6, 7). Общая длина сабли – 76 см, длина слабо изогнутого клинка – 67 см. Острый конец клинка длиной на 11 см двулезвийный, далее – однолезвийный. Ширина клинка – 3,0 см. Перекрестие с расширениями на концах. Рукоятка по отношению к перекрестию расположена с наклоном в сторону лезвия. Ножны имели ширину до 4,5 см. На расстоянии 38 см от конца по краю ножен располагалась железная дужка с деревянной петлей (табл. VIII, 7), вторая – у перекрестия.

У ног справа расчищен череп жеребенка. Дно могилы было выстлано лубом, на металлических вещах сохранились следы мехового и деревянно-перекрестия.

Погребение 10, аз. 275°, гл.90 см, табл. IXA, рис. 11.

В центре восточной стороны на фоне материка выявилась могильная яма (215×86 см), вытянутая с В на З. На дне ямы расчищен плохо сохранившийся костяк мужчины 45-55 лет, положенный на спине вытянуто головой на З. По обеим сторонам черепа обнаружено по сережке салтовского типа (табл. IXA, 1); под левой стороной челюсти – сосудик с мелкозубчатым орнаментом (табл. IXA, 14); под челюстью – остатки ожерелья из нескольких трехчастных стеклянных с позолотой бус (табл. IXA, 3) и привеска из серебряного дирхема (Аббасиды, Васит, 125 гх. – 742-743 гг, табл. IXA, 2 – на плане). В области живота – железный нож (табл. IXA, 5) и бронзовая спирально перевитая пронизь (табл. IXA, 4). На локтевых костях правой руки – бронзовый браслет (табл. IXA, 7), а на среднем пальце той же руки – бронзовый перстень со вставкой из полупрозрачного камня в шатоне (табл. IXA, 6). Правая рука, очевидно, лежала на колчане, т.к. здесь обнаружены плен от кожи и 5 железных черешковых наконечников стрел (табл. IXA, 8-12). На верху левого бедра лежали обломки костяных накладок от лука (табл. IXA, 13).

Рис. 11. Погребение 10 (1974).

Рис. 10. Погребение 8 (1974). деталь Кеногафа.

В изголовье – бедренная кость лошади (табл. IXA, 15 – на плане), в ногах – череп лошади около 2-х лет (табл. IXA, 16 – на плане). Дно могилы, очевидно, было выложено деревом, корой и мехом, следы, которых сохранились под металлическими изделиями.

Погребение 11, аз.285°, гл.70 см, табл. IXB.

В могильной яме, расположенной в южной части раскопа и не имевшей четких очертаний (90×45 см), расчищен костяк младенца, положенный на спине вытянуто головой на З. По обеим сторонам черепа – кольцевидные серебряные сережки (табл. IXB, 1, 2), на шее – остатки ожерелья из стеклянных и пастовых бус (табл. IXB, 3) и бронзовой пуговицы (табл. IXB, 4), на левой руке – маленький перстень с фиолетовым камнем в шатоне (табл. IXB, 5).

Погребение 12, аз.305°, гл.60-110 см, табл. X, рис. 12-13.

В центре южной стороны на глубине 60 см на фоне материкового суглинка очертилось пятно обширной ямы (350×135-170 см), вытянутое с ВЮВ на ЗСЗ. На глубине 90 см яма сузилась, образовав по южной стороне заплечико шириной в 55-85 см и высотой в 25 см (рис. 12). На заплечике у западного угла расчищен фрагментарно сохранившийся череп ребенка 7-8 лет (табл. X, 31 – на плане). В восточной части – конский комплекс из черепа и нижних частей ног лошади 4-5 лет, положенный грудкой, очевидно, вместе со шкурой (табл. X, 30 – на плане).

В северной более углубленной части могильной ямы на глубине 100-110 см расчищено захоронение пожилого мужчины (50-60) лет. Костяк плохой сохранности лежал на спине вытянуто головой на ЗСЗ, череп повернут на левый висок, руки вытянуты и кистями положены на края таза.

В изголовье лежала бедренная кость лошади, рядом – остатки деревянной чаши (тлен) с серебряными обкладками (табл. X, 1). В правой плазнице черепа обнаружены обломки тонкой серебряной надглазной пластины (табл. X, 2). На черепе найдена небольшая серебряная сережка салтовского типа (табл. X, 3). Под челюстью – остатки ожерелья из листовидной прорезной подвески и многочастного стеклянного бисера с золотистой прокладкой (табл. X, 4). В районе между грудной клеткой и тазовыми костями расчищены остатки поясного набора, состоящего из: кожаного ремня с серебряной пряжкой (табл. X, 8), накладок трех типов, в т.ч. прямоугольной с килевидным высту-

пом (табл. X, 9-5 экз.), сердцевидной (табл. X, 11-3 экз.) и сердцевидной с кольцом (табл. X, 10). К последнему, очевидно, был прикреплен концевой ремешок, украшенный 9 вытянуто-сердцевидными накладками (табл. X, 12) и удлиненным наконечником (табл. X, 13). Все накладки на лицевой стороне имеют тонкий прочерченный рисунок. К ремню с левой стороны был подвешен кожаный мешочек, украшенный бронзовой пронизью (табл. X, 5). В мешочке, очевидно, лежало огниво, состоящее из кремня, железного кресала и трута. С правой стороны к ремню, вероятно, был прикреплен железный нож, обломки которого были обнаружены в верхней части правой стороны таза (табл. X, 7). На правой руке погребенного расчищен бронзовый браслет из прямоугольного в сечении дрота с расплюснутыми концами, на лицевой стороне которых имеются сердцевидные выемы (табл. X, 6).

На верхней части правого бедра лежали две костяные накладки от лука (табл. X, 22), на левой ноге – остатки колчана с 5 железными черешковыми наконечниками стрел (табл. X, 17-21), железной петлей (табл. X, 23). По левой стороне туловища (рис.13) была положена железная сабля в ножнах, имеющих в нижней части обкладку из серебра (табл. X, 28). Серебряные накладки и украшения, в т.ч. и с орнаментом, имелись на рукоятке, а также на боковых петлях ножен. Общая длина сабли в ножнах – 90 см. Выше костей голени левой ноги на 10 см, т.е. практически на уровне заплечиков, лежали железные удила с S-овидными псалиями (табл. X, 25) и несколько железных колец (табл. X, 26, 27), возможно, от подпружных ремней или седла.

Под металлическими изделиями на дне основной могилы расчищены фрагменты войлока и деревянной подстилки.

Погребение 13, аз.305°, гл.80 см, табл. XI, рис. 14.

В юго-восточном углу раскопа на фоне материка очертилась яма подчетыреугольной формы (225×110 см), вытянутая с ВЮВ на ЗСЗ. На гл.80 см в северной половине ямы расчищены остатки костяка мужчины (25-30 лет) на спине вытянуто головой на ЗСЗ. Череп – на левом виске, лицевой частью на север, левая рука вытянута, правая – присогнута – на краю таза. У черепа справа был поставлен небольшой круглодонный сосудик (табл. XI, 1); у правой руки, очевидно, был положен колчан, от которого сохранились железный крючок (табл. XI, 8) и шесть железных черешко-

Рис.12. Погребение 12 (1974).

Рис.13. Погребение 12 (1974). Фрагмент погребения с саблей.

Рис.14. Погребение13 (1974).

вых наконечников стрел (табл.ХІ, 2-7). Между грудной клеткой и тазом сохранились остатки пояса-ремня, снабженного серебряной пряжкой (табл.ХІ, 13) и украшенного серебряными некрупными накладками – арочными (табл.ХІ, 14 - 4 экз.) и полуовальными с кольцом (табл.ХІ, 15 - 15 экз.) по основному ремню и сердцевидными с изображением бычьей морды (табл.ХІ, 16 - 23 экз.) по концевому ремешку. К поясу слева, очевидно, был прикреплен мешочек с огнивом – сохранились обломки железного кресала (табл. ХІ, 10) и кремня (табл.ХІ, 11). На фаланге среднего пальца левой руки был надет серебряный перстень со вставкой из темного стекла в шатоне (табл.ХІ, 9). Рядом с кистью левой руки лежали костяные накладки от лука (табл.ХІ, 17). У правого колена обнаружен железный нож (табл.ХІ, 12), вероятно, засунутый в голенище сапога.

Погребение 14, аз. 290°, гл.80 см, табл. ХІІ, рис.15-16.

В северной стороне восточной половины раскопа выявилось на уровне материка пятно подпрямоугольной формы (250×110 см), вытяну-

тое с В на З и в ЮВ стороне смыкавшееся с пятном могилы №26 (рис.15). На глубине 80 см на дне первой ямы расчищен костяк молодого мужчины (17-18 лет), положенный на спине вытянуто, головой на ЗСЗ, лицом вверх. Руки слегка согнуты и кистями положены на края таза (рис.16).

Слева от черепа – развал лепного круглодонного сосуда (табл. ХІІ, 1), справа – бедренная кость лошади (табл. ХІІ, 2). Под и у восточного конца кости найдены обломки сережки салтовского типа (табл. ХІІ, 4) и 3 железных наконечника стрелы: один шиповидный и два листовидных (табл. ХІІ, 3).

У правого виска черепа расчищено еще 3 наконечника – 2 ланцетовидных и 1 в виде срезня с прямоугольным отверстием в лопасти (табл. ХІІ, 5), у правого виска – салтовского типа сережка (табл. ХІІ, 6). На локтевых костях левой руки расчищен бронзовый браслет с восьмигранными концами (табл. ХІІ, 7). В верхней части таза – остатки кожаного ремня с пряжкой и серебряными накладками арочной (3 экз.), округлой с колечками (9 экз.) и сердцевидной (35 экз.) форм, орнаментированные пальметками (табл. ХІІ, 9). К поясу

справа, очевидно, был подвешен железный нож (табл. XII, 8). На левой стороне таза лежала пара костяных накладок от лука (табл. XII, 11), в нижней части таза – железная пряжка (табл. XII, 12).

Слева, вдоль костяка от локтя и до низа голени, лежала железная сабля обычного типа, вложенная в ножны, имевшие в нижней части серебряную накладку, а по краям верхней части две арочные петли (табл. XII, 10). Набалдашник сабли был украшен серебром. Общая длина сабли в ножнах 95 см. Конец на 11 см обоюдоострый, основной клинок однолезвийный, перекрестие с ромбовидными расширениями.

На металлических предметах сверху и снизу сохранились следы древесной подстилки и перекрестия.

Погребение 15, аз.295°, гл.90 см, табл. XIIIА.

В западной части южной стороны раскопа на фоне материка очертилось подпрямоугольное пятно с округлыми углами (195×65 см), вытянутое с В на З. В заполнении на глубине 75-80 см по западной и северной сторонам прослежены слабо выраженные контуры пятна прямоугольной формы, возможно, от гробовища.

На глубине 90 см расчищены остатки плохо сохранившегося костяка подростка (молодой женщины), лежавшего на спине вытянуто головой на З, лицом на С. Справа от черепа – тлен от кости животного (табл. XIIIА, 4 – на плане), под черепом – две железные иглы (табл. XIIIА, 2) и железный нож (табл. XIIIА, 3). На правой руке – бронзовый браслет с загнутыми концами (табл. XIIIА, 1).

Погребение 16, аз. 295°, гл. 70-90 см, табл. XIIIВ, рис. 17-18.

В юго-западном углу раскопа на фоне материка выявилось подпрямоугольной формы пятно с округлыми углами (200×90 см), вытянутое с В на З. На глубине 75 см пятно сузилось, образовав с южной стороны заплечико шириной до 28 см. В северо-западной части ямы на глубине 75-80 см прослежены следы обугленного деревянного перекрытия, судя по волокнам, положенного плахами поперек ямы.

На глубине 90 см расчищен плохо сохранившийся костяк юноши, положенный на спине вытянуто головой на ЗСЗ, лицом к Ю (рис.17). Напротив лица стоял глиняный лепной сосудик (табл. XIIIВ, 1), в который была вложена простая костяная лопатка (табл. XIIIВ, 2). На правой глаз-

нице черепа обнаружена серебряная пластинка с отверстиями для пришивания и под ней – следы шелковой ткани (табл. XIIIВ, 3). Остатки, возможно, второго наглазника были обнаружены в нижней части грудной клетки (табл. XIIIВ, 7 – на плане). Не исключено, что эта пластина обозначающая место сердца. Под черепом (на правой стороне) найдена небольшая серебряная сережка салтовского типа (табл. XIIIВ, 4), на затылке – бронзовая пронизка (табл. XIIIВ, 5). В области груди найдена листовидная подвеска (табл. XIIIВ, 6), в районе предполагаемой кисти левой руки – бронзовый браслет (табл. XIIIВ, 15), а правой – серебряный перстень со вставкой в шатоне из темно-синего стекла (табл. XIIIВ, 14).

Погребенный, очевидно, был одет в платье из шерстяной ткани, меховую куртку и подпоясан кожаным ремнем (рис.18) с богатым набором, состоящим из серебряной и бронзовой пряжек, серебряных накладок – арочной (3 экз.), округлой с имитацией ушка (7 экз), круглой (12 экз.) форм и ременного наконечника (табл. XIIIВ, 8). Накладки и наконечник украшены орнаментом из трилистника. К поясу справа были, очевидно, прикреплены: кошелек, окантованный медными пронизьями (табл. XIIIВ, 11) и содержащий остатки огнива из кремня и обломков железного кресала (табл. XIIIВ, 13), железный нож с плоским обушком и уступом к рукоятке (табл. XIIIВ, 12).

Под металлическими изделиями прослежены следы шерстяной и древесной подстилки.

Погребение 17, аз. 285°, гл.85 см, табл. XIV, рис. 19, 20.

В юго-западной части раскопа на фоне материка выявилось пятно подпрямоугольной формы (185×65-70 см), вытянутое с В на З. На глубине 80-85 см расчищен плохо сохранившийся женский костяк, лежавший на спине вытянуто головой на З, лицом на С. Рука слегка согнута в локтях.

Погребенная была одета в богатую одежду, от которой сохранились (рис. 19): остатки головного убора, украшенного серебряными накладками с парными выпуклинами по концам (табл. XIV, 1 - 31 экз.), сзади головной убор имел накладку другого типа (табл. XIV, 2 - 2 экз.). К вискам были прикреплены серебряные серьги с широкими щитками, соединенные под подбородком бронзовой цепочкой (табл. XIV, 3). На шее было два ожерелья – верхнее состояло из бус (табл. XIV, 4 - 11) и листовидной подвески малого размера (табл. XIV, 12); нижнее – пары монетовидных подвесок

Рис. 16. Погребение 14 (1974).

Рис. 15. Погребение 14 и 26 (1974).

Рис. 18. Погребение 16 (1974). Детали упряжи.

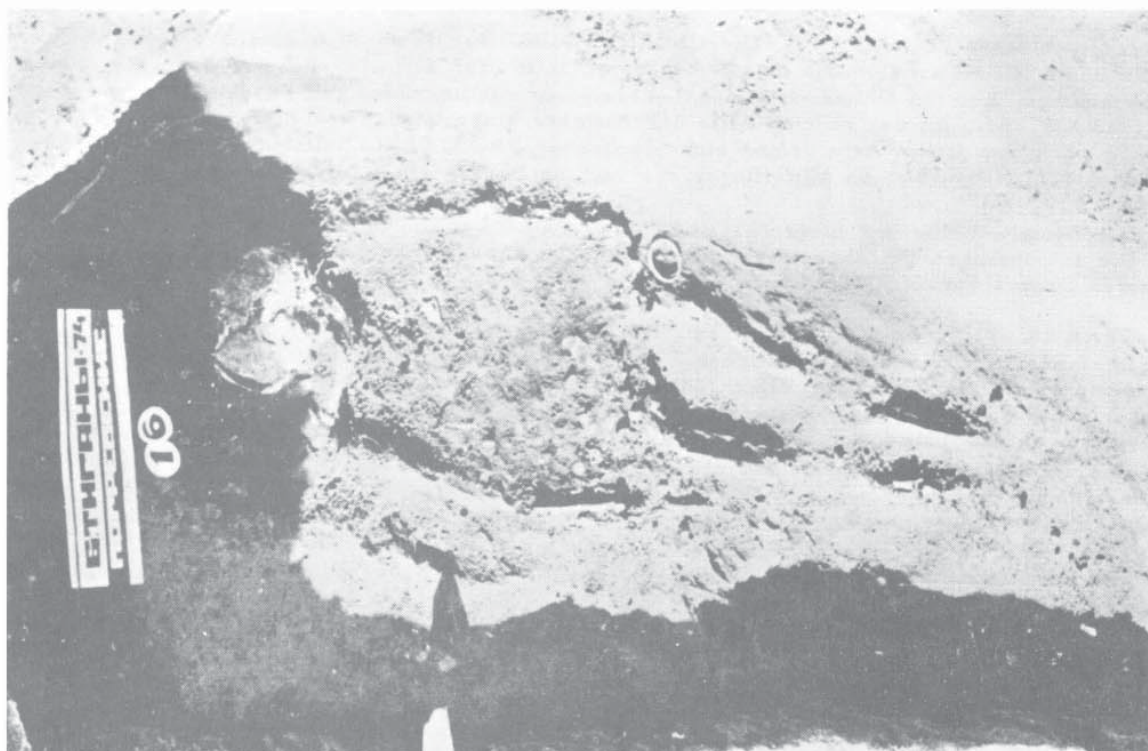

Рис. 17. Погребение 16 (1974).

и центральной листовидной крупной подвески (табл. XIV, 13-14). На грудь были положены шумящие подвески, вплетенные при помощи длинных цепочек в косы (табл. XIV, 16). В разрезе груди одежда была застегнута на бронзовый костылек (табл. XIV, 15) и желудеобразную пуговку (табл. XIV, 17). Верхняя одежда, очевидно, типа куртки, была подпоясана кожаным ремнем с массивной серебряной пряжкой (табл. XIV, 19) и серебряными накладками квадратной (табл. XIV, 22 - 9 экз.) формы, к прорезям которых были прикреплены кожаные ремешки с сердцевидными накладками (табл. XIV, 24). К ремню справа, очевидно, был подвешен железный ножик (табл. XIV, 27). На левой руке был надет бронзовый плоский браслет с расширенными и загнутыми концами (табл. XIV, 18); на средний палец правой руки – серебряный перстень с шатоном (табл. XIV, 26).

Погребенная была положена на подстилку из меха и дерева. Обилие хорошо сохранившихся деталей дает возможность предложить вариант реконструкции женского костюма по материалам данного погребения (см. рис. 20).

Погребение 18, аз. 280°, гл. 70 см, табл. XVA.

На западном краю раскопа 1974 г. на фоне материка очертились контуры относительно небольшого пятна, выявлены следы обугленного древесного перекрытия (табл. XVA, 9 – на плане) в виде плах, положенных вдоль и перекрытых сверху короткими поперечными досками. На глубине 70 см в западной части расчищены остатки плохо сохранившегося детского черепа, судя по которому погребенный был положен на спине вытянуто головой на 3. На черепе найдена крупная кольцевидная серьга, или, может быть, небольшой браслет из серебряного дрота (табл. XVA, 1). Другая сережка овальной формы (табл. XVA, 2) найдена в районе груди. Здесь же обнаружены: две глазчатые бусы из темно-синей пасты (табл. XVA, 3, 4), три бубенчикообразные пуговицы или подвески (табл. XVA, 5, 6), бронзовые пряжки (табл. XVA, 7) и небольшая накладка на концевой ремешок (табл. XVA, 8). Здесь же отмечены фрагменты кожаного ремешка.

Погребение 19, аз. 285°, гл. 90 см, табл. XVI, рис. 21-22.

В середине восточного края раскопа на глубине 70 см на фоне материковой глины выявилось подпрямоугольной формы пятно (80-100×215 см), вытянутое с В на 3 и содержащее по северно-

му краю углистые вкрапления. На глубине 77-80 см яма сузилась с западной стороны, образовав здесь заплечико шириной в 25 см (рис. 21). На дне заплечика расчищено бедро и мелкие кости лошади (табл. XVI, 36 – на плане). На глубине 80-90 см в основной яме расчищены (рис. 21): в северной половине – конский комплекс (лошади 5-6 лет) из черепа (табл. XVI, 35 – на плане) и отдельно положенных нижних конечностей (табл. XVI, 34 – на плане), в южной – средней сохранности костяк молодой женщины 16-17 лет, положенной на спине вытянуто, головой на запад, лицом на юг. Руки вытянуты вдоль туловища. Погребенная, очевидно, была положена на подстилку из дерева, войлока и меха. В юго-восточной части могилы отмечены углистые вкрапления (табл. XVI, 37 – на плане).

Погребенная была положена в относительно богатой одежде, от которой сохранились следующие вещи: на черепе – остатки головного убора, налобная часть которого была украшена кожаной повязкой с медными накладками (табл. XVI, 1-37 экз.), а на затылке и темени находился ремешок с серебряными пряжками (табл. XVI, 3) и наконечником (табл. XVI, 2); на висках – по бронзовой сережке с нанизанными металлическими бусами (табл. XVI, 5, 6) и золотым простым колечком (табл. XVI, 7); на шее – остатки двух ожерелий – из бус (белые и синие пастовые – 37 экз., табл. XVI, 11), бирсы (желтые – 150 экз., табл. XVI, 11; многоярусные стеклянные с серебряной прокладкой – 9 экз., табл. XVI, 10), пастовых двух – и трехъярусных бусин (8 экз., табл. XVI, 9) и 5 листовидных бронзовых подвесок (4 экз. с прорезями – табл. XVI, 13; 1 экз. – цельнолитой, табл. XVI, 14), из бронзовых спирально-навитых пронизей (табл. XVI, 18) и трех листовидных подвесок (табл. XVI, 15, 16, 17); на груди с левой стороны – 9 раковин каури (табл. XVI, 12), возможно, украшавших ворот или край одежды; ворот рубашки сзади был украшен серебряными листовидными накладками и подвесками (табл. XVI, 22, 23); одежда была подпоясана кожаным ремешком с серебряными пряжкой (табл. XVI, 26), двумя прорезными накладками (табл. XVI, 27-28) и концевым ремешком с серебряным наконечником (табл. XVI, 29). Хорошая сохранность деталей позволяет предложить вариант реконструкции женской одежды по материалам данного погребения (рис. 22). Погребенную сопровождали: в левой глазнице – порошок окись серебра от

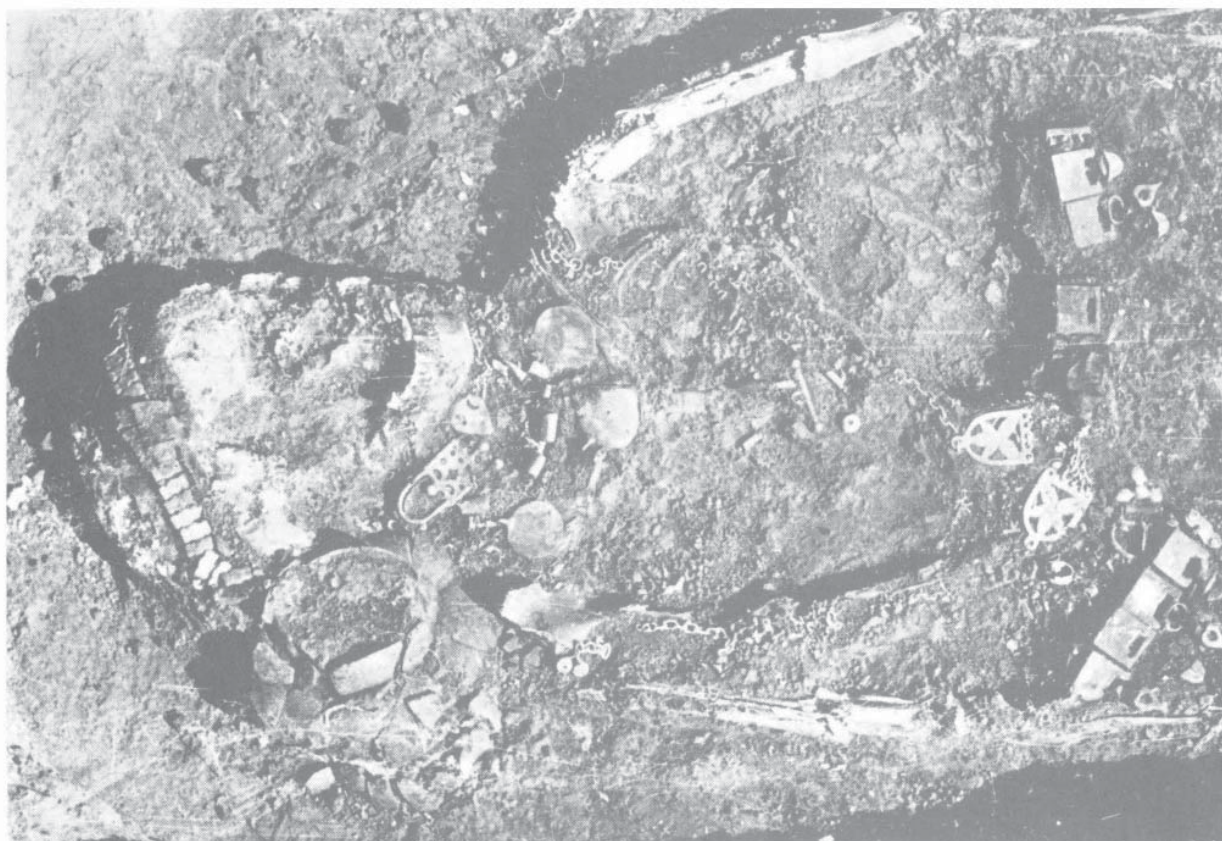

Рис.19. Погребение 17 (1974).

накладки (табл. XVI, 4); на правой руке – бронзовый браслет с нарезками и выпуклинами по дроту и загнутыми концами (табл. XVI, 19); на пальцах рук – по паре бронзовых перстней с шатоном; на левой руке – две костяные бусины шаровидной формы (табл. XVI, 25) и железная пряжка (табл. XVI, 24); между голеньями – железный нож острием к ступням (табл. XVI, 32) и бронзовое подтреугольное колечко (табл. XVI, 31); у левого виска и затылка – обломки железного шила (табл. XVI, 30) и круглодонный цилиндрический сосудик (табл. XVI, 33).

Погребение 20, аз. 270°, гл. 85 см, табл. XVII, рис. 23, 24.

В северо-западном углу раскопа 1974 г. на глубине 60 см очертилось подпрямоугольной формы (75×210 см) пятно, вытянутое с В на З, и на глубине 80-85 см завершившееся женским захоронением (рис. 23). На дне могилы расчищены средней сохранности остатки костяка женщины 25-35 лет, лежавшего на спине вытянуто головой на З, черепом повернут на левый висок. В ногах погребенной с правой стороны (у юго-восточного угла могилы) был положен комплекс из черепа (табл. XVII, 27 – на плане) и конечностей (табл.

XVII, 28 – на плане) молодой лошади. Ноги погребенной, очевидно, были связаны кожаным ремешком с серебряной пряжкой (табл. XVII, 21) и серебряными с позолотой сердцевидными накладками (табл. XVII, 22 – 7 экз.) и наконечниками (табл. XVII, 23 – 2 экз.).

Погребенная была одета в шерстяную и меховую одежду и имела разнообразные личные, украшения головного убора и одежды. К украшениям относятся: массивные серьги салтовского типа по обоим вискам (табл. XVII, 1); ожерелье из бисера и подвески монеты (табл. XVII, 4, 26 – на плане) – серебряная драхма омейядских наместников Ирана с портретом Хосрова II (590-628 гг.) и с именем наместника Зийяд Ибн Аби Суфьяна, чеканенная в 50-х годах хиджры (в 670 г.); ожерелье из разнообразных бус (табл. XVII, 5-9) и двух листовидных подвесок (табл. XVII, 10); накосники из пары арочных шумящих подвесок на каждой стороне, прикрепленных к бронзовым цепочкам (табл. XVII, 12); на правой руке был найден бронзовый браслет с расширенными концами (табл. XVII, 14), на указательном пальце левой руки – бронзовый перстень со вставкой из сердолика в шатоне (табл. XVII, 13). Головной убор и детали одежды состояли: из

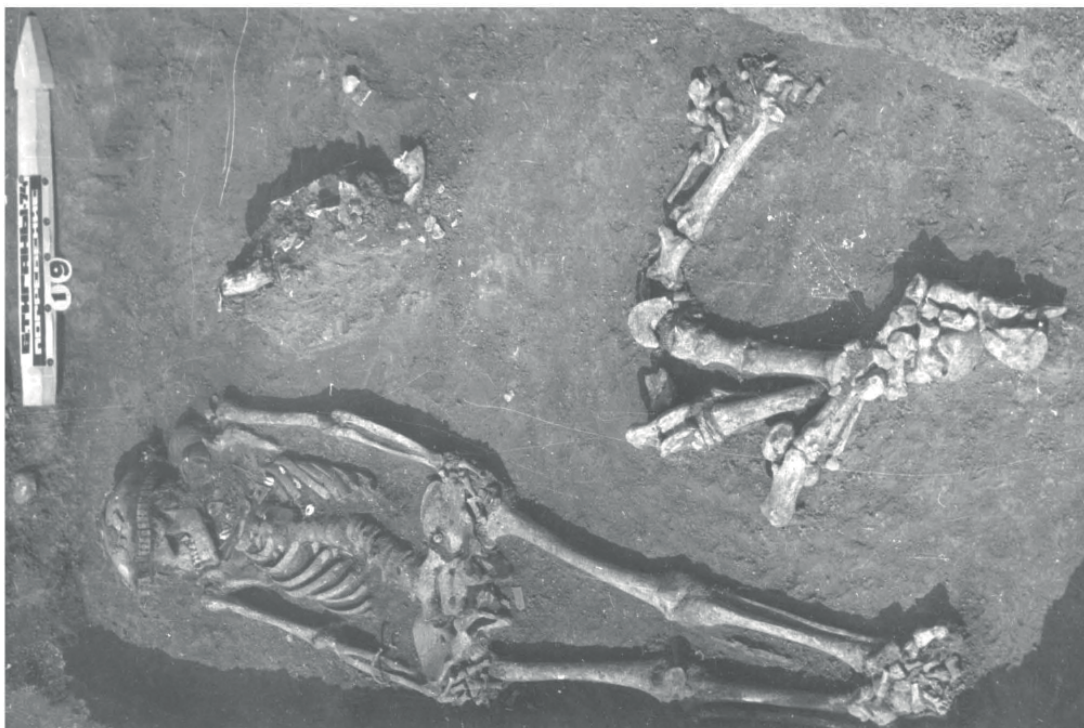

Рис. 21. Погребение 19 (1974).

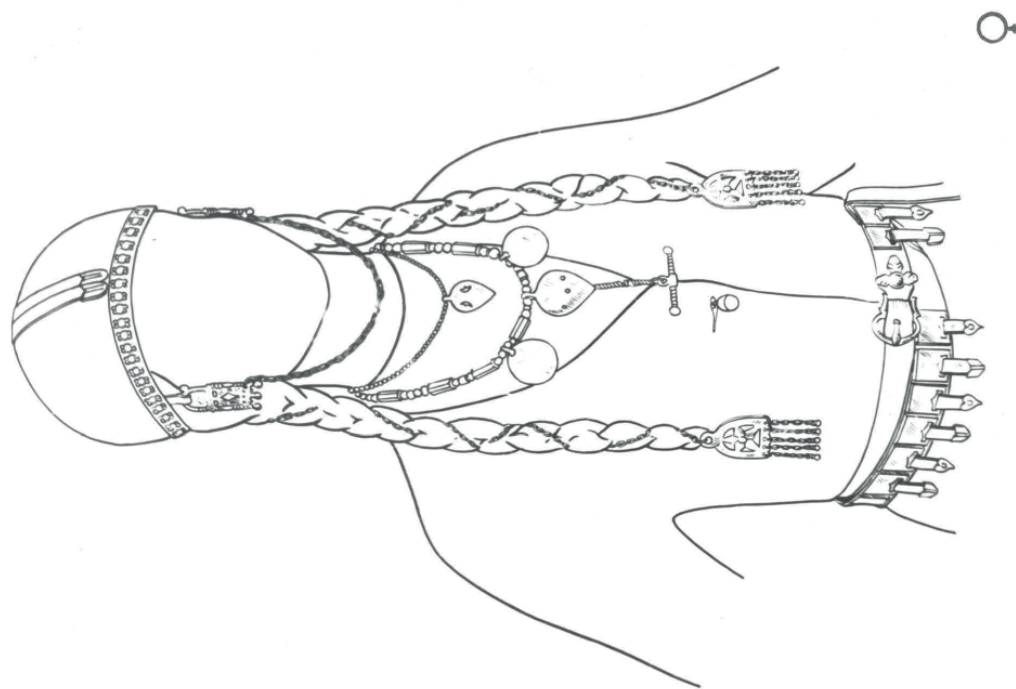

Рис. 20. Погребение 17 (1974). Реконструкция украшений костюма молодой женщины.

шапочки, налобная часть которой была украшена тремя сердцевидными накладками с позолотой (табл. XVII, 2); подпоясывавшего верхнюю куртку кожаного ремешка с серебряной пряжкой (табл. XVII, 15), накладками с позолотой (табл. XVII, 16, 17, 18 - 17 экз.) и тремя концевыми ремешками с наконечниками (табл. XVII, 19 - 2 экз.) и овальной подвеской (табл. XVII, 20). Все эти детали, обнаруженные в неповрежденном состоянии, дают возможность предложить вариант реконструкции женского костюма (рис. 24). С погребенной были положены: у левой руки – железный нож (табл. XVII, 24); у черепа – железный крючок (табл. XVII, 25).

Погребение 21, аз. 225°, гл. 60 см, табл. XVВ, рис. 25.

В северо-западной части раскопа на глубине 55 см выявилось слабо прослеживаемое пятно с округлыми концами (180×70 см), в котором на глубине 60 см расчищен плохо сохранившийся костяк пожилой женщины, положенной ближе к северной стенке ямы на спине вытянуто головой на ЗЮЗ. Погребенную сопровождали: остатки погребальной пищи в виде крупных предплечевых костей лошади (табл. XVВ, 1) и небольшой сосудик с орнаментом в виде насечек (табл. XVВ, 2); обломки еще одного, более крупного сосуда с тонким нарезным орнаментом (табл. XVВ, 11) отмечены между костями ног. Сохранились следующие украшения и детали одежды: остатки ожерелья из бус, бисера (табл. XVВ, 4) и трех крестовидных бронзовых подвесок (табл. XVВ, 3); остатки украшений нагрудника из некрупных пастовых и стеклянных бус (табл. XVВ, 4); раковина каури (табл. XVВ, 5), браслет из полуовального сечения дрота, надетый на правую руку; массивный перстень с зеленоватым стеклом в шатоне (табл. XVВ, 8) – на среднем пальце правой руки; массивная пряжка (табл. XVВ, 7) от поясного ремня – на правой стороне таза; серьги с прямоугольным ажурным щитком (табл. XVВ, 9). Под металлическими изделиями прослежены следы древесной и меховой подстилки.

Погребение 22, аз. 270°, гл. 115 см, табл. XVІІІ, рис. 26, 27.

В северо-восточном углу раскопа было расчищено на глубине 70 см обширное пятно (280×175 см), вытянутое с В на З.

На глубине 97-100 см яма резко сузилась к юго-западному углу и далее до глубины 115 см

продолжалась в виде подовального пятна 90×240 см, оставив в остальной части обширное пустое место (рис. 26). В общем заполнении отмечены углистые вкрапления, а также фрагмент лепного сосуда (табл. XVІІІ, 13 – на плане). На дне основной ямы на глубине 105-115 см расчищены остатки средней сохранности костяка пожилого мужчины (50-60 лет), положенного на спине вытянуто головой на З. Погребенного сопровождали: в изголовье – бедренная кость лошади (табл. XVІІІ, 1); под правой стороной черепа – круподонный тонкостенный сосуд с изящным резным орнаментом кушнаренковского типа (табл. XVІІІ, 2); по левому боку – лежала сабля в украшенных серебряными накладками ножнах (табл. XVІІІ, 6); на правое колено и бедро была, очевидно, наброшена уздечка из кожаных ремешков, украшенных бронзовыми накладками и соединенных между собой тройниками (табл. XVІІІ, 8) – хорошая сохранность позволяет предложить реконструкцию (рис. 27); на левое бедро, очевидно, был положен лук, от которого сохранились две костяные накладки (табл. XVІІІ, 7), а на правое бедро был положен колчан, от которого сохранились четыре железных черешковых наконечника стрелы разных типов (табл. XVІІІ, 9). От одежды и личных украшений погребенного сохранились: бронзовая серьга салтовского типа, найденная у правого виска (табл. XVІІІ, 14); остатки шейного ожерелья из большой монетовидной серебряной подвески (табл. XVІІІ, 3) и бронзовой бусинки-пронизки (табл. XVІІІ, 15); бронзовый браслет из подпрямоугольного в сечении дрота с отогнутыми концами (табл. XVІІІ, 10) был надет на правую руку; поясной набор из серебряных накладок округлой (6 экз.), полукруглой с кольцом (6 экз.), полукруглой с прорезью (3 экз.) форм (табл. XVІІІ, 4) и бронзового наконечника (табл. XVІІІ, 5); очевидно, к ремню справа были подвешены железный нож в остатках кожаного чехла – ножнах (табл. XVІІІ, 11), мешочек с огнивом, от которого сохранились кремь и ржавчина от кресала (табл. XVІІІ, 17 – на плане).

Под металлическими изделиями прослежены следы меховой и древесной подстилки.

Погребение 23, аз. 270°, гл. 90 см, табл. XIX, рис. 28.

В северо-восточном краю раскопа на фоне материкового суглинка на глубине 70 см очертилось пятно с округлыми концами (65-80×200 см), вытянутое с В на З.

Рис. 23. Погребение 20 (1974).

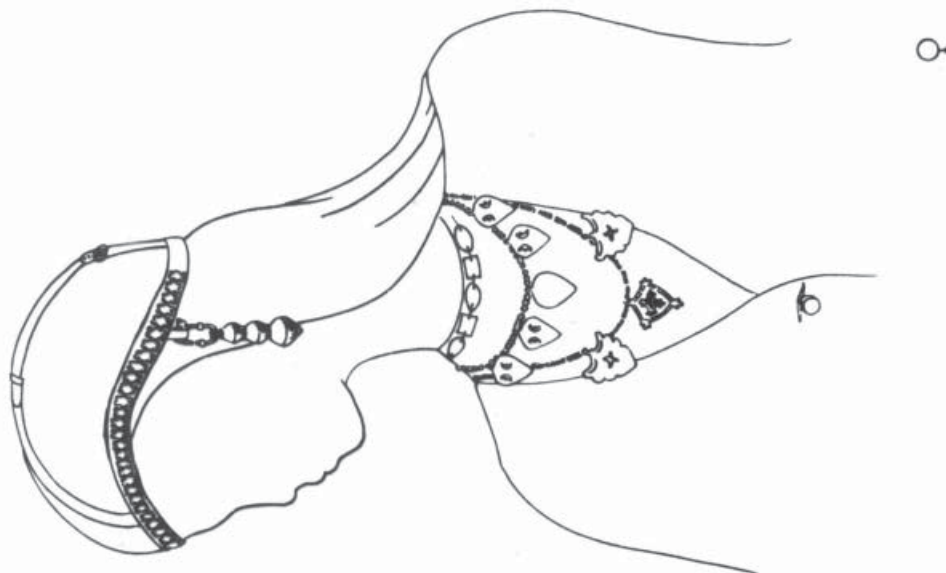

Рис. 22. Погребение 19 (1974). Реконструкция украшений костюма молодой женщины.

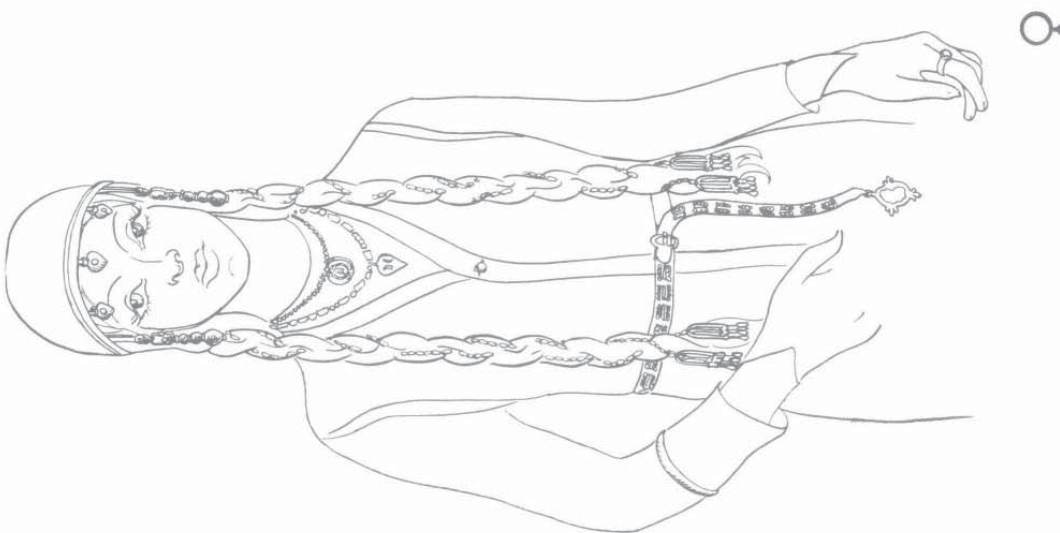

Рис. 24. Погребение 20 (1974). Вариант реконструкции костюма женщины.

Рис. 25. Погребение 21 (1974).

На глубине 90 см в яме расчищены остатки средней сохранности костяка мужчины пожилого возраста (50-60 лет), положенного на спине вытянуто головой на 3 – череп слегка повернут на правую сторону. Погребенного сопровождали: в изголовье слева – скопление костей лошади от жертвенного куска мяса (табл. XIX, 9 – на плане) и глиняный сосудик кушнаренковского типа (табл. XIX, 11); на костях голени правой ноги – лошадиный череп (табл. XIX, 8); на правом предплечье – остатки уздечки, от которой сохранились несколько бронзовых накладок и трензельное кольцо (табл. XIX, 2а-2с); по правую сторону верхней половины туловища, очевидно, был положен колчан, от которого сохранились три железных черешковых наконечника стрел (табл. XIX, 1) и железное острие (табл. XIX, 10). На глазницах черепа плен от серебряных наглазников (табл. XIX, 12 – на плане). От личных украшений и одежды погребенного сохранились: серьга салтовского типа – под правым виском (табл. XIX, 13); в районе шеи – три шаровидных бубенчика или от застежек ворота одежды, или от шейного ожерелья (табл. XIX, 3); на поясе – остатки ремня с пряжкой (табл. XIX, 5), полукруглой накладкой (табл. XIX, 4) и двумя подпрямоугольными накладками (табл. XIX, 6), поверхность которых украшена оригинальным орнаментом с изображением крылатых коней; на указательный палец правой руки был надет перстень с шатоном (табл. XIX, 7); к поясу справа были подвешены – железный нож (табл. XIX, 15) и огниво, от которого сохранились кремешок и остатки железного кресала (табл. XIX, 14а-14с).

Погребение 24, аз. 275°, гл. 120 см, табл. XX, рис. 29.

В крайнем северо-восточном углу раскопа на фоне материка очертилось подчетыреугольное пятно (110-125×280 см), вытянутое с В на 3.

На дне ямы, в засыпи которой отмечены углистые вкрапления, на глубине 120 см расчищен средней сохранности костяк мужчины 25-35 лет, положенный на спине вытянуто головой на 3, череп слегка повернут на левую сторону, руки кистями сложены на таз (рис. 12). На темени черепа прижизненное трепанационное отверстие диаметром около 2 см (табл. XX, 20 – на плане).

Погребенного сопровождали: длинная и узкая костяная лопаточка (табл. XX, 1) – справа от черепа; кости (ребра лошади) от погребального мяса (табл. XX, 19 – на плане) – на костях го-

лени; лук, от которого сохранились костяные накладки (табл. XX, 4) – на правой стороне груди, возможно, остатки двух луков; железная сабля (табл. XX, 12), рукоятка которой была украшена по коже тремя ромбовидными серебряными накладками (табл. XX, 13 на плане), остатки от колчана из бронзовой колчанной петли (табл. XX, 16) и 10 железных черешковых наконечников стрел (табл. XX, 17) – вдоль нижней части левой ноги. На глазницах черепа обнаружены вместе со следами шелковой ткани серебряные наглазники (табл. XX, 2). От одежды и личных украшений погребенного сохранились: сережка салтовского типа (табл. XX, 3) – у левого виска; две бронзовые пуговицы от застежек одежды (табл. XX, 5) – по правую сторону верхней части груди; браслет из уплощенного дрота с загнутыми концами (табл. XX, 10) – на левой руке; на указательном пальце правой руки – бронзовый перстень с желтовато-серым камнем в шатоне (табл. XX, 11); на локте правой руки – серебряная пластинчатая нашивка (табл. XX, 6); в районе щиколоток обеих ног – серебряные накладки от украшений обуви (табл. XX, 18); на поясе и ниже – остатки кожаного ремня с бронзовой пряжкой (табл. XX, 9), различными накладками (табл. XX, 7) и двумя концевыми ремешками из которых один был украшен простым наконечником (табл. XX, 8), а другой – одиннадцатью четырехчастными бляхами (табл. XX, 15а), двумя округлыми с прорезью бляхами, на поверхности которых изображения крылатого сенмурва (табл. XX, 15b), и массивным серебряным наконечником с изображением крылатого змея с лошадиным туловищем и расцветшим хвостом (табл. XX, 15с).

Под металлическими изделиями прослежены следы древесной и меховой подстилки.

Погребение 25, аз. 275°, гл., табл. XXIАВ.

По восточной окраине раскопа по глубине 65-70 см очертилось овальной формы (120×185 см) пятно, вытянутое с В на 3 (аз. 275°).

В южной части пятна на глубине 75 см расчищен плохо сохранившийся костяк младенца, очевидно, положенный на спине вытянуто головой на 3 (сохранились лишь истлевшие кости верхней половины туловища). В изголовье расчищены развал большого лепного сосуда кушнаренковского типа (табл. XXIА, 1) и подвески из кости бобра (табл. XXIА, 5). На правой стороне черепа – бронзовая сережка салтовского типа (табл.

Рис. 26. Погребение 22 (1974).

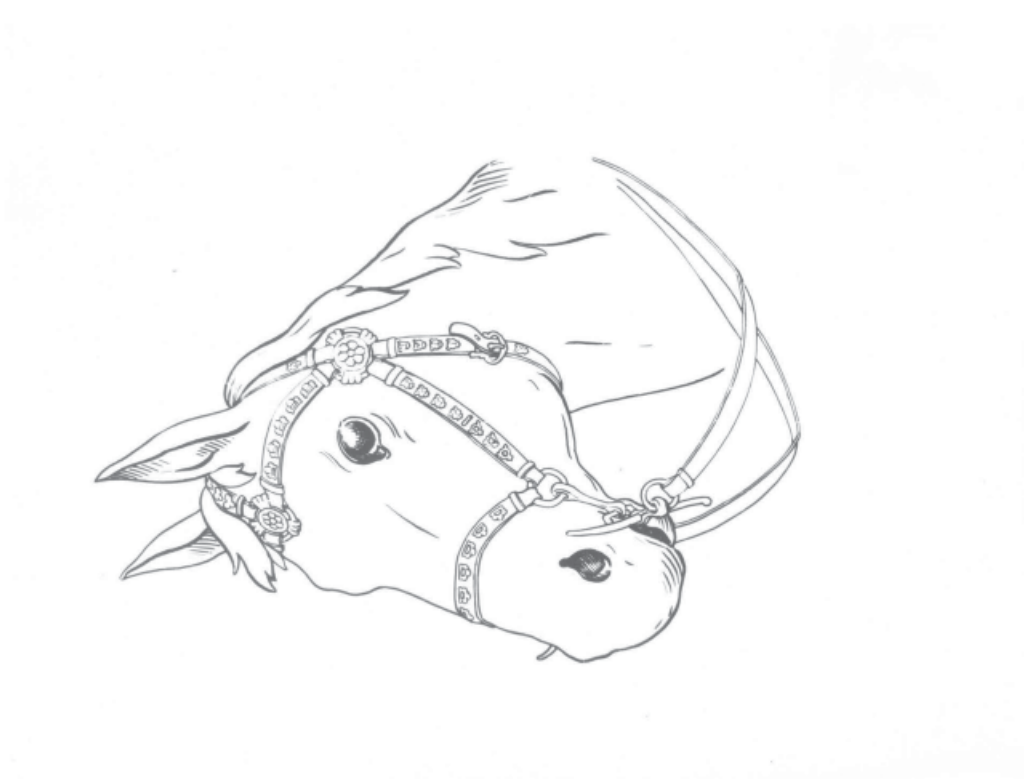

Рис. 27. Погребение 22 (1974). Реконструкция уздечки.

XXIA, 2); в районе шеи – остатки ожерелья из небольших пастовых и стеклянных с серебряной прокладкой бус и бисера (табл. XXIA, 3); на поясе – остатки ремня с накладками из медных полушарий (3 экз.) и трилистника (табл. XXIA, 4).

Северная часть была углублена на 20 см и здесь на глубине 90 см расчищен относительно лучшей сохранности костяк мальника 6-7 лет, также положенный на спине вытянуто головой на З (череп раздавлен и положен на левый висок). Погребенного сопровождали: в изголовье и сверху черепа – обломок крупной кости (лопатка?) лошади (табл. XXIV, 1 – на плане); перед лицевой частью черепа – раздавленный лепной сосудик (табл. XXIV, 2). От одежды и личных украшений погребенного сохранились: на правой височной стороне черепа – бронзовая сережка салтовского типа (табл. XXIV, 3); под челюстью – остатки ожерелья из серебряной монетовидной подвески (табл. XXIV, 6 – на плане) и стеклянного с серебряной прокладкой бисера (табл. XXIV, 4); на шее – бронзовая пуговка с выпуклой шляпкой (табл. XXIV, 5); на нижней части груди – листовидная прорезная подвеска (табл. XXIV, 7) и бронзовая шаровидная пуговка (табл. XXIV, 8); на запястье правой руки – несколько бисеринок из темно-синей пасты и стекла с серебряной прокладкой (табл. XXIV, 9). С левой стороны тазовой кости лежал железный нож (табл. XXIV, 10).

Погребение 26, аз. 275°, гл. 70 см, табл. XXIIA.

С юго-западной стороны погребения 14 примыкало пятно подквадратной формы (160×170 см), при расчистке которого на глубине 70 см выявлены остатки двух детских костяков: А – 1-2 года, В – 4-5 лет (табл. XXIIA). Плохо сохранившиеся остатки обоих костяков лежали на спине вытянуто головой на З. Костяк «А» сопровождали: железная втулка (табл. XXIIA, 1) и обломки небольшого глиняного сосудика (табл. XXIIA, 2), неподдающегося реконструкции, расчищенные в изголовье; костяк «В» – кость животного (раздробленная лопатка лошади, табл. XXIIA, 3) и глиняный сосудик (табл. XXIIA, 4) справа от черепа; по обе стороны от черепа – серебряные серьги салтовского типа (табл. XXIIA, 5); в районе верхней части груди – остатки ожерелья из медной листовидной подвески (табл. XXIIA, 6) и спиральной пронизки (табл. XXIIA, 7).

Погребение 27, аз. 255°, гл. 60 см, табл. XXIIВ, рис. 30/А

В северо-западном углу на фоне материкового суглинка очертилось овальной формы (120×65 см) пятно, вытянутое с В на З. В пятне на глубине 60 см расчищены средней сохранности остатки костяка девочки-подростка, положенного на спине вытянуто головой на З. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута и кистью сложена на правую сторону таза. Под костяками прослежены следы подстилки из дерева (волокну вдоль), войлока и кожи (табл. XXIIВ, 12 – на плане). Погребенную сопровождали: слева от черепа – лепной круглодонный сосуд с резным орнаментом (табл. XXIIВ, 1). От одежды и личных украшений погребенной сохранились: бронзовая лапчатая подвеска на цепочке (табл. XXIIВ, 3), служившая скорее всего украшением шапочки (рис. 30); две серебряные сережки салтовского типа по обеим сторонам черепа (табл. XXIIВ, 2); ожерелье из пастовых и стеклянных бус и бисера с каплевидной подвеской (табл. XXIIВ, 4); ожерелье из трех серебряных дирхемов (табл. XXIIВ, 5 – на плане), которые, по определению Г.А. Федорова-Давыдова и С.А. Яниной, были чеканены: 1 - в 143 гх. (760-761 гг.), ал-Басра; 2 - 171 гх. (787-788 гг.), ал-Аббасия; 3 – в 163 (779-780 гг) или 173 гх. (789-790 гг.), ал-Аббасия; на груди – литая бронзовая пуговка (табл. XXIIВ, 6); по краям грудной клетки – остатки накошников из бронзовой цепочки, завершенной шумящими подвесками на щитках арочной формы (табл. XXIIВ, 7); бронзовый витой браслет с оригинальным коническим завершением (табл. XXIIВ, 8); под браслетом прослежены остатки кожаного ремешка от пояса (табл. XXIIВ, 12 – на плане); на верхней части правой бедренной кости лежали бронзовая подвеска (табл. XXIIВ, 9, 10, 11), очевидно, украшавшие кожаную сумочку.

Непотревоженное состояние украшений позволяет дать реконструкцию костюма девочки – подростка (рис. 30/А).

Погребение 28, аз. 300°, гл. 110 см, табл. XXIII, рис. 31, 32.

В центре южной стороны раскопа на глубине 70 см очертилось на фоне материка темное овальное пятно (100-125×200 см), вытянутое с В на З и расширенное в западной стороне. При расчистке оно сузилось с южной стороны, где на глубине 95 см образовало заплечико (рис. 31), в западной части шириной в 40 см, в восточной – 50-55 см.

Рис. 29. Погребение 24 (1974).

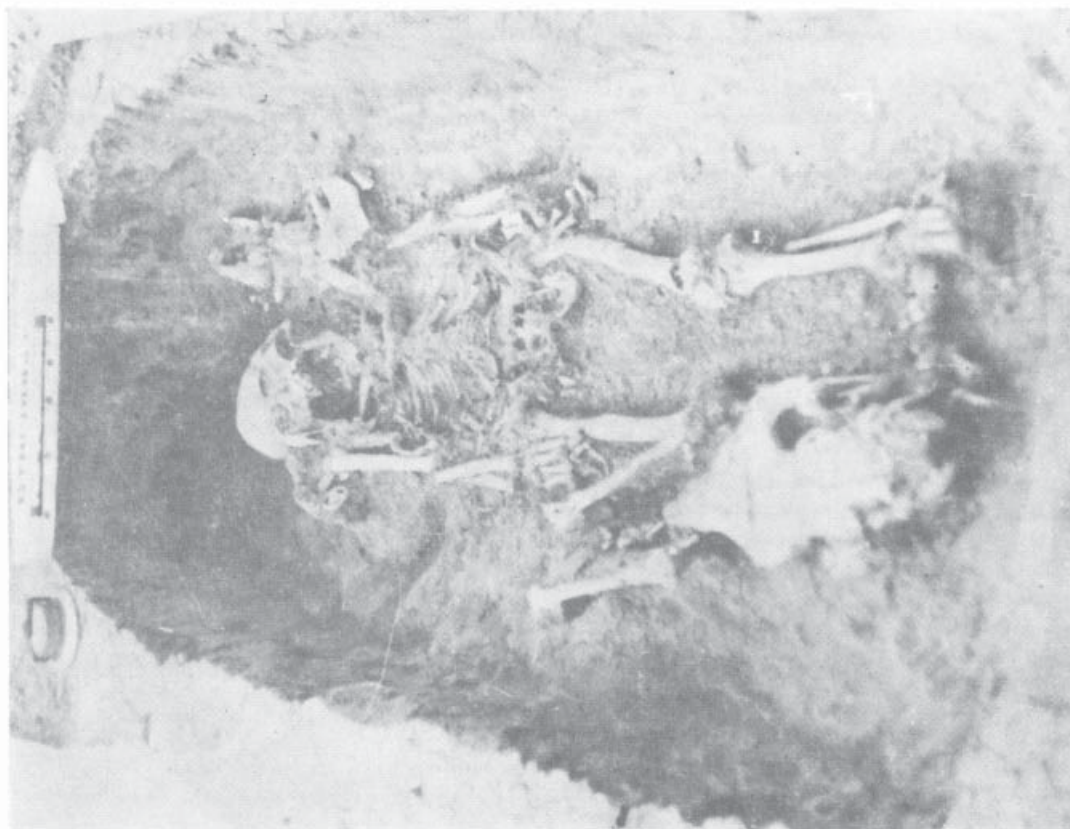

Рис. 28. Погребение 23 (1974).

В расширенной восточной стороне лежал конский комплекс из черепа (табл. XXIII, 27 – на плане) и ножных костей (табл. XXIII, 28 – на плане) молодой лошади. В северной стороне яма углубилась до 110 см. Здесь расчищен средней сохранности костяк мужчины 45-55 лет, лежавший на спине вытянуто головой на З, череп слегка повернут на левый висок (табл. XXIII, рис. 31). Под костяком прослежены следы подстилки из дерева и войлока.

Погребенного сопровождали: бедренная кость лошади, положенная справа от верхней половины туловища (табл. XXIII, 24 – на плане); глиняный сосуд кушнареновского типа с изящным резным орнаментом (табл. XXIII, 23); конский набор из железных удил (табл. XXIII, 18) и пары стремян арочной формы с плоской подножкой (табл. XXIII, 19, 20), расположенных справа вдоль от средней части туловища, железная сабля в отделанных серебром с позолотой кожаных ножнах (табл. XXIII, 22), находящаяся слева вдоль погребенного; остатки колчана с двумя железными скобковидными петлями (табл. XXIII, 15) и четырьмя железными наконечниками стрел (табл. XXIII, 11-14), лежащие сверху сабли также вдоль левой стороны погребенного; комплекс огнива из кремней и железного кресала (табл. XXIII, 10 – на плане) выше правого локтя.

От одежды, личных вещей и предметов погребального ритуала сохранились: серебряные с позолотой прямоугольные пластины с отверстиями по коротким сторонам – наглазники (табл. XXIII, 1); остатки ожерелья из медных спиральных пронизок (табл. XXIII, 2) и серебряного дирхема (табл. XXIII, 25 — на плане; чеканен при Васите в 91 гх. – 709-710 гг.); серебряные пластинчатые нашивки на локтевые части рукавов (табл. XXIII, 26 – на плане); бронзовый браслет из восьмигранного дрота с точечным орнаментом, одетого на правую руку (табл. XXIII, 8); два медных перстня с шатоном на средних пальцах обеих рук (табл. XXIII, 9); кожаный пояс с серебряными пряжками (табл. XXIII, 3), накладками полуовальной с прорезью (табл. XXIII, 4), листовидной с кольцом (табл. XXIII, 5) и длинным концевым ремешком, украшенным серебряными накладками листовидной формы (табл. XXIII, 6) и массивным наконечником (табл. XXIII, 7). Возможно, к поясу справа был подвешен железный нож (табл. XXIII, 17).

Расположение *in situ* всех этих предметов позволяет дать реконструкцию мужского костюма (рис.32).

Погребение 29, аз. 250°, гл. 80 см, табл. XXIVA, рис. 30/В

В центре раскопа на фоне материкового суглинка расчищено подчетырёхугольной формы пятно (140×85 см), вытянутое с В на З и завершившееся на глубине 80 см погребением ребенка 3-4 лет, плохой сохранности, костяк которого лежал на спине вытянуто головой на ЗЮЗ в северо-западном углу ямы.

Погребенного сопровождали: в изголовье – ожерелье из 8 шаровидных стеклянных бус и подвесок из четырех клыков кабана (табл. XXIVA, 1); раздробленные кости животного, очевидно, от погребальной пищи - мяса (табл. XXIVA, 2 – на плане); раздавленный глиняный круглодонный сосудик с изящным кушнареновским резным орнаментом (табл. XXIVA, 3).

От одежды и личных украшений сохранились: по обеим сторонам черепа – две серебряные сережки салтовского типа (табл. XXIVA, 4); на шее остатки двух ожерелий – из пастовых и стеклянных бус и бисера (табл. XXIVA, 5) и бронзовых спиральных пронизок с коготковидной подвеской (табл. XXIVA, 7); на верхней части груди – шумящие подвески от наконечников (табл. XXIVA, 6) и бронзовая литая шаровидная пуговка – пронизка (табл. XXIVA, 8); в районе пояса – остатки ремня с небольшой бронзовой пряжкой (табл. XXIVA, 9а), серебряными обоймочками (табл. XXIVA, 9б) и четырьмя листовидными с округлыми подвесками из белой бронзы (табл. XXIVA, 9с).

Сохранность и неповрежденность всех вещей дает возможность реконструировать костюм ребенка (рис. 30/В).

Погребение 30, аз. 270°, гл. 80 см, табл. XXIVB, рис. 33.

В центре восточной стороны на фоне материкового суглинка очертилось подпрямоугольное (220×75 см) пятно, расчистка которого выявила могильную яму с глубиной в 80 см и достаточно строгой ориентацией с В на З.

На дне расчищены остатки костяка женщины 35-45 лет, положенной на спине вытянуто головой на З. Между левым боком и левым локтем был поставлен круглодонный цилиндрический сосудик (табл. XXIVB, 9).

От одежды и личных украшений погребенной сохранились: на лобной и затылочной части черепа – остатки головного венчика из прикрепленного к кожаному ремешку накладок с парными выпукли-

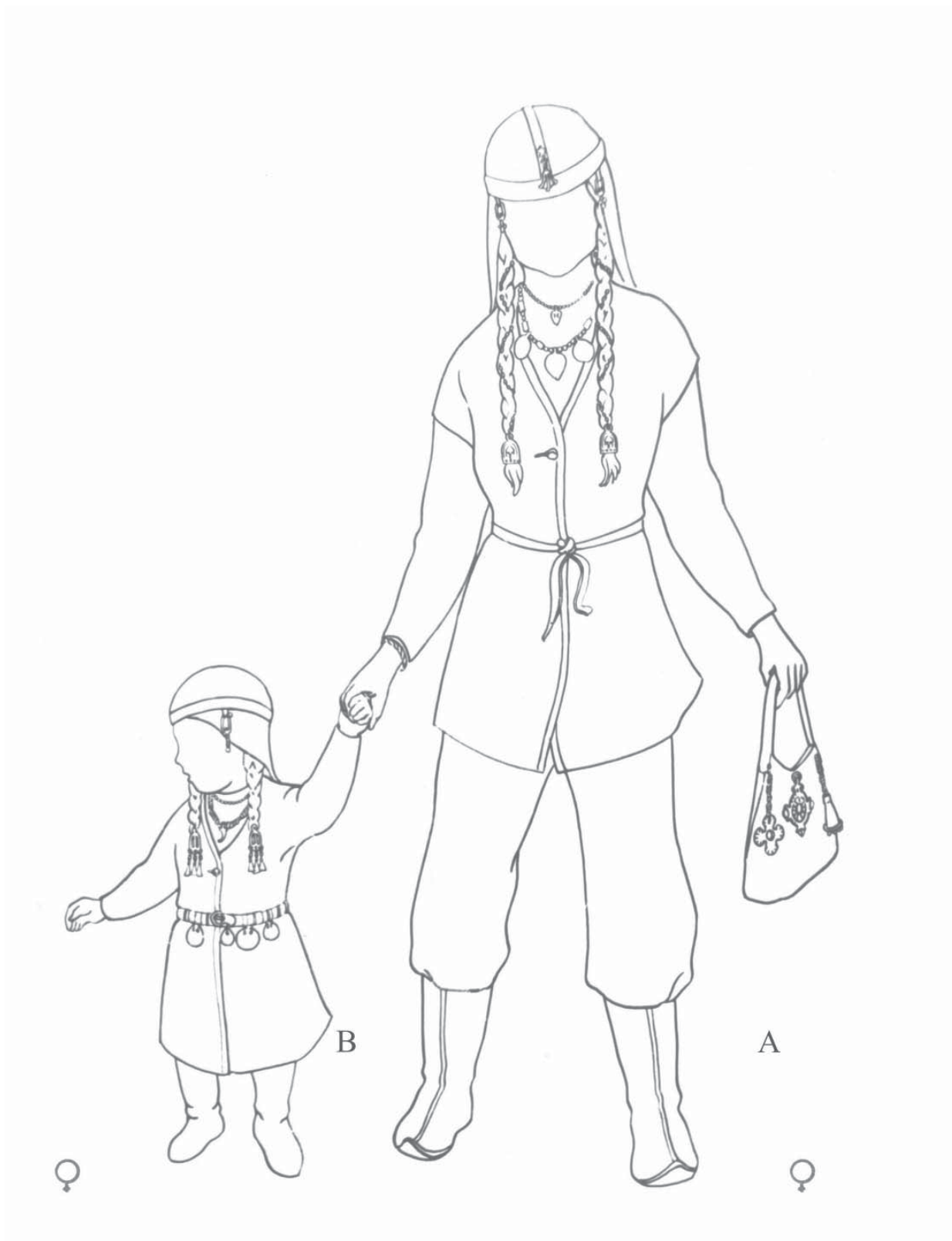

Рис. 30/А. Погребение 27 (1974). Вариант реконструкции костюма девушки.

Рис. 30/В. Погребение 29 (1979). Вариант реконструкции костюма девочки.

нами (табл. XXIVB, 1 – 27 экз.) и бронзовой про-
низки (табл. XXIVB, 16); под правой частью затылка
обнаружена часть костяного гребешка с тонким
резным орнаментом (табл. XXIVB, 18); по обеим
сторонам челюсти лежали массивные серьги из
некачественного серебра с булавовидными приве-
сками (табл. XXIVB, 2); на левой плазнице сохра-
нился тлен от серебряного листа наплавника (табл.
XXIVB, 4 – на плане); под челюстью в верхней
части груди – остатки ожерелья из бус и трех брон-
зовых листовидных подвесок с прорезами (табл.
XXIVB, 3 – на плане; тип табл. IV: 12); в верхней
части груди – железная пластинка (застежка?; табл.
XXIVB, 5 – на плане) и две небольшие бронзовые
спиральки (табл. XXIVB, 7); ниже них – обломки
бронзового костылька (табл. XXIVB, 6) и две брон-
зовые литые пуговицы (табл. XXIVB, 8); на лучевых
костях левой руки – бронзовый восьмигранный
в концах браслет (табл. XXIVB, 10); на среднем
пальце правой руки – перстень из некачественного
серебра с темным камнем в шатоне (табл. XXIVB,
11); на верхней части таза сохранились остатки
металлических деталей пояса – бронзовая пряжка
и бронзовые накладки – четырехчастные и сердце-
видная прорезная (табл. XXIVB, 12), серебряный
наконечник с овальным концом (табл. XXIVB, 14)
и две колокольниковидные подвески (табл. XXIVB,
13); справа к поясу был подвешен железный нож,
вложенный в кожаные ножны с серебряной обклад-
кой (табл. XXIVB, 17), в верхней части ножен име-
лась бронзовая скобочка (табл. XXIVB, 15).

Под костяком, особенно в местах расположе-
ния металлических изделий, прослежены следы
подстилки из дерева, войлока и меха.

Погребение 31, аз. 90°, гл. 80 см, табл. XXVA.

В северо-западной части раскопа на глуби-
не 60-70 см обрисовалось подпрямоугольной
формы пятно (190×75-80 см), вытянутое с З на
В. На глубине 80 см выявились остатки очень
плохо сохранившегося костяка, от которого со-
хранились лишь тлен от черепа в восточном
конце ямы и тлен от трубчатых костей в западной
половине. Судя по ним, можно предполагать, что
погребенный был положен головой на В. Рядом с
черепом найдены остатки ожерелья из 8 стеклян-
ных и пастовых бус (табл. XXVA, 1); в середине
ямы – обломки бронзовой с позолотой ременной
накладки (табл. XXVA, 2); несколько западнее
– обломки железных сдвоенных пластин (табл.
XXVA, 3а) и ножа (табл. XXVA, 3б).

Скорее всего, перед нами остатки разгра-
бленного погребения.

Погребения и комплексы, исследованные в 1975 г

Погребение 32, гл. 80, грабленое, табл. XXVB.

В северо-западном конце раскопа на уровне
материка выявилось подпрямоугольной формы
пятно (190×80 см), вытянутое с В на З и содер-
жащее на дне остатки полностью нарушенного
грабителями женского (?) костяка. Вместе с раз-
грабленными обломками человеческих костей, из
которых ни одна не лежала на месте, обнаруже-
ны: бронзовая серьга (табл. XXVB, 1), обломки
спаренных накладок от головного венчика (табл.
XXVB, 2), две сердцевидные накладки от пояс-
ного ремня (табл. XXVB, 3), обломки тонкостен-
ного сосуда с резным орнаментом (табл. XXVB,
4), мелкие фрагменты серебряных пластинок,
железных предметов и т.п.

Погребение 33, аз. 265°, гл. 60 см, табл. XXVI.

В северо-восточной части раскопа на фоне
материкового супинка очертилось пятно с окру-
плыми концами (230×70-85 см), вытянутое с В на
З. На глубине 60 см расчищен средней сохран-
ности костяк мужчины 20-30 лет, лежавший на
спине вытянуто головой на З. Череп повернут на
левый висок, руки слегка согнуты в локтях и ки-
стями сложены на таз.

Погребенного сопровождали: в изголовье
слева – костяная лопаточковидная пластина
(табл. XXVI, 1); левее верхней части туловища –
остатки колчана, от которого сохранились желе-
зный крючок (табл. XXVI, 5), 7 железных череш-
ковых наконечников стрел, положенных острием
на З (табл. XXVI, 4); костяные накладки от лука
(табл. XXVI, 6); железный нож (табл. XXVI, 7)
острием на З; вдоль нижней половины тулови-
ща слева лежала железная сабля однолезвийная
в основной части и двулезвийная на конце, вло-
женная в деревянные ножны, обернутые кожей
и имеющие серебряную обкладку по верхнему
краю и две серебряные петли по левой стороне
(табл. XXVI, 11), перекрестие сабли – железное
с опущенными концами, общая длина сабли –
81 см, длина клинка – 70 см, длина рукоятки – 11
см; левее нижнего конца сабли лежали две тон-
кие костяные пластины.

От одежды и личных украшений погребенного сохранились: по обеим сторонам

Рис. 31. Погребение 28 (1974).

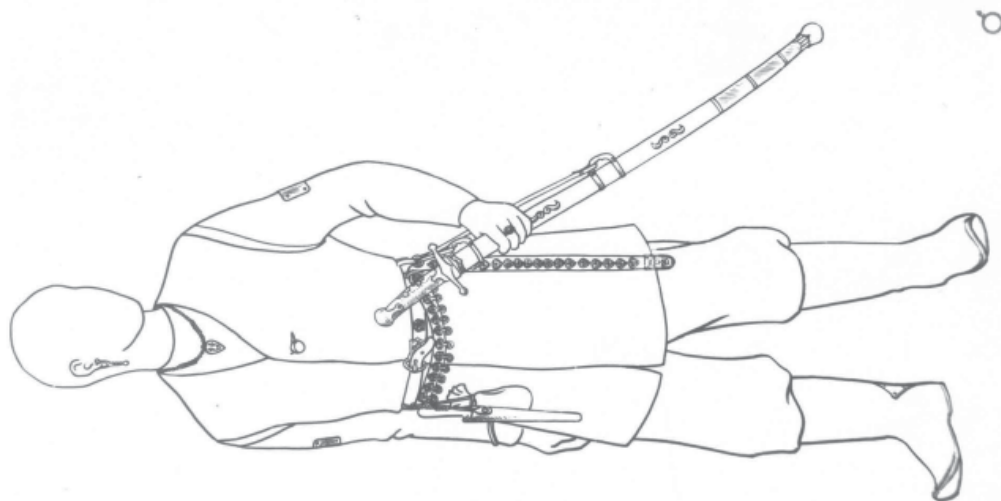

Рис. 32. Погребение 28 (1974). Вариант реконструкции костюма мужчины.

Рис.33. Погребение 30 (1974).

черепа – серьги салтовского типа из некачественного серебра (табл. XXVI, 2); под челюстью черепа – бронзовая бусина и листовидная подвеска (табл. XXVI, 3); на указательном пальце правой руки – серебряный перстень со вставкой из светло-фиолетового стекла в шатоне (табл. XXVI, 8); на тазовых костях – тлен от кожаного ремня и серебряных накладок (табл. XXVI, 9 – на плане) и бронзовая пряжка с обоймочкой (табл. XXVI, 10).

Под костяком прослежены остатки ткани и кожи от одежды.

Погребение 34, гл. 40 см, грабленое, табл. XXVC.

В северо-восточной части раскопа в слое чернозема обнаружены остатки полностью разрушенного костяка, очевидно, положенного в неглубокую яму, вытянутую с СВ на ЮЗ. От погребения сохранились: в северо-восточной стороне - череп и два зуба, рядом обломок железного предмета; в юго-западной стороне - пряжка (табл. XXVC, 1) и мелкие сердцевидные накладки (табл. XXVC, 2) из некачественного серебра.

Погребение 35, аз. 305°, гл. 70 см, табл. XXVII.

В юго-западном углу на фоне суглинка на глубине 60 см выявилась яма с округлыми концами (95 - 105×190 см), вытянутая с ВЮВ на ЗСЗ. В засыпи – интенсивно гуммированная почва – золыстые включения. На глубине 70 см расчищен средней сохранности костяк девочки-подростка 9 лет.

Погребенная была положена на подстилку из дерева и войлока на спине вытянуто головой на ЗСЗ. Череп, повернутый на левый висок, раздавлен. Левая рука вытянута, правая – согнута и кистью упирается в таз. Погребенную сопровождали: справа в изголовье – остатки погребальной пищи, от которой сохранились бедренная и хвостовые кости лошади (табл. XXVII, 1 – на плане), комплекс украшений, состоящий из многочисленных синих бусин (табл. XXVII, 2a – на плане), серебряных монетовидной и листовидной подвесок (табл. XXVII, 3ab), бронзового костылька на цепочке (табл. XXVII, 2b), перстня из некачественного серебра с шатоном со вставкой

(табл. XXVII, 2a), сердцевидной прорезной подвески (табл. XXVII, 2c)²; слева у черепа – лепной тонкостенный сосудик с резным орнаментом (табл. XXVII, 15) и еще один комплекс украшений, состоящий из серебряной монетовидной подвески (табл. XXVII, 3), бронзовых спирали и очковидной подвески (табл. XXVII, 5 – на плане). По правой стороне нижней половины туловища был положен деревянный стек, имевший на верху костяное навершие, на конце – медный наконечник с железным кольцом и обернутый медной полоской (табл. XXVII, 13, 14).

От деталей одежды и личных украшений сохранились: по обеим сторонам черепа – височные подвески трапециевидной формы (табл. XXVII, 4); в верхней части груди – остатки ожерелья из раковин каури (табл. XXVII, 5a – на плане), бус (табл. XXVII, 5b – на плане), бисера (табл. XXVII, 5c – на плане), 4 бронзовых бубенчика (табл. XXVII, 5 – на плане); квадратной (табл. XXVII, 5e – на плане) и листовидной (табл. XXVII, 5d – на плане) подвесок из серебряных пластин, бронзовой ременной пряжки с позолотой (табл. XXVII, 5 – на плане); на правой и левой сторонах грудной клетки – две гириковидные подвески на спиральных пронизках (табл. XXVII, 8); справа на груди и слева под черепом – остатки украшений наконечника из двух бронзовых крестовидных подвесок (табл. XXVII, 7); на указательном пальце правой руки – серебряный перстень с шатоном (табл. XXVII, 12a), на левой руке – бронзовый перстень с шатоном (табл. XXVII, 12b); на запястье левой руки – бронзовый браслет (табл. XXVII, 11); в районе таза остатки богатого поясного гарнитура, от которого сохранились массивная пряжка (табл. XXVII, 10a), 24 серебряные с позолотой накладки, в том числе 16 четырехугольных (табл. XXVII, 10b), 5 сердцевидных (табл. XXVII, 10c), и 3 листовидные подвески к поясу (табл. XXVII, 10d). У пояса справа вверху лежала раковина каури.

Погребение 36, аз. 295°, гл. 50 см, табл. XXVD.

В черноземе могильная яма не прослеживалась, лишь предположительно можно говорить о ее небольших размерах – 100×45 см. На глубине 50 см расчищены остатки средней сохранности костяка ребенка 1,5 года, положенного на спине вытянуто головой на ЗСЗ, лицом вверх. Справа от черепа – небольшой сосудик (табл. XXVD, 1), под челюстью остатки ожерелья из стеклянных

бус (табл. XXVD, 2) и двух бронзовых подвесок листовидной (табл. XXVD, 3a) и подпрямоугольной (табл. XXVD, 3b) форм.

Погребение 37, аз. 290°, гл. 95 см, табл. XXVIII, рис. 34.

В юго-восточном углу раскопа на глубине 60-65 см на фоне суглинка очертилось пятно с округлыми концами (225×80 см), вытянуто с В на З.

На глубине 95 см расчищен средней сохранности костяк мужчины 35-40 лет, положенный на спине вытянуто головой на З на дно, выложенное деревом и кожей (табл. XXVIII, 20 – на плане). Череп лежит на правом виске, правая рука вытянута, левая – слегка согнута и кистью положена на таз. Погребенный, вероятно, был убит, поскольку под седалищными костями обнаружен железный наконечник стрелы (табл. XXVIII, 12 – на плане), торчащий вверх острием.

Погребенного сопровождали: слева от черепа – длинная костяная лопатка-ложка с тонким резным орнаментом с обеих сторон (табл. XXVIII, 1); на правую сторону груди под правую руку был положен железный топор-чекан (табл. XXVIII, 6), на левое бедро – колчан, от которого сохранились костяная пластина от крышки (табл. XXVIII, 15), бронзовая оковка с кусками кожи (табл. XXVIII, 14) от верхней части колчана и 6 черешковых железных наконечников стрел (табл. XXVIII, 13), лежавших острием к изголовью; около левой берцовой кости обнаружен железный нож (табл. XXVIII, 18).

В обеих глазницах черепа обнаружены листовидные наглазники из некачественного серебра (табл. XXVIII, 13a, b – на плане). От одежды и личных украшений сохранились: по обеим сторонам виска – бронзовые серьги салтовского типа (табл. XXVIII, 2); под челюстью – несколько бисеринок и листовидная прорезная подвеска (табл. XXVIII, 4, 5 – на плане); на правом предплечье, ближе к кости – браслет из простого бронзового дрота полуовального в сечении (табл. XXVIII, 7); на среднем пальце правой руки – серебряные пластины (табл. XXVIII, 8); на нижней части груди и тазовых костях – остатки поясного гарнитура из серебряной пряжки (табл. XXVIII, 10), 6 бронзовых накладок круглой формы (табл. XXVIII, 9) и ременного наконечника (табл. XXVIII, 11); на костях обеих стоп – медные и серебряные бляшки и накладки от укра-

² Весь этот комплекс, вероятно, был сложен в берестяной туесок, следы которого были замечены под металлом.

шений обуви (табл. XXVIII, 19). К поясу слева, очевидно, был подвешен кожаный мешочек с огнивом, от которого сохранился кремешок (табл. XXVIII, 16).

По материалам погребения № 37 предлагается реконструкция мужского костюма (рис. 34).

Погребение 38, аз. 295° см, табл. XXVE.

В черноземе могильная яма не прослеживается, можно полагать, что она была небольшая (100×50 см?).

На глубине 50 см расчищен плохой сохранности костяк девочки 2-3 лет, положенный на спине вытянуто головой на ЗСЗ, лицом вверх. Слева у черепа – небольшой сосудик без орнамента (табл. XXVE, 1).

От одежды и украшений сохранились: по обеим сторонам черепа – изящные серебряные серьги (табл. XXVE, 2); на шее – остатки ожерелья из пастовых, стеклянных (табл. XXVE, 4) и бронзовых (табл. XXVE, 3) бусин; на правой стороне груди – остатки нагрудных или наконечников украшений из медных и бронзовых проколов (табл. XXVE, 5) с колокольчиковидной (табл. XXVE, 6) и конусовидной (табл. XXVE, 7) подвесками.

Под металлическими изделиями прослежены следы древесного тлена от подстилки.

Погребение 39, гл. 50 см, табл. XXIХА.

Могильная яма в черноземе не прослеживается, можно полагать, что она была небольшая (125×60 см). На глубине 50 см расчищены остатки сильно потревоженного погребения подростка 8-9 лет (по зубам), кости которого были разбросаны. Среди костей обнаружены: фрагменты серебряных пластин с отверстиями по краям (табл. XXIХА, 1), вероятно остатки наглазников; желтый пастовый и мелкий медный бисер (табл. XXIХА, 2); фрагменты бронзовых бубенчиков (табл. XXIХА, 3); бронзовая сережка салтовского типа (табл. XXIХА, 4); обломки железного ножа (табл. XXIХА, 5).

Погребение 40, аз. 295°, гл. 60 см, табл. XXIХВ.

В юго-восточной части раскопа в слое чернозема на глубине 60 см расчищено погребение взрослого человека (мужчина 50-60 лет) средней сохранности, костяк которого лежал на спине вытянуто головой на ЗСЗ.

Погребенного сопровождали: справа у черепа – глиняный круплодонный чашевидный сосуд

(табл. XXIХВ, 1); у левого плеча – 7 железных черешковых наконечников стрел (табл. XXIХВ, 6); на верхнюю половину туловища, очевидно, была брошена кожаная уздечка с бронзовой гарнитурой (табл. XXIХВ, 7); вдоль правой стороны средней части туловища был положен лук, от которого сохранились костяные обкладки (табл. XXIХВ, 8); в правую обувь, возможно, был вложен железный нож (табл. XXIХВ, 11).

От одежды и личных украшений сохранились: под левым виском – обломок бронзовой серьги (табл. XXIХВ, 5); под челюстью – остатки ожерелья из желтой пастовой бусины (табл. XXIХВ, 3) и медной листовидной подвески (табл. XXIХВ, 4); на левой стороне тазовых костей – остатки огнива из кремня (табл. XXIХВ, 9) и железных пластин кресала (табл. XXIХВ, 10).

Погребение 41, аз. 275°, гл. 65 см, табл. XXXА.

Могильная яма (230×85 см) на фоне материкового суглинка прослеживалась слабо. На глубине 65 см расчищены остатки плохой сохранности мужского (45-55 лет) костяка, положенного на спине вытянуто головой на З. Череп свернут на левый висок, левые ножные кости нарушены грызунами.

С погребенным были положены: вдоль левой стороны туловища – колчан, от которого сохранился набор из шести железных черешковых наконечников стрел (табл. XXXА, 8) и железная дужка (табл. XXXА, 11) скорее всего, от оковки верхней части колчана; лук (сохранились костяные накладки - табл. XXXА, 9) и, возможно, уздечка с двумя бронзовыми трензельными кольцами (табл. XXXА, 10); у правой локтевой кости – железный нож (табл. XXXА, 5).

На левой глазнице расчищены обломки серебряной пластины от наглазника (табл. XXXА, 3 – на плане).

От деталей одежды и личных украшений погребенного сохранились: на правом виске – бронзовая кольцевидная серьга (табл. XXXА, 4); в районе шеи – остатки ожерелья из стеклянных бус (табл. XXXА, 1) и обломков двух медных бубенчиков (табл. XXXА, 2); на запястье правой руки – бронзовый браслет с расплюснутыми и загнутыми концами (табл. XXXА, 6); на правой стороне таза – бронзовая пряжка (табл. XXXА, 7).

На металлических предметах сверху сохранились отпечатки и фрагменты дерева от крышки гробовища или древесного перекрытия могилы.

Погребение 42, аз. 300°, гл. 75 см, табл. XXXI.

В северо-западной части раскопа на глубине 75 см при переходе чернозема к суглинку расчищен средней сохранности костяк пожилой женщины (45-55 лет) небольшого роста, положенный на спине вытянуто головой на ЗСЗ, череп свернут на правый висок, руки вытянуты. В засыпи западной части ямы отмечены углистые включения. Дно могилы, очевидно, было обложено деревом, следы которого заметны под металлическими изделиями.

Погребенную сопровождали: бедренная кость лошади от погребальной пищи, положенной слева от черепа (табл. XXXI, 1 – на плане); в восточной половине ямы разбросанно лежали обломки грубого лепного плоскодонного сосуда баночной формы (табл. XXXI, 15); между берцовыми костями – обломки железного ножа (табл. XXXI, 14).

От одежды и личных украшений погребенной сохранились: остатки шелковой ткани и кожи от одежды, зафиксированные под металлическими изделиями; головной венчик из серебряных пронизок и обоймочек, завершенный рамчатой пряжкой (табл. XXXI, 2); слева у черепа – бронзовая литая серьга салтовского типа (табл. XXXI, 3); под челюстью и верхней части груди – остатки ожерелья из бусины (табл. XXXI, 5), раковин «каури» (табл. XXXI, 4) и бронзовой «копоушки» с ажурным щитком овальной формы (табл. XXXI, 6); на левой стороне верхней части грудной клетки лежали – «флакончик» из тонкого серебряного листа со штампованным орнаментом и бронзовая пронизка (табл. XXXI, 7), бронзовое кольцо (табл. XXXI, 8), пластинчатая петля (табл. XXXI, 9) и бубенчиковидная подвеска (табл. XXXI, 10); на правой руке был надет бронзовый с восьмигранными концами браслет (табл. XXXI, 12a), на левой – два браслета из простого дрота (табл. XXXI, 12b) и пластинчатый с загнутыми концами (табл. XXXI, 12c); на безымянном пальце правой руки – бронзовый перстень с шатоном (табл. XXXI, 13 – на плане); на тазовых костях – остатки кожаного пояса, от которого сохранилась рамчатая пряжка (табл. XXXI, 11), а также тлен от серебряных накладок.

Погребенная сверху, очевидно, была перекрыта тканью, мехом и деревом.

Погребение 43, гл. 95 см, табл. XXXB.

В слое чернозема на глубине 45-55 см расчищено скопление беспорядочно лежавших человеческих костей – обломки таза, бедренная кость, зубы подростка 8-9 лет, несколько ниже обломки черепа и трубчатых костей, среди которых найдены 2 фрагмента тонкостенного лепного сосуда, мелкие обломки серебряной пластины, плечевая кость и копыто лошади (все это названо комплексом № 3).

В 65 см севернее этого комплекса на глубине 75 см на фоне суглинка выявилась могильная яма (170×60 см), вытянутая с В на З и имевшая рыхлое черноземное заполнение. На дне ямы на глубине 95 см найдена серебряная оковка от деревянного сосуда (табл. XXXB, 1).

Погребение 44, аз. 300°, гл. 75 см, табл. XXXC.

В слое чернозема могильная яма не прослежена, можно полагать, что она была небольшая. На глубине 75 см в предматериковом суглинке расчищено захоронение ребенка 1,5-2-х лет. Погребенный был положен на спине головой на ЗСЗ с поворотом на левый бок.

За черепом – два сосуда, один в виде лепной чаши с отогнутым венчиком (табл. XXXC, 2), а другой – круговой кувшинчик желтовато-оранжевого цвета со следами вертикального и перекрестного лощения (табл. XXXC, 1); на правом виске – небольшая серебряная сережка салтовского типа (табл. XXXC, 6); на шее остатки ожерелья из пастовых и стеклянных бус, бисера (табл. XXXC, 3), бляшки-накладки из некачественного серебра (табл. XXXC, 4) и бронзового бубенчика (табл. XXXC, 7); на правой руке – браслет из простого дрота некачественного серебра (табл. XXXC, 5).

Погребение 45, аз. 290°, гл. 85 см, табл. XXXIIA.

Могильная яма (210×90 см) выявилась на уровне материка в виде темного пятна, вытянутого с В на З. На глубине 85 см расчищен слабой сохранности костяк подростка 7-8 лет, положенный на спине вытянуто головой на ЗСЗ. Справа от черепа в ЮЗ углу ямы – кости лошади (бедренная и хвостовые позвонки) (табл. XXXIIA, 1, 2 – на плане).

Погребенный был положен на подстилку из древесной коры (табл. XXXIIA, 15 – на плане). От его одежды и украшений сохранились: под нижней челюстью – две бронзовые коньковые подвески (табл. XXXIIA, 3), раковина «каури» (табл. XXXIIA, 5) и 2 серебряных колечка (табл. XXXIIA, 6). На правом плече и левой челюсти

Рис.34. Погребение 37 (1974). Вариант реконструкции костюма мужчины.

лежал «флакончик» из тонкого листового тисненого серебра с прокладкой (табл. XXXIIA, 4) – обломки «флакончика» обнаружены и на теменной части черепа; по правой стороне верхней половины туловища сохранились фрагменты трех бубенчиковидных пуговиц (табл. XXXIIA, 7); на правом локте – бронзовая бляшка – накладка (табл. XXXIIA, 10); на правой руке – бронзовый пластинчатый браслет с загнутыми концами (табл. XXXIIA, 11); у кости правой руки – обломки бронзового пластинчатого перстня с шатоном из глазчатой бусины (табл. XXXIIA, 12); у левого локтя – железный нож (табл. XXXIIA, 8) и остатки огнива из кремня и обломков железа (табл. XXXIIA, 9 – на плане).

Погребение 46, аз. 300°, гл. 80 см, табл. XXXIIB.

Могильная яма выявилась на уровне материка в виде темного пятна (225×80 см) с округлыми концами. На глубине 80 см расчищен средней сохранности костяк мужчины, положенный на спине вытянуто головой на ЗСЗ с легким пово-

ротом на правый бок – череп на правом виске, лицевой частью на ЮВ. Левая рука вытянута, правая – отодвинута от корпуса и согнута под углом, а кисть положена на подвздошную часть таза. В засыпи ямы отмечены углистые включения, а по дну ямы, особенно четко в западном конце – следы обугленной древесной обкладки дна (табл. XXXIIB, 6 – на плане). Слева от черепа лежал железный нож (табл. XXXIIB, 1 – на плане); на головке правой плечевой кости – обломки серебряной пластины (табл. XXXIIB, 5 – на плане), возможно, от наглазника.

От одежды и личных украшений сохранились: в верхней части груди – россыпь бус от ожерелья, в т. ч. одна стеклянная с золотой прокладкой, четыре сердоликовые 18-гранные и одна голубая пастовая (табл. XXXIIB, 2); бронзовая бубенчиковидная пуговка (табл. XXXIIB, 3 – на плане); на пальце правой руки – бронзовый перстень со вставкой в шатоне (табл. XXXIIB, 4 – на плане).

Погребение 47, аз. 270°, гл. 75 см, табл. XXXIII.

Могильная яма выявилась на фоне материка в виде темного пятна, вытянутого с В на З и имевшего неправильную форму (240×70-90 см) с расширением в западном конце. В юго-западной части заполнение ямы было более светлым, возможно, здесь было совершено подзахоронение.

На глубине 75 см расчищены средней сохранности костяки: в северной, основной, части ямы – женщины – 25-30 лет, а в юго-западной – ребенок 8 месяцев. Оба костяка лежат на спине вытянуто головой на З, лицевыми частями они повернуты друг к другу.

Юго-западнее черепа женского костяка лежали лепной круглодонный сосуд с тонким резным орнаментом (табл. XXXIII, 2) и плечевая кость, а также хвостовые позвонки лошади (табл. XXXIII, 1 – на плане). Ноги погребенной, очевидно, были завязаны кожаным ремнем с массивными накладками (табл. XXXIII, 12 – 21 экз.). Под черепом найден железный нож (табл. XXXIII, 15 на плане).

От одежды и личных украшений погребенной сохранились: под и над черепом – остатки головного убора из кожаного ремня, украшенного мелкими бронзовыми накладками в виде трилистника (табл. XXXIII, 4а – 17 экз.) и бронзового наконечника с позолотой (табл. XXXIII, 4б); на темени – 2 крупные лапчатые подвески из некачественного серебра (табл. XXXIII, 3 – может быть, украшения накосников); на нижней стороне черепа – 2 сережки салтовского типа из некачественного серебра (табл. XXXIII, 5); под челюстью – остатки ожерелья из 3-х бронзовых листовидных подвесок и из 63-х бус (табл. XXXIII, 6); на левом плече – «флакончик» из тисненого тонкого листа серебра (табл. XXXIII, 7); на левой стороне верхней половины туловища – две бубенчиковидные пуговицы (табл. XXXIII, 8); на обеих руках – бронзовые пластинчатые браслеты с загнутыми концами (табл. XXXIII, 11), в том числе браслет с правой руки имел тонкую гравировку (табл. XXXIII, 11а); на правой руке лежало круглое зеркало из белой бронзы с concentрическими линиями на одной стороне (табл. XXXIII, 10); в районе пояса – остатки пышно украшенного массивными накладками кожаного ремня (табл. XXXIII, 9), к которому были прикреплены, по крайней мере, 4 концевых ремешка с более мелкими накладками в виде трилистников – на каждом ремешке не менее 10 накладок, на основном ремне 19 накладок полуовальной и

11 накладок сердцевидной формы. На металлических изделиях сохранились следы шелковой и холщевой ткани от одежды погребенной, а ниже – остатки луба от покрытия дна могилы.

В изголовье костяка ребенка расчищены остатки ожерелья из 31 позвонка сома, четырех пяточных и одной головки бедренной кости бобра, двух правых и двух левых челюстей куницы, двух плечевых костей куницы, двух клыков и коренного зуба медведя (табл. XXXIII, 13; определение А.Г. Петренко); под черепом – небольшая медная сережка салтовского типа (табл. XXXIII, 14).

Погребение 48, аз. 302°, гл. 60 см, табл. XXXIVA.

Могильная яма выявилась на уровне материка в виде овального пятна (190×60 см), вытянутого с ЮВ на СЗ. На глубине 60 см расчищен плохой сохранности костяк пожилого мужчины 50-60 лет, положенного на спине вытянуто головой на ЗСЗ, лицом вверх. Местами прослежены следы древесного (лубяного) тлена от обкладки дна ямы, а под металлическими предметами – следы меха и льняной ткани от одежды. На левой голени лежал железный нож (табл. XXXIVA, 8), очевидно, засунутый в сапог.

От одежды и личных украшений погребенного сохранились: по обеим сторонам черепа – серебряные височные кольца с несомкнутыми концами (табл. XXXIVA, 1); на поясе – остатки поясного набора, состоящего из серебряной пряжки с рисунком человека и птицы (табл. XXXIVA, 5), 9 серебряных накладок арочной (табл. XXXIVA, 4а – 3 экз.), и сердцевидной (табл. XXXIVA, 4в, с, d – по 2 экз.) форм, наконечника концевого ремешка с рисунком на обеих сторонах (табл. XXXIVA, 6); на правой локтевой кости – остатки огнива из камня и кусков железа (табл. XXXIVA, 2,3 – на плане); на левой стороне таза – обломки железной пряжки (табл. XXXIVA, 7 – на плане).

К северу от погребения №48 обнаружены два поминальных комплекса - №1 и №2.

Комплекс №1, кв. К-3, гл. 20-30 см, табл. XXXIVB.

На глубине 20-30 см под слоем пашни, но в слое чернозема, расчищен плохо сохранившийся конский череп, ориентированный мордой на СЗ, и железная подпружная пряжка с округлым концом (табл. XXXIVB, 1 – на плане).

Комплекс № 2, кв. К-2, гл. 20-30 см, табл. XXXIVC.

Под слоем пашни, но в слое чернозема, обнаружены ножная кость и череп коня, мордой ориентированный на СЗ, железные пряжка с прямоугольной рамкой (табл. XXXIVC, 1) и штырь (табл. XXXIVC, 2).

Погребения и комплексы, исследованные в 1978 г

В 1978 г на могильнике, в ее западной части исследованы остатки 5 могил и одной большой ямы (№ 50) неопределенного назначения.

Погребение 49, аз. 308°, гл. 65 см, табл. XXXIIC.

На глубине 40-45 см на фоне погребенной почвы очертилось пятно пестроцвета (120×65 см), вытянутое с ЮВ на СЗ.

На глубине 60 см (15-20 см от уровня выявления) расчищен костяк ребенка 2-3 лет, положенный на спине, головой на СЗ, череп повернут на левый висок. Руки вытянуты, ноги в позе всадника. Погребенного сопровождали: бронзовый бубенчик (табл. XXXIIC, 1) – на правой стороне груди: две бронзовые пятизвеньевые пронизки (табл. XXXIIC, 2) – на правой кисти. Под пронизками – следы кожи и бересты.

Погребение 50, гл. 50 см, рис. 2, табл. XXXIID.

На глубине 40-50 см на фоне погребенной почвы материкового суглинка выявилось округлое пятно (365×385 см), имевшее гумусно-пестроцветное заполнение. В верхнем заполнении местами обнаружены зубы лошади и обломки мелких неопределенных костей. Яма, конически углубляясь, завершилась на глубине 85 см неровным дном. На глубине 60 см у северного края обнаружены небольшие кольчатые железные удила (табл. XXXIID – 1).

Погребение 51, аз. 305°, гл. 50 см, табл. XXXIVD.

Могильная яма в виде слабовыраженного пятна пестроцвета (170×30-50 см) выявилась в нижней части погребенной почвы при переходе к матерiku.

На дне могилы расчищен плохо сохранившийся костяк, скорее молодой женщины, лежавший вытянуто на спине, головой на СЗ. Череп

слегка свернут на левый висок. Положение рук точно не устанавливается, скорее вытянуто вдоль туловища.

В погребении обнаружено: остатки налобного венчика из трех серебряных накладок сердцевидной формы и двух ременных наконечников (табл. XXXIVD, 1), на которых сохранились следы шелковой ткани, а под ними остатки кожи и дерева; остатки ожерелья из многочисленных и одинарных стеклянных золоченых бус, бронзовой пронизи, свернутой из медного листка (табл. XXXIVD, 2); сосуд кушнаренковского типа (табл. XXXIVD, 3) лежавший в развале в области пояса; поясной набор, состоящий из серебряной пряжки, двух сердцевидных накладок и двух ременных наконечников (табл. XXXIVD, 4), лежавший в районе пояса. На наконечниках наблюдались следы луба и плетеной циновки, которой, очевидно, была покрыта погребенная; железный нож (табл. XXXIVD, 5), лежавший на левой бедренной кости.

Погребение 52, аз. 310°, гл. 65 см.

Могильная яма (240×60 см) очертилась на фоне предматерика с расширением в южной части от грабительского вкопа. На глубине 55-60 см в грабительском вкопе обнаружены обломки длинных костей и перевернутый истлевший череп, скорее всего, принадлежавший мужчине. В восточном конце ямы – череп лошади.

Погребение 53, гл. 35 см.

На глубине 35-40 см в слое чернозема и при переходе к погребенной почве выявлены остатки разрушенного костяка, скорее всего, от захоронения, положенного на древнем горизонте вытянуто на спине головой на северо-запад. Обнаружены разбросанные берцовые и лучевые кости, фрагмент лепной керамики и три бусины из темно-синего стекла.

Погребение 54, аз. 280°, гл. 55 см.

На глубине 55 см без четкой ямы расчищен костяк младенца, положенный на спине головой на запад. Вещей не обнаружено.

Погребение 55, аз. 295°, гл. 75-80 см.

На глубине 60 см очертились контуры большой ямы шириной не менее 115 см, вытянутой с востока на запад и в восточном конце срезанной раскопом 1975 г. На глубине 70 см яма сузилась, по трем сторонам имеются заплечики: по западной

– 25 см, по северной – 25 см – 40 см, по южной – 25 см. Начиная с глубины 50-60 см в яме встречались обломки человеческих костей, на глубине 75-80 см выявилось дно ямы, где лежали разбросанные человеческие кости, иногда имевшие следы медной окиси. Судя по остаткам черепа, погребенный был мужчина в 25-35 лет. Вещей не обнаружено.

Погребение 56 (?), гл. 80 см.

На фоне материкового суглинка на глубине 65 см обрисовалось пятно неправильной формы (107×75 см), вытянутое с ЮЮВ на ССЗ. Ко дну (80 см) яма сузилась, в ней не обнаружено ни следов костяка, ни вещей.

Подъемный материал.

В слое пашни при работах 1975, 1978 гг. обнаружены: два железных наконечника стрелы (уч. И-2 - табл. XXXIVЕ, 3; уч. Л-2, гл. 30 см - табл. XXXIVЕ, 4); серебряная сережка с напускными бусами (уч. И-01, гл. 60 см - табл. XXXIVЕ, 1); серебряная кольцевидная серьга (пашня, табл. XXXIVЕ, 2); серебряная накладка (уч. К-5, табл. XXXIVЕ, 5); концевой ремешок с семью сердцевидными накладками и наконечником из бронзы с позолотой (уч. Л-02, табл. XXXIVЕ, 6).

Возможно, они происходят из распаханных погребений или поминальных комплексов.

2. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД¹

Как уже отмечалось выше, могильник, очевидно, исчерпан раскопами, т.к. разведочные траншеи, заложенные по всем сторонам, кроме восточной, где проходит полотно шоссейной дороги, показали отсутствие здесь захоронений (рис. 1, 2). Поэтому есть основание полагать, что мы имеем дело с кладбищем небольшой, но достаточно богатой группы, возможно, большой патриархальной семьи, обитавшей в окрестностях могильника, вероятно, непродолжительное время. Всего на площади в 35×40 м исследовано 54 могилы с 61 захоронением – 18 женских (№№ 1, 2, 5а, 5б, 5в, 7, 15, 17, 19, 20, 21, 30, 31, 42, 47, 51, 53), 20 детских и подростковых (№№ 8а, 8б, 11, 12, 18, 25а, 25в, 26в, 27, 29, 35, 36, 38, 39, 43, 44, 45, 49, 54), 23 мужских (№№ 3, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 22, 23, 24, 28, 33, 34, 37, 40, 41, 46, 48, 52, 55), в том числе два кенотафа (№№ 3 и 8) с оружием и другими вещами, видимо, в честь воинов, погибших на стороне (см. табл. А). Половозрастные определения погребенных в разрушенных 4-5 захоронениях (см. условные погребения №4 и №5 и неопределенное погребение №31) достаточно условны.

Площадь, занятая могилами, небольшая: с ЮЮЗ на ССВ – 18 м; с ВЮВ на ЗСЗ – 20 м. Каких либо следов ограды или других окружающих конструкций не обнаружено. Явно не заметны и следы курганный насыпи, т.к. вся поверхность могильника в среднем на глубине 30-35 см распахана. Однако, по едва заметному возвышению почвы в районе наибольшего скопления погребений, а также по наличию поминальных комплексов можно предполагать, что над всеми захоронениями существовала какая-то общая невысокая земляная насыпь.

Могилы располагаются неровными рядами, вытянутыми с ЮЮЗ на ССВ. Внутри рядов можно проследить отдельные группы, расположенные более компактно. В центре южной половины вскрытой площади идет ряд мужских могил с богатым инвентарем (№№ 12, 10, 8, 14, 22, 23, 37, 40). Центральное место в нем занимает кенотаф (погр. №8), представляющий собой большую яму подпрямоугольной формы длиной

около трех метров и шириной до полутора метров, где в определенном порядке были разложены вещи – лепной сосуд, три небольшие серебряные пластины с остатками кожаного лоскута под ними, наконечники стрел, дирхем, сабля в ножнах, ремень с многочисленными серебряными бляшками, костяные накладки на лук, бедренная кость и хвостовые позвонки лошади. Остатки человеческого скелета не зафиксированы. В восточном углу кенотафа в специально вырытом подбое (120×90 см) были захоронены два ребенка (одному года 3-4, другому - около года) с характерным набором детского инвентаря – миниатюрные серьги, браслет, ожерелье с подвесками, в том числе дирхемом (см. рис. 9, табл. VII). Были ли это ритуальные захоронения специально умерщвленных детей, сказать трудно, но в том же ряду мужских могил в погр. №12 на ступеньке–заплетчике, сооруженной вдоль южной стенки могилы, также расчищены остатки детского костяка, от которого сохранились тонкие косточки черепа и зубы (см. рис. 12, табл. X). Близкое явление наблюдалось и при расчистке мужской могилы №14 – вплотную к ней примыкала яма с двумя детскими захоронениями (рис. 2, 15). Достаточно любопытным является погребение №47, где к женщине 20-25 лет, очевидно, к матери было введено погребение младенца 7-8 месяцев (см. табл. XXXIII).

Западнее описанного ряда богатых мужских погребений располагается ряд могил женщин, детей и юношей-подростков (№№ 15, 16, 17, 18, 20, 21, 27, 44, 45 и др.), а восточнее – еще два неровных ряда, в которых встречаются мужские, женские и детские погребения. Несколько особняком на северно-восточной окраине могильника находились мужское погребение №24 и женские погребения №32 и №33 (рис. 2).

Для мужских могил характерны большие размеры: длина от 250 до 350 см при ширине 100-175 см. Длина женских могил 180-225 см, ширина 70-120 см. Глубина колеблется от 70 до 120 см от современной поверхности, преобладает 80-90 см (10-20 см в материковом суллинке: выше в черноземе). В четырех случаях в муж-

¹ В основу раздела положена статья Е.А. Халиковой «Больше-Тиганский могильник» (СА, № 2, 1976), дополненный А.Х. Халиковым наблюдениями 1975 и 1978 гг.

ских могилах отмечены односторонние заплечики шириной 50-70 см, высотой от дна 15-20 см; в трех случаях справа от погребенного (№№12, 16, 28), в одном – слева (№22). В женской могиле №19 неширокое заплечико (15-20 см) было устроено в изголовье погребенной. В могиле разграбленного погребения №55 заплечики были по трем, если не по всем четырем, сторонам. Остальные могилы имеют вертикальные стенки и ровное дно.

Все захоронения совершены по обряду ингумации. Погребенные были уложены в могилах вытянуто на спине и ориентированы головой на запад или запад-северо-запад (азимуты 270°-305°), в единичных случаях (№№21, 27, 29) на запад-юго-запад. В погр. №31, сильно потревоженном бульдозером, судя по отдельным предметам инвентаря, лежавшим *in situ*, можно предположить ориентировку головой на восток. В разграбленном погребении №34, яма которого была вытянута с ЮЗ на СВ, обломки костей черепа лежали в северо-восточной половине ямы. Лица обращены вверх, вправо, влево. Скорее всего, эта деталь не играла существенной роли в обряде. Руки обычно вытянуты вдоль корпуса, реже сложены на лоне (одна или обе). Под костяками, а иногда и над ними зафиксированы фрагменты досок от гробовищ, а также остатки войлока или грубой ткани, выстлавших дно. Встречаются также остатки покрытой из дубовой коры или бересты, в которую могли быть обернуты тела. Во многих могилах, в засыпи и на дне, наблюдались включения углей и золы, в детском погребении №18 поверх скелета обнаружены обуглившиеся деревянные плашки, скорее всего, обожженная крышка гробовища, а в погребении №36 (ребенка 1,5 лет) на дне могилы в изголовье имелись следы обугленных досок (см. табл. XXVД). Видимо, огонь играл определенную роль в погребальном обряде, хотя трупосожжений и не встречено.

Погребенные хоронились в одежде, от которой сохранились фрагменты шелка, грубых шерстяных тканей, кожи и меха, и сопровождалась различными вещами – украшениями, немногочисленными орудиями труда, а мужчины, кроме того, оружием. Характерен для могильника и обряд сопровождения умерших погребальной пищей. В 31 могиле найдены глиняные сосуды, стоящие обычно справа или слева у черепа. В могиле №44 вместе с лепным найден круговой сосудик (табл. XXXС–2). В мужском погребении

№12, кроме глиняного сосуда, обнаружены остатки деревянной чашки с серебряными обкладками с краю. В разграбленном погребении №43, очевидно, также была деревянная чаша, от которой сохранилась серебряная обкладка края (табл. XXXВ). В погребении №16 рядом с сосудом лежала костяная ложка-лопаточка, а в погребениях №№24, 33, и 37 такие лопаточки были встречены без сосуда. Кости животных – остатки мясной погребальной пищи – обнаружены в 23 могилах, в основном в мужских, реже женских и детских, причем наиболее частой находкой в этой категории (17 из 23 случаев) является крупная бедренная кость лошади, лежавшая, как правило, в изголовье, недалеко от сосуда. В единичных случаях встречены ребра, крестцы или скопления нескольких раздробленных костей.

Половина могил взрослых – восемь мужских (№№3, 6, 9, 12, 19, 23, 28, 52) и четыре женских (№2, 7, 19, 20) – сопровождалась частичными захоронениями коней. В семи случаях – это черепа лошадей, в остальных – череп и кости ног. В ряде могил (особенно в детских – см. №№35, 45, 47) найдены, кроме того, хвостовые позвонки лошадей. Видимо, имело место захоронение шкуры коня вместе с головой, ногами и хвостом, или же шкуры коня без головы и ног. Кости коней лежат у ног погребенных на 10-15 см выше дна могилы или непосредственно на дне – в пяти случаях справа от ног, в двух – слева и в двух – прямо перед ногами, а в погребениях №12 и №28 комплексы конских костей располагались на заплечиках справа от погребенного (табл. X, XXIII). Череп коня, как правило, был ориентирован резцами к голове погребенного, а кости ног сложены под черепом или рядом с ним. В погребении №28 рядом с костями коня находились стремяна и удила, в погребении №12 – удила, а в погребении №23 – уздечный набор. В погребении №22 костей коня не было, но рядом с погребенным лежала уздечка, украшенная бляшками. Это же наблюдалось и в погребении №41 (табл. XXXВ). В погребениях №№9, 20, 23 прослежена необычная деталь – нижняя челюсть коня была отделена от черепа и положена рядом, иногда перевернута или положена сверху на череп коня (см. табл. VIII, XIX). В двух (если не трех) случаях прослежены поминальные комплексы в виде конских черепов и некоторых деталей конской узды (см. комплексы №№1 и 2 – табл. XXXIVВ, XXXIVС), положенных, очевидно, на древний уровень, т.к. эти ком-

плексы располагались в слое чернозема непосредственно под слоем пашни. Любопытно, что оба конских черепа ориентированы мордами на СЗ, т.е. имеют обычную для погребенных ориентацию. О том, что такие комплексы характерны для могильника, свидетельствуют находки разрозненных зубов лошади и отдельных вещей при раскопках в верхних слоях.

Любопытным является прослеженный в погребении подростка №35, случай положения у черепа погребенной в берестяном туеске комплекса украшений, может быть, своеобразное символическое приданое.

Очень специфической особенностью погребального обряда Больше-Тиганского могильника является применение погребальных лицевых покрытий. В семи мужских (№№6,

12, 16, 24, 28, 37, 41) и двух женских (№№19 и 30), на лицах погребенных непосредственно на глазницах, обнаружены наглазники – округлые или прямоугольные пластины из листового серебра с маленькими отверстиями по краям для пришивания (табл. V, X, I и др.). Под ними сохранились фрагменты ткани, видимо, лица умерших обертывались и покрывались тканью, на которую и нашивались наглазники.

Непосредственное участие в археологических исследованиях антрополога Р.М. Фаттахова позволило еще в процессе раскопок установить пол и возраст погребенных.

Всего определен пол 61 захоронения, в т.ч. 23 мужских, 20 детских и подростковых, 18 женских (см. табл. А)

Таблица А

Возраст и пол погребенных Больше-Тиганского могильника

№ погр.	Пол	Возраст (лет)	№ погр.	Пол	Возраст (лет)	№ погр.	Пол	Возраст (лет)
1	Ж	?	18	Д	?	36	Д	1,5
2	Ж	?	19	Ж	16-17	37	М	35-40
3	М	?	20	Ж	25-35	38	Д	1,5
4	М	?	21	Ж	45-50	39	П	7-8
5а	Ж	?	22	М	50-60	40	М	50-60
5б	Ж	?	23	М	40-60	41	М	45-55
5в	Ж	?	24	М	25-35	42	Ж	45-55
6	М	?	25а	Р	?	43	П	9
7	Ж	12-14	25в	Д	6-7	44	Д	1,5-2
8	М	?	26а	Р	1-2	45	П	7-8
8а	Р	?	26в	Р	4-5	46	М	?
9	М	30-40	27	П	?	47	Ж	20-30
10	М	45-55	28	М	45-55	47а	Д	
11	Р	?	29	Д	3-4	48	М	50-60
12	М	50-60	30	Ж	35-45	49	Д	2-3
13	М	25-35	31	Ж	?	51	Ж	16-17
14	М	18	32	Ж	?	52	М	?
15	Ж	12-14	33	М	20-40	53	Ж	?
16	М	13-15	34	М	?	54	Р	?
17	Ж	?	35	П	9	55	М	25-35

Р – ребенок

Д – детское

П – подросток М – мужчина Ж – женщина

Среди мужчин возраст определен в 16 случаях, из них в возрасте до 20 лет – 2, до 30 – 5, до 40 – 4, до 50 – 2, до 60 – 3. Средний прожиточный возраст мужчин составляет 40 лет.

Среди женщин возраст определен в девяти случаях, из них в возрасте до 15 лет – 2, до 20 – 2, до 30 – 2, до 40 – 1, до 50 – 2. Средний возраст погребенных женщин – около 30 лет. По-

казательны ранние браки – женщины в возрасте 12-14 лет (см. погребения 7, 15).

Среди подростков определен возраст пяти погребенных, средний возраст - 7-9 лет; среди детей возраст установлен у 8-ми погребенных – от 1,5 до 6-7 лет; младенцы – 3, от 8 месяцев до 1 года (Таблица А).

3. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Остановимся на характеристике погребального инвентаря, касаясь параллельно размещения вещей в могилах, а следовательно, и связанных с этим некоторых дополнительных особенностей погребального ритуала. К сожалению, ряд погребений, особенно расположенных в западной периферии могильника (см. №№ 31, 32, 34, 43, 52, 55), был ограблен в древности, поэтому приходится исключить их из рассмотрения особенностей расположения погребального инвентаря. Во всех же остальных случаях в погребениях встречены те или иные украшения и детали костюма – детали головных уборов, височные подвески, серьги, бусы, подвески к ожерельям, пуговицы, украшения накольников, перстни, браслеты, детали поясных наборов, серебряные нашивки на рукава и обувь, располагавшиеся там, где они обычно носились при жизни.

Остатки головных уборов, найденные в девяти могилах, сопровождали только женские захоронения и были, видимо, специфической деталью женского костюма. От них сохранились фрагменты кожи, ткани и серебряные бляшки разнообразной формы: округлые с тройными или двойными выступами по двум сторонам (табл. XIV, 1; XXIVB, 1), сердцевидные с ушком, восьмеркообразные с перехватом. Эти бляшки украшали венчики, располагаясь по 30-35 штук в ряд, лишь в погр. №20 на венчике было три бляшки. Кроме венчиков с бляшками, в состав головных уборов входили: в погр. №7 – шумящая подвеска (табл. VI, 2), в погр. №17 – два наконечника ремня (табл. XIV, 2), в погр. №19 – миниатюрная серебряная пряжка и наконечник ремня (табл. XVI, 2, 3), в погр. №20 – бисер – (табл. XVII, 3, 4), в погр. №30 – медная спиральная пронизка (табл. XXIVB), а в погр. №47 – бронзовый наконечник с позолотой (табл. XXXIII, 4). Оригинальным и в известной степени архаичным представляется головной венчик из погр. №42, состоящий из серебряных пронизей и обоймочек, завершенный рамчатой пряжкой (табл. XXXI, 1). Такого типа венчики, известные в древнемордовских и древнемарийских могильниках, начинают бытовать в Поволжье, по крайней мере, с VI в. н.э.

Разнообразны височные подвески и серьги, выполненные преимущественно из серебра,

иногда с позолотой. У женщин подвески встречаются попарно. Они, как правило, массивны и, видимо, крепились к венчикам головных уборов по одной с каждой стороны: погр. №№1, 17, 21, 35 – литые с полуовальным кольцом и ажурным прорезным щитком прямоугольной или трапециевидной формы (табл. I, 5; XIV, 3; XXVII, 4), в погр. №7 и №30 – составные с овальным кольцом и булавообразным напуском на стержне, украшенным зернью (табл. VI, 3), в погр. №19 и №20 – составные с овальным кольцом и напущенными на стержень крупными металлическими бусами с прокладками зерни между ними (табл. XVI, 5, 6, XVII, 1). Из погр. №37 и №47 происходят бронзовые цельнолитые серьги с 4-5-ю бусинами (табл. XXVIII, 2; XXXIII, 5). Из разрушенных, видимо, женских погребений, происходят литые плоские височные подвески с овальным кольцом и расплющенной привеской (табл. IV, 19). В двух случаях височные подвески в женских захоронениях были соединены цепочками, лежащими под нижней челюстью в области шеи и, очевидно, в свое время при ношении свободно свисавшие под подбородком (табл. VI, 3; XIV, 3). В мужских и детских могилах серьги более мелкие (у мужчин, как правило, лишь одна серьга с правой стороны – в погр. №37 встречена пара серег): салтовского типа литые с овальным колечком и стерженьком, украшенным вздутиями (табл. XXXC, 6; XXXIII, 14; XXVIII, 2), с гроздевидной привеской (табл. VIII, 1), простые колечки (табл. XXXA, 4; XXXIVA, 1) и проволочные овальные, из погр. №40 происходит обломок медной серьги с расплющенной привеской (табл. XXIXB, 5).

Бус и бисера в погребениях относительно немного, и они более однообразны. Преобладают многочастные бусы с металлической прокладкой (табл. I, 6; IV, 25), а также желтый и синий, редко зеленый и белый, рубленный бисер (табл. IXB, 3). Остальные бусы единичны: стеклянные синие и зеленые рубленные шестигранные в сечении; синие, реже желтые и белые, рубленные цилиндрические, синие многочастные; синие и желтые шаровидные; глазчатые и мозаичные. По одному–два экземпляра встречены также:

бипирамидальные голубого прозрачного стекла, сердоликовые 14- и 18-гранные, круглая и бипирамидальная из гагата (гешира), граненая из горного хрусталя, таблетковидные перламутровые, каплевидные бусины – подвески из зеленого стекла и лунница из пасты. В составе ожерелий в отдельных женских и детских захоронениях встречены раковины каури, а у детей – просверленные клыки кабана. Оригинальное ожерелье из клыков медведя, зубов бобра, куницы, рыбных позвонков встречено при детском костяке погр. №47 (табл. XXXIII, 13). У мужчин и детей ожерелья скромны и состоят из 3-х–5-ти частных бусин или бисеринок. У женщин количество бус и бисера составляет от 30 до 150 (преобладает бисер), лишь в погребении №7 количество их превысило 700.

К числу шейных украшений относятся довольно многочисленные (более 70 экземпляров) литые или штампованные, серебряные или бронзовые подвески – разной формы – гладкие монетовидные с напаянным ушком или пробитым отверстием (табл. XIV, 14; XXVII, 3), листовидные (табл. XIV, 12-13; XXXIII, 6), фигурные (табл. XXIА, 4а), ромбические с выступами (табл. I.3), квадратные с прорезями (табл. XXVD, 3b). Особенно характерны для могильника листовидные подвески плоские или слегка выпуклые, гладкие или чаще с прорезями, встреченные в 17 мужских, женских и детских погребениях: у мужчин и детей – по одной на шее, у женщин – наборы по 3-5 штук. Подвески крепились к ожерельям из бус или составляли отдельные ожерелья на шнурках, чередуясь со спиралевидными пронизками (рис. 8, 20, 32). В погр. №7 литые фигурные подвески (табл. VI, 20-22) встречены попарно в верхней и нижней части груди и в нижней части таза. Видимо они украшали верхнюю одежду (рис. 8). В шести погребениях (№№8, 8а, 9, 20, 27, 28) в качестве подвесок к ожерельям найдены восточные монеты (в погр. №27 – 3 ед.). Мы полагаем, что в качестве подвесок к ожерельям, причем преимущественно у женщин и детей, использовались и коромысловидные с шариками на концах «костыльки». Найденные в четырех женских и одном детском погребениях (в трех *in situ* на груди), они были подвешены на цепочках (табл. VI, 25) или шнурках, продетых сквозь спиралевидные пронизки (табл. XIV, 15). Оригинален костылек из детского погр. № 35 – он имеет сплюснутые ромбические концы (табл. XXVII, 2). Довольно часты во всех погребениях медные

пугови (по 1-2 штуки) – всего более 30 экз.: полые из двух половинок (табл. XXXIII, 8), полые цельнолитые с прорезью в нижней части (табл. XXIХА, 3), сплошные литые желудеобразные (табл. XIV, 17). В детском погребении №18 – найден полый круглый бубенчик-погремушка из листовой меди с железным грузиком внутри.

Специфически женскими и девичьими украшениями являются шумящие подвески, прикрепленные к медным цепочкам длиной 30-35 см и встреченные попарно на груди (а в погр. №20 по 2 с каждой стороны груди – рис. 27а). Очевидно, они вплетались в косы (рис. 8, 20). На другом конце цепочек прикреплены грузики – очковидные привески, литые пугови или якорьки, служившие, по всей вероятности, зацепами, чтобы подвески с цепочками не выпадали из кос. Преобладают шумящие подвески с ажурным щитком арочной формы (14 экз.): с изображением четырех или пятилепестковой розетки (табл. XIV, 16), спиральными завитками (табл. VI, 23) или прорезные (рис. XVII, 20). Из погребений, разрушенных бульдозеристами (погр. 4 и 5), происходят три коньковые подвески (табл. II, 3-4; IV, 22), из детского погребения №8б – колокольчиковидные с миниатюрными привесками (табл. VII, 27). Оригинальны две подвески: из погр. №45 в виде протомы из передних частей лошадей (табл. XXXIIА, 3) и из погр. №47 в виде архаичных лапчатых подвесок пьяноборско-азелинского типа (табл. XXXIII, 1).

В женских погр. №№42, 45 и 47 в верхней части груди с левой стороны обнаружены своеобразные туалетные принадлежности в виде тюбиков из тонких серебряных листов с тиснением, между которыми располагалась пропитанная благовониями прокладка, это так называемые «флакончики» (табл. XXXI, 7; XXXIIА, 4; XXXIII, 7). На правой стороне груди погр. №47 лежала бронзовая трехчастная копоушка с ажурным щитком (табл. XXXI, 6). К туалетным принадлежностям следует отнести также зеркало из белой бронзы, обработанная сторона которого была украшена концентрическим орнаментом (рис. 35), а также костяной гребешок из погр. №30 (табл. XXIVB, 18).

Во многих погребениях – мужских, женских и детских – встречаются перстни и браслеты. Обычно по одному, а у женщин иногда по два-три экземпляра. Перстни – 27 экз., в основном одного типа – с гнездом для вставки и четырьмя захватами (табл. VI, 29; XIV, 26). Они выполнены обычно

из серебра и отличаются лишь размерами и формой гнезда и вставки. Гнездо бывает более глубокое и более мелкое, круглое и овальное. Вставки изготовлены из зеленого, синего и красноватого стекла, в двух случаях из сердолика. В погр. №37 и №45 найдены обломки серебряных пластинчатых перстней (табл. XXVIII, 8; XXXIIA, 12). Браслеты – 37 экз, преимущественно бронзовые, напротив, очень разнообразные: пластинчатые (с загнутыми концами), без орнамента и орнаментированными насечками (табл. XXXI, 12с); дровые – круглые или слегка овальные в сечении с приостренными или ровными концами, укрепленными треугольными выемками (табл. XVII, 14) или со слегка загнутыми концами, украшенные насечками (рис. табл. VI, 31), шести и восьмигранные с расширяющимися концами, без орнамента или с кружковым орнаментом на 3-5-ти наружных гранях (табл. IV, 34), прямоугольные в сечении с волнистой наружной поверхностью, дополнительно украшенной нарезками (табл. IV, 32), круглопроволочные (диаметр 2-3 мм) с приостренными концами; витые из двух проволок (табл. VI, 30), также витые из двух проволок и дополнительно перевитые тонкой сканой проволочкой, пластинчатые с расширениями в виде змеиных головок на концах (табл. XXVII, 11).

Особенно интересны поясные гарнитуры могильника, детали которых встречены в 33-х погребениях – почти во всех взрослых и двух детских. В 24-х погребениях наборы представлены пряжками, бляшками разной формы и наконечниками ремней; в детских погребениях №18 – пряжкой и наконечником, №34 – пряжкой и накладкой, в женских погребениях №21 и №33 – одной лишь бронзовой пряжкой и в потревоженном погребении №31 – наконечником. В женском погребении №7 встречены, кроме того, подвески к поясу, крепившиеся на тонких кожаных ремешках и состоявшие из пронизий со вздутиями, рожковидных и шаровидных привесок (табл. VI, 39-41). В детском погребении №29 пояс был украшен обоймочками из листового серебра и монетовидными подвесками. В женских погребениях №20 и №47, кроме основного поясного набора, несколько бляшек, наконечник и пряжка обнаружены на стопах (табл. VI, XXXIII). Мы полагаем, что здесь наборным ремнем была завязана нога. Аналогичная картина наблюдалась и в женском погребении №17, где у стоп находились два наконечника ремня (табл. XIV, 25), а в муж-

ском захоронении №24, кроме основного набора, второй найден у колен, концевой ремешок от него шел вверх вдоль правого бедра и заканчивался наконечником выше таза у лучевых костей правой руки. Может быть, и здесь этим вторым ремнем были перевязаны ноги. Детали поясных наборов выполнены в большинстве случаев из серебра в технике литья, реже штамповки, и украшены, как правило, изящным орнаментом. Литой узор иногда дополнен гравировкой, а фон позолочен. Орнамент на литом серебряном гарнитуре из погребения №12 целиком нанесен тонкой гравировкой (табл. X, 8-13).

Среди пряжек (общее количество 34 экз.) преобладают щитковые. Половина из них – с подвижным шарнирным соединением (типа табл. V, 6), остальные имеют щиток, неподвижно скрепленный с рамкой (типа табл. XVII, 15, 21). В одиннадцати гарнитурах встречены пряжки без щитков с прямоугольным «приемником» для крепления к ремню. Среди (п.72) них представлены крупные серебряные пряжки с «лировидной» рамкой, украшенной рельефным орнаментом (табл. VI, 33; рис. 35), и более миниатюрные с овальной рамкой (табл. XIII, 8а); оригинальна пряжка из погр. №42 с округлой рамкой (табл. XXXI, 11). Поясные бляшки по форме разнообразны: квадратные, арочные, овальные, сердцевидные, округлые, в форме полумесяца с шишечками у концов, гладкие и прорезные, а также бляшки с ушком и продетым в него подвижным колечком. Наиболее распространенным орнаментальным мотивом в украшении поясных наборов является – трилистник, встречающийся в разных вариантах: одиночный трилистник, окаймленный бордюром; серия трилистников, расположенных друг над другом в виде древа жизни; сложные композиции из трилистников. Часто трилистники дополняются изображением строенных ягод. Следует отметить, что в большинстве случаев контуры отдельных листьев в трилистнике обрисованы достаточно четко, т.е. стилизация фактически отсутствует. Стилизованный трилистник в комбинации с пальметкой, характерный для прикладного искусства салтовской культуры, встречается значительно реже. Очень своеобразен и характерен для могильника выпуклый бордюр по краям бляшек, наконечников и пряжек, составленный из чередующихся овальных и круглых звеньев. Он отмечен почти на всех литых наборах. Помимо растительных узоров, на деталях поясных

гарнитуров представлены изображения животных, преимущественно фантастических, и человеческие фигуры. В сюжетах и их трактовке ощущается влияние восточного, и в частности сасанидского, а также согдийского искусства. Особенно любопытны изображения крылатых коней (табл. XIX, 5, 6), грифонов, крылатых собак (Сенмурвов – табл. XX, 15b), дракона (табл. XX, 15c). В целом художественный стиль изделий очень выразительный и достаточно своеобразный.

Несколько необычные находки сделаны в трех мужских погребениях. В погребениях №16 и №28 на костях обоих предплечий ближе к локтю, а в погребении №24 только на правом предплечье обнаружены небольшие четырехугольные пластины (3×4 см) из листового серебра с отверстиями для пришивания, крепившиеся, видимо, в свое время к рукавам одежды (табл. XIII, 7). В погребении №24 такие пластины, но ромбической формы, найдены на ногах (сзади у щиколоток). По всей вероятности, здесь они украшали обувь.

Орудия труда в погребениях немногочисленны. В 8 женских, 16 мужских и 4 детских захоронениях найдены ножи, лежавшие в разных местах – у левой руки, между берцовыми костями, под черепом. У женщин чаще всего нож был подложен к поясу справа на кожаном ремешке, продетом сквозь спиралевидные пронизи, у мужчин – он обычно лежал у левой голени, очевидно, засунутый в сапог. Все ножи (28 экз.) принадлежат к одному типу и имеют небольшие уступы-упоры при переходе от черенка к лезвию. Отличаются лишь они размерами: у мужчин, как правило, ножи более крупные (длина лезвия 9-13 см), у женщин и детей более мелкие (лезвие – 6-8 см). В двух случаях сохранились деревянные чехлы – ножны от ножей с обкладкой из листового серебра. Шилья – 2 экз. встречены в одном женском и одном мужском погребениях (№9 и №19), две иглы (с обломанными украшениями) – в погребении подростка под черепом (погр. №15). В мужских могилах найдены кресала и кремни, обычно справа у таза рядом с поясом. По всей вероятности, они крепились к поясу в специальных мешочках или кисетах из ткани, отпечатки которой иногда встречаются на кресалах. Кресала сильно корродированы и сохранились во фрагментах. Форму удалось проследить лишь в двух случаях – это узкие железные пластины с загнутыми концами, крепившиеся к деревян-

ной рукоятке, длина ударной части 4-5 см (табл. XXIII, 10).

В женских погребениях №7 и №35 рядом с погребенной были положены деревянные стеки длиной 45-50 см с костяным навершием клювовидной формы в погр. №7 (табл. VI, 42), и бронзовым набалдашником в погр. №35 (см. табл. XXVII, 13-14). По всей длине они были обернуты медной пластиной, крепившейся к деревянной основе мелкими гвоздиками.

Оружие, происходящее исключительно из мужских могил, представлено саблями, наконечниками стрел и остатками луков.

Сабли – важнейший и дорогой вид оружия эпохи раннего средневековья – довольно частая находка в Больше-Тиганском могильнике. На 23 мужских захоронениях, включая два кенотафа, приходится 9 сабель. Обычно они лежали слева от погребенных и лишь в погребении №24 справа. Все сабли относятся к одному так называемому хазарскому типу, являющемуся ранней формой развития сабель. Все они однолезвийные, слабо изогнутые, короткоконечные (табл. VII, 12; X, 28; XII, 10). Длина клинков 70-75 см, ширина у рукоятки 3-3,5 см. Стержень рукоятки длиной 9-10 см всегда несколько наклонен в сторону лезвия, а заостренный конец клинков чуть приподнят в противоположную, т.е. лезвия очень незначительно выгнуты. Длина всей сабли вместе с ножнами, деревянной частью рукояти и металлическим, часто серебряным, навершием, обычно венчающим рукоять, – 90-100 см. Навершия, как правило, литые из двух половин с округлым верхом и двумя отходящими вниз боковыми выступами – «язычками». Перекрестия – железные, напускные, длиной около 9 см с расширением посередине, в большинстве случаев прямые с расплюснутыми овальными или подромбической формы концами. Есть также единичные экземпляры со слегка опущенными вниз концами, завершающимися шарообразными утолщениями. От ножен сохранились фрагменты дерева и кожи, которой они были обтянуты, обоймы, к которым крепились петли для подвешивания сабель к поясу и в ряде случаев обкладки из листового серебра и литые серебряные наконечники, иногда с позолотой. Петли для подвешивания сабель имеют деревянную основу в виде полуовала, облицованную серебряной пластиной или кожей и окантованную по краю металлической обоймой. В центре петель – бронзовые или железные скобки, куда крепились

ремешки. Детали оформления сабель и ножен, и в частности, орнаментальное оформление накладок, петель и т.д. различны. Мы не имеем возможности останавливаться здесь на этом подробно. В качестве примера приведем саблю из погребения №6 (табл. V, 21). Навершие рукояти – литое из серебра со сложным орнаментом. В центре композиции – орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях какое-то животное с длинными ногами. Изображение птицы и особенно трактовка крыльев очень близки изображениям на поясных бляшках из Салтовского могильника. Ниже навершия по ребру рукояти располагаются четыре ромбические накладки из серебра с гравированным орнаментом в виде стилизованных трилистников и утолщениями в центре, которые предотвращали скольжение рукояти в руке. Серебряные обоймы, охватывающие нижнюю часть рукояти и верхний край ножен, украшены гравированным изображением трилистников с пальметтой в центре. Узор из пальметок украшает и серебряные окантовки петель на ножнах. На конце ножен – обкладка из листового серебра.

Единственной находкой является небольшой железный топорик узко вытянутой формы с расширенным лезвием на одном конце и молоточковидным бойком на другом (табл. XXVIII, 6). Он происходит из погребения №37.

Наконечники стрел, найденные в 15 мужских погребениях в количестве от 3 до 10 штук в каждом, разнообразны: один – втульчатый ромбовидной формы, остальные черешковые – трехлопастные, плоские и граненые. Трехлопастные представлены тремя типами – треугольные¹ (табл. V, 15) – 4 экз., с расширением в верхней половине острия (табл. V, 14) – 1 экз. и шестиугольные – 1 экз. Плоские одиннадцатью – двенадцатью типами – ромбовидные гнездовского типа с расширением в нижней трети пера (табл. V, 17) – 6 экз.; ромбовидные с расширением в середине пера и пропорциями пера 1:2 (табл. V, 18) – 4 экз.; пяти – и шестиугольные (табл. XXIII, 14) – 9 экз.; килевидные с пропорциями 1:3 или 1:4 (табл. V, 19) – 12 экз.; килевидные с расширением в нижней половине пера (табл. XXIII, 12) – 15 экз.; ромбовидные с прямыми или слегка выпуклыми сторонами и прямыми плечиками и наибольшим расширением в верхней части пера (табл. XXIII, 13) – 2 экз.; такие же, но с выпуклыми

сторонами и выпуклыми плечиками (табл. XXIII, 11) – 4 экз.; ланцетовидные с круглой шейкой и упором – 2 экз.; срезни; двурогий с вогнутыми боковыми и выпуклыми режущими сторонами – 1 экз. и в виде прорезной лопаточки – 1 экз. Бронзовые граненые также представлены несколькими типами – в виде кинжалчиков ромбического сечения – 7 экз.; узкие шиловидные ромбического сечения с перехватом у черешка – 4 экз. и квадратного сечения с простым упором (табл. X, 16) – 6 экз. Стрелы, лежавшие в большинстве случаев справа или слева у ног погребенных, были вложены в колчаны, от которых в трех погребениях сохранились петли – железные (табл. XXIII, 15) или бронзовые, а в двух случаях – железный крючок (табл. XXVI, 5). В одиннадцати погребениях встречены костяные накладки сложных луков, обычно по две срединные (табл. V, 20; табл. XXVI, 6). В погребении №37 встречены детали колчана – костяная пластина от крышки (табл. XXVIII, 15) и бронзовая оковка с кусками кожи от верхней части колчана (табл. XXVIII, 14). Во всех прослеженных случаях стрелы в колчанах лежали наконечниками вверх (рис.33).

Детали конной сбруи, найденные в могилах, немногочисленны. Удила (3 экз.) – двусоставные, с перегибами, в одном случае без псалий, в другом – с S-видными (табл. X, 25), а в третьем – с прямыми гвоздевидными (табл. XXIII, 18) железными псалиями. Стремена (2 экз.) – имеют овальную верхнюю часть, но отличаются по форме подножек и петель. В одном случае подножка прямая, плоская, укрепленная одним жгутом, а основание петли для путалища – подпрямоугольное (табл. XXIII, 19), в другом подножка слегка округлая, укрепленная тремя жгутами, а петля – овальная (табл. XXIII, 20). В погребении №22 и №40 обнаружены остатки уздечных наборов (см. табл. XVIII, 8, рис. 27; XXIXB, 7). Они состояли из кожаных ремней, украшенных металлическими накладками и соединенных между собой тройным (погр. №22) или простым (погр. №40) кольцами. Очевидно, остатки уздечки имелись и в погр. №41, где найдены два кольца–тройника. Они так же, как и кольца из погр. №22, в центре орнаментированы шестилепестковой розеткой (см. табл. XXXA, 10a, b). С деталями кожаной упряжи, очевидно, связана железная подпрямоугольная пряжка (табл. XXXIC, 1), обнаруженная в комплексе №2.

¹ Здесь и в дальнейшем мы придерживаемся классификации стрел, данной А.Ф. Медведевым. (А.Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. САИ, вып. Е1-36, М., 1966).

Погребенная посуда, как уже отмечалось, представлена остатками двух деревянных чаш (сохранились серебряные обкладки края – табл. XXXV, 1) и 34 глиняными сосудами. 33 сосуда лепные, 1 – круговой. В тесте, кроме мелкого песка, встречаются примеси. Круговой сосудик из погр. №44 (табл. XXXС, 1) – небольшой кувшинчик (высота 14 см) палевого цвета со сливом на венчике и следами лощения по тулову – перекрестным в верхней части и вертикальным в нижней.

Среди лепных сосудов абсолютно преобладают круглодонные (31 из 32) цвет лепных сосудов темно-коричневый, иногда черный. Сосуды имеют небольшие размеры (диаметр горла от 4 до 8 см, диаметр тулова от 7 до 14 см, высота 6-9 см), тонкие стенки (2-3 – редко 4 мм) и следы лощения на наружной поверхности. Форма однотипна: округлое дно, шаровидное или реповидное тулово и невысокая (1-2 см) шейка. По форме верхней части выделяются три разновидности – с цилиндрической горловиной и резким переходом от горла к тулову (табл. XXIII, 23), со слегка отогнутой наружу шейкой и более плавным переходом (табл. IXA, 14) и чашевидные сосуды, но с профилированным краем (табл. XXIX, 1; XXXС, 2). Преобладают сосуды первой разновидности. Абсолютное большинство сосудов орнаментировано по шейке, плечикам и верхней части тулова. Орнамент, как правило, выполнен с большой

тщательностью и состоит из 5-6 горизонтальных поясков, составленных из оттисков короткого мелкозубчатого штампа, чередующихся иногда поясками тонких резных линий. Внизу орнаментальный узор нередко завершается фестонами, нанесенными по тулову резными линиями или оттисками того же мелкозубчатого штампа (табл. XI, 1). На некоторых сосудах орнамент выполнен тонкими резными линиями, но сохраняет ту же композицию (табл. XI, 1; XXXIII, 2). Венчики покрыты тонкими насечками. Во многих случаях орнаментированы насечками и верхний край горловины внутри сосудов. В целом большая часть круглодонных сосудов могильника относится к так называемому кушнаренковскому типу, иллюстрируя поздние этапы его развития. Лепной плоскодонный сосудик баночной формы с примесью в тесте шамота и песка происходит из погр. №42 (табл. XXXI, 15).

Очевидно, с погребальной пищей или какими-то ритуальными действиями связаны костяные лопаточки – ложки, встреченные в трех погребениях (№№16, 33 и 37). Это – изготовленные в основном из лошадиных ребер костяные пластины, расширенные в одном и суженные в другом конце (табл. XIII, 2; XXVI, 1; XXVIII, 1). Расширенный конец обычно несколько изогнут. Поверхность одной длинной лопаточки с отверстием на узком конце (погр. №37, табл. XXVIII, 1) покрыта резными насечками.

4. АНАЛОГИЯ И ДАТИРОВКА

Многие из описанных вещей Больше-Тиганского могильника были широко распространены в последней четверти I тысячелетия нашей эры в степной и лесостепной полосе Восточной Европы и хорошо представлены, в частности, в могильниках салтовской культуры. Сюда относятся сабли, многие типы наконечников стрел, удила с S-овидными и гвоздевидными псалиями, оба типа стремян – с плоской и округлой подножкой, некоторые типы поясных наборов, крупнопроволочные браслеты, перстни со вставками и четырьмя лапками-захватами, бронзовые пуговицы, коромыслообразные подвески – костыльки, многие типы бус и некоторые височные подвески – цельнолитые со стерженьком, украшенным вздутиями, и составные с нанизанными на стержень металлическими бусами. Аналогии этим вещам в салтовских памятниках хорошо известны и датированы¹. Большинство из них и, в частности, украшения – лапчатые перстни со вставкой, коромыслообразные подвески с петлей, литые и составные серьги с бусами на стержне – характерны для катакомб I группы Дмитровского могильника, которые С.А. Плетнева датировала концом VIII – первой половиной IX в.² Что касается остальных вещей нашего могильника, не представленных среди салтовских древностей (в основном это предметы женского костюма, некоторые детали поясных наборов и керамика), то они имеют параллели в памятниках второй половины VIII – IX в. в Верхнем Прикамье и особенно в Башкирии.

Височные подвески с булавообразным напуском, украшенные зернью; литые сережки с гроздевидной привеской; пластинчатые, витые и граненые браслеты; шумящие подвески – коньковые и арочные со спиральными завитками на щитке; плоские подвески в виде четырехлепестковой розетки; рожковые и колокольчикообразные привески к поясам; пронизи со вздутиями – прорезные и без прорезей на вздутиях – частые находки в могильниках Верхнего Прикамья, преимущественно в комплексах второй половины VIII – первой половины IX в. (Деменковский, Каневский, Урынский и другие могильники)³. Многие из этих украшений (височные подвески с булавой, серьги с гроздью, пластинчатые и граненые браслеты,

привески – колокольчики, пронизи со вздутиями) известны и в могильнике Мыдлань-Шай на Чепце, датированном также второй половиной VIII – первой половиной IX в.⁴ Отдельные вещи – пронизки со вздутиями, привески – «рожки» к поясам, граненые браслеты, коньковые подвески близких типов – представлены также в памятниках бассейна р. Сылвы – Неволинском, Бродовском, Горбунятском могильниках,⁵ конечная дата которых доводится до второй половины VIII в.⁶ Хотя в целом основная масса инвентаря сылвенских могильников, в частности, поясные наборы, существенно отличается от больше-тиганского и имеет более ранний облик. Почти все перечисленные украшения известны и в более южных районах – могильниках второй половины VIII–IX в. на территории Башкирии и прилегающих к ней восточных районах современной Татарии: массивные височные подвески с булавообразным напуском – в одном из погребений Кушулевского могильника⁷; серьги с гроздевидной привеской – в Хусаиновском, Старо-Халиловском (Кургане) и других могильниках⁸; браслетах интересующих нас типов (пластинчатые, граненые) – в Стерлитамакском⁹, Старо-Халиловском¹⁰, Лагереvском¹¹ (курган 42), I и II Бекешевских¹²; абсолютно аналогичные больше-тиганским коньковые подвески – в Стерлитамакском¹³, Хусаиновском¹⁴ и Чишминском¹⁵; арочные шумящие подвески со спиралевидными завитками на щитке – в Хусаиновском¹⁶, I и II Бекешевских¹⁷ и Чишминском¹⁸; пронизи со вздутиями – в Кушулевском, I Лагереvском (курган 22) и других могильниках. Кроме того, в упомянутых могильниках Башкирии и восточной Татарии представлены дополнительно многие типы очень характерных вещей, имеющих в Больше-Тиганском могильнике и отсутствующих в верхнекамских и чепецких. Среди них – специфические украшения женских головных уборов – кожаные венчики с многочисленными мелкими литыми или штампованными бляшками встречены в Лагереvском (курган 42), Хусаиновском (курган 12, погр. 1)²⁰, Старо-Мусинском (курган 1, погр. 2)²¹; литые височные подвески с полуовальным кольцом и массивным ажурным щитком прямоугольной и трапециевидной формы – в Хусаиновском²²; I и

II Бекешевских, Чишминском²³; плоские литые височные подвески с кольцом и расплющенный гроздевидной привеской – в Хусаиновском²⁴, II Бекешевском; столь характерные для Больше-Тиганского могильника листовидные подвески к ожерельям, выпуклые и плоские, гладкие и с прорезями обнаружены в Старо-Халиловском (впускное погр. 19 в кургане 6)²⁵; Хусаиновском²⁶, I и II Бекешевских, Лагереvском (курган 22), Чишминском²⁷; плоские подвески ромбической формы с выступами по углам известны в Ишимбаевском (курган 3, погр. 2)²⁸, Лагереvском (курган 42); крупные серебряные поясные пряжки без щитка, украшенные рельефным орнаментом – в Хусаиновском²⁹, I и II Бекешевских. Некоторые поясные наборы из этих могильников, в частности, крупные гладкие, неорнаментированные бляшки квадратной и арочной формы и в форме полумесяца с шишечками у концов, почти до деталей повторяют больше-тиганские (Хусаиново, курган 12, мужской костяк в погр. 1; Ямаши-Тау (Валиши) курган 2, погр. 2³⁰; Бекешево I, курган 2, погр. 2; Бекешево II курган 2, погр. 1 и др.). Штампованные бляшки с ребристой поверхностью отмечены в Чишминском³¹, Лагереvском (курган 42) и I Бекешевском могильниках, а своеобразный бордюро-цепочка по краю литых бляшек – в Каранаевском (курган 3, погр. 31 и курган 11 погр. 1)³² и Ишимбаевском (курган 3, погр. 3). Во многих из названных памятников Башкирии находит аналогии и лепная посуда Больше-Тиганского могильника, о чем мы скажем в дальнейшем. Если к тому же учесть, что в этих могильниках обильно представлены вещи салтовского круга – литые сережки салтовского типа, лапчатые перстни со вставками, подвески – «костыльки», удила с S-видными и звездчидными псалями, сабли и т.д., то станет очевидным, что в ряде могильников Башкирии второй половины VIII–IX в. почти полностью повторяется весь комплекс вещевого материала Больше-Тиганского могильника. Особо следует отметить то, что более 40 типов вещей Больше-Тиганского могильника имеют аналогии в материалах Больше-Тарханского раннеболгарского могильника VIII–IX вв. В основном это вещи, широко распространенные в салтовских памятниках, – стрелы, накладки на луки и колчаны, детали сбруи и т.д. Среди специфических общих вещей можно назвать лишь шумящие подвески арочной формы со спиралевидными завитками на щитке³³.

Совокупность приведенных аналогий достаточно убедительно датирует инвентарь Больше-Тиганского могильника второй половиной VIII–IX в., а найденные в погребениях монеты позволяют еще более конкретизировать эту дату. Все монеты, как уже отмечалось, использовались в качестве украшений, они имеют пробитое отверстие или снабжены ушками. Определение сделано научным сотрудником Государственного исторического музея С.А. Яниной и профессором Московского университета Г.А. Федоровым-Давыдовым. Наиболее ранняя монета происходит из погребения №20. Одна монета – это драхма омейядских наместников Ирана с портретом Хосрова II (590–628 гг.) и с именем наместника Зийяд ибн Аби Суфьяна, чеканенная в 50-х гг. хиджры (670-е гг.). Остальные семь монет (дирхемов) относятся к разным годам VIII в.: из погр. №28 – 91 гх. (709–710 гг.), Васит; из погр. №8а – 100 гх. (717–718 гг.), ал-Басра, из погр. №10 – 125 гх. (742–743 гг.), Васит; из погр. №8 – 127 гх. (745–746 гг.), Васит; из погр. №27 – 143 гх. (760–761 гг.), ал-Басра; 171 гх. (787–788), ал-Аббасия. На третьем дирхеме из погр. №27 год чекана читается нечетко. С.А. Янина определяет его как 163 гх. или 173 гх. (779–780 гг. или 789–790 гг.), ал-Абасия. Если учесть принимаемую надбавку к датам монет, не сразу после чеканки попавших в Прикамье и еще некоторое время использовавшихся здесь в качестве украшений, в среднем на 50 лет³⁴, то верхнюю дату могильника можно определить первой половиной IX в. Скорее всего, Больше-Тиганский могильник следует датировать самым концом VIII – первой половиной IX в.

Н.А. Мажитов в одной из последних своих работ без особых оснований, только ссылаясь на близость Больше-Тиганского могильника Чишминскому, исследованному Е.П. Казаковым и датированному им IX–X вв.³⁵, переносит эту дату IX–X в. на Больше-Тиганский могильник. Мы не можем с этим согласиться и считаем, что весь основной комплекс Больше-Тиганского могильника относятся ко второй половине VIII – началу IX в., хотя, естественно, в этом комплексе встречаются вещи, пережиточно доходящие из более раннего времени (например, лапчатые подвески, венчики со спиралевидными пронизками и обоймочками и т.п.), и предметы, возникнув на рубеже VIII–IX в., могли дожить и до более позднего времени (например, шумящие подвески с арочными и коньковыми щитками, браслеты

с восьмигранными концами и т.п.). Характерно, что в общем комплексе Больше-Тиганского могильника совершенно нет вещей, которые датировались бы только начиная с рубежа IX–X в. или X в. Показательно в этом отношении сравнение Больше-Тиганского комплекса с комплексами из Танкеевского могильника.

Так, для Танкеевского могильника, четко датированном восточными монетами и вещевыми комплексами, почти 1000 погребений IX–X вв.³⁶, типичны предметы, еще неизвестные или же нехарактерные для комплекса Больше-Тиганского могильника, как и наоборот. Мы не говорим здесь о керамике, которая в силу своей большей этничности не может в полной мере выступать датированным признаком, но вскользь заметим достаточно резкое отличие танкеевской керамики от тиганской, хотя бы по очень большой редкости в первом комплексе лепных сосудов кушнаренковского типа (1 сосуд на более чем 200 лепных сосудов³⁷). Резко различаются другие, в том числе массовые вещи: из железных изделий – это танкеевские топоры, все уже имеющие характерные для IX–X вв. расширенные щековицы³⁸; железные кресала овальной, калачевидной формы и с бронзовыми рукоятками³⁹; сабли, в отличие от тиганских уже имеющие изгиб клинка⁴⁰, что, по мнению специалистов, становится характерным лишь в IX–X вв.⁴¹; крупные наконечники стрел с подромбическим пером гнездовского типа⁴², в

основном датирующиеся X в.⁴³; стремена с округлой подножкой⁴⁴, удила с крылатыми псалиями⁴⁵, с крупными подвешенными кольцами⁴⁶.

Значительные отличия наблюдаются в бронзовых и серебряных изделиях, преимущественно украшениях. Так, в комплексе Больше-Тиганского могильника отсутствуют характерные для Танкеевки и датируемые в основном IX–X вв. следующие предметы: фигурные бляхи – накладки на кожаную сбрую в виде стилизованных изображений «двух соединенных между собою птиц с распластанными крыльями»⁴⁷; бляхи подтреугольной или подчетыреугольной формы с овальным отверстием в верхней части и с волнистым нижним краем⁴⁸; поясные сумки с металлической окантовкой и накладками⁴⁹; плетеные браслеты⁵⁰, многие формы пряжек (особенно простых рамчатых) и поясных накладок⁵¹, перстни с шатоном без захватов⁵² и т.п. Показательно, что все найденные в Танкеевском могильнике лицевые покрытия имеют более развитую форму лицевой маски⁵³, здесь практически нет наглазников. Возможно и то, что из определенных к 1971 г. 18 монет, найденных на Танкеевском могильнике (к этому времени было исследовано 782 погребения), 15 относится к IX–X вв.⁵⁴, тогда как в Больше-Тиганском могильнике, как отмечалось выше, из 8 найденных и определенных ни одна не датируется позже VIII в. (самая поздняя – из погр. №27 – 787-788 гг.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 24-25; Его же. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 131-143; И.И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, рис. 15, 16, 21; С.А.Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 135-143, 156-169.

2. С.А.Плетнева. Указ. соч., стр. 137-142.

3. В.Ф. Генинг. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры. ВАУ 6, Свердловск, 1964, табл. I, 1-2; табл. II, 7; табл. III, 20-22, 29-30; табл. VI, 11-12, 17; табл. VII, 4; Р.Д. Голдина. Могильники VII-IX вв. на Верхней Каме. ВАУ 9, Свердловск, 1970, приложение, табл. 33, 11-15; 10-16; табл. 36, 6-13; табл. 42, 6; табл. 44, 1-2; табл. 51: 7-9; табл. 52, 20, 27-28; см. также хронологическую таблицу Б.

4. В.Ф. Генинг. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII-IX вв. ВАУ 3, Свердловск, 1962, табл. I, 12-15; II, 8-11; табл. V, 6, 11, 25-27 и др.

5. I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Akadémia Kiadó. Budapest, 1969, Taf. V, 8-11; VI -9; VIII, 11.

6. В.Б. Ковалевская, Ю.А. Краснов, А.К. Амброз. I. Erdélyi, E. Ojtozi, W.Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Рецензия, СА, 1973, 2, стр. 286-287; стр. 298.
7. А.П. Шокуров. Отчет о разведках 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 1508.
8. Н.А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир. АЭБ, т.II. Уфа, 1964, стр. 155, рис.3, I, 3, Его же. Южный Урал в VII-XIV вв., М., 1977, табл. I, 186.
9. П.Ф. Ищеригов. Аланский могильник близ г. Стерлитамака. КСИИМК, XLVII, 1952, стр. 80, рис. 29, 8, 13, 14.
10. Н.А. Мажитов. Отчет за 1963 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 2648а.
11. Н.А. Мажитов. Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 4741. В дальнейшем, говоря о Лагеревских курганах, мы имеем в виду данный отчет.
12. Н.А. Мажитов. Отчет за 1973 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 5007.
13. Р.Б. Ахмеров. Могильник вблизи г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, стр. 155, табл. I, 1, 2.
14. Н.А. Мажитов. Башкортостан археология. Уфа, 1968, стр. 153, рис. 30,7.
15. Е.П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, рис. 5, 11.
16. Н.А. Мажитов. Башкортостан археология, стр. 153, рис. 30,5,6.
17. Н.А. Мажитов. Указ. отчет за 1973 г.; А.Х.Пшеничнюк. Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 4724. В дальнейшем, говоря о I и II Бекешевских курганах, мы имеем в виду данные отчеты.
18. Е.П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, рис. 5, 11.
19. Н.А. Мажитов. Башкортостан археология, стр. 153, рис.25, 7.
20. Н.А. Мажитов. Отчет за 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, №3261а; Н.А. Мажитов. Башкортостан археология, стр. 154, рис.31, 5.
21. М.Х. Садыкова. Тюркоязычные кочевники на территории Южной Башкирии. Башкирский сборник. Уфа, 1959, стр. 154, табл. I, 1-3
22. Н.А. Мажитов. Указ. отчет за 1966 г. (курган 12, погр. 1).
23. Н.А. Мажитов. Указ. отчет за 1966 г. (курган 12, погр. 1).
24. Н.А. Мажитов. Новые материалы..., стр. 155, рис. 2, 22.
25. Н.А. Мажитов. Башкортостан археология, стр. 153, рис.30, 4.
26. Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII-XIV вв. ..., табл. I.
27. Е.П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, рис. 5, 13.
28. Н.А. Мажитов. Отчет за 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 2889а. В дальнейшем, говоря об Ишимбаевских курганах VIII-IX вв., мы будем иметь в виду этот отчет, а также отчет Н.А. Мажитова за 1963 г. Р-I, № 2648а.
29. Н.А. Мажитов. Башкортостан археология, стр. 155, рис.32.
30. Н.А. Мажитов. Отчет за 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 3878.
31. Е.П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, рис. 5, 3-5.
32. Н.А. Мажитов. Отчет за 1964 г. и 1966 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 2889а, № 3261.

33. В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
34. Е.П. Казаков. Два погребения Чишминского могильника. СА, 1975, № 4, стр. 264. Е.П. Казаков. Памятники болгарского времени... стр. 26-27.
35. Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII-XIV вв. ..., стр. 28.
36. Е.П. Казаков. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971, стр. 145; Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetiére de Tankeevka. Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. – Budapest, 1977, p. 89.
37. Е.А. Khalikova, E.P. Kazakov. Op. cit., p. 59-60, pl. XXXVI, 17.
38. Е. П. Казаков. Погребальный инвентарь..., табл. VII.
39. Е. П. Казаков. Погребальный инвентарь..., стр. 104, 135, табл. VIII. По мнению Л.А. Голубевой («Огнива с бронзовыми рукоятками» СА, № 3, 1964, стр. 118), кресала с бронзовыми рукоятками Танкеевского типа появляются в конце IX – начале X вв. «В памятниках полемской и родановской культур, а так же в Среднем Зауралье».
40. Е.П. Казаков. Погребальный инвентарь... табл. I, I; VII, 19.
41. Н.Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 153.
42. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XII, I, стр. 107.
43. А.Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв. САИ, вып. EI-36, М., 1966, стр. 65. По справедливому замечанию Е.П. Казакова (Указ. соч., стр. 133): «Гнездовских наконечников стрел с изящными очертаниями довольно крупного пера фактически мы не встретим ни в одном памятнике VIII-IX вв.». Их действительно нет и в Больше-Тиганском могильнике.
44. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XII, 19-20, стр. 134.
45. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XII, 21, стр. 135.
46. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. VII, 10, 11, 13.
47. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XVIII, 13.
48. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XIX, 37-42; XX.
49. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XXI, 22-25.
50. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XXIII, стр. 123.
51. Е.П. Казаков. Указ. соч., табл. XXIII, стр. 145.

Часть II

ЭТНОС НАСЕЛЕНИЯ, ОСТАВИВШЕГО БОЛЬШЕ-ТИГАНСКИЙ МОГИЛЬНИК*

Открытие и исследование Больше-Тиганского могильника позволяет более уверенно подойти к решению проблемы «Великой Венгрии», т.е. той древней прародины венгерских племен, в которой они обитали до переселения через области Леведии и Ателькузу на современную территорию расселения.

I. Ранневенгерские параллели

Погребальный обряд и массовый материал Больше-Тиганского могильника, достаточно выразительный и своеобразный, находят почти полные аналогии в собственно венгерских могильниках на Дунае, относящихся к так называемому времени «завоевания Родины» и датирующихся концом IX – первой половины X в. Больше-Тиганский могильник сближается с ними по многим особенностям, составляющим вместе с тем целостный комплекс.

Так, для наиболее ранних собственно венгерских могильников, как и для Больше-Тиганского, характерно расположение могильников на возвышенных местах, преимущественно на холмах (Тисабездед, Кенезлэ I и II, Эперьешке, Сегед – Боярхалом и др.), отсутствие сохранившихся внешних признаков, небольшие размеры кладбищ, принадлежавших, по мнению венгерских исследователей, патриархальным семьям (Тисабездед – 18 погребений, Кенезлэ I и II по 25 погребений, Башхалом – 24, Эперьешке – 8 и т.д.), характерное расположение могил, при котором центральное положение занимают богатые захоронения мужчин воинов¹. При преобладании простых по конструкции могильных ям с отвесными стенками у древних венгров известны и широкие, преимущественно мужские, могилы с односторонними заплечиками-ступеньками. Погребение I в могильнике Орошхаза II (хутор И. Пустай) имело заплечико слева от погребенного

шириной 40 см на высоте 25 см от дна². Аналогичные случаи отмечены И. Диенешем в могильнике Башхалом II³ и Ч. Балинтом в могильнике Эперьеш (погребение 5)⁴. В единичных случаях зафиксированы погребения в подбоях – могильники Саконь, Тисанана⁵. Как и в Больше-Тиганском могильнике, в древневенгерских некрополях абсолютно господствует ориентировка погребенных головой на запад, иногда с небольшими отклонениями к северу или югу, и лишь изредка в качестве исключения встречаются единичные захоронения с противоположной ориентировкой (Кенезне II⁶, Эперьеш⁷). Обряд трупосожжения не известен, но, так же как в Тиганах, встречаются в могилах угли, зола, обугленное дерево⁸. Несмотря на плохую сохранность дерева, в некоторых погребениях могильника Кенезлэ II обнаружены остатки досок, выстилавших дно могил, а в погребении на улице Заполья (совр. название Ген. Траяна Мошою – ред.) в Клуже (совр. название Клуж-Напока – ред.) – кора березы⁹. Тлен от гробовищ отмечен в погребении 26 могильника Сабадкидьош I¹⁰, погребениях 5 и 8 – Сабадкидьош II¹¹ и некоторых других некрополях¹². Видимо, и эта деталь обряда, знакомая нам по Тиганам, достаточно широко была представлена в погребальном ритуале венгров X в. Несколько реже, чем в Тиганах, встречается обряд сопровождения умерших погребальной пищей, но, тем не менее, известен и он. По данным А. Киша, примерно 15% древневенгерских захоронений сопровождалось глиняными сосудами¹³, причем обычно они ставились так же, как и в Больших Тиганах, в изголовье, редко у ног погребенных. В качестве примера можно привести могильник Кенезлэ II, где в 5 из 25 погребений в изголовье находились горшки¹⁴. Горшки из древневенгерских могильников почти во всех случаях сделаны на круге и являются производством гончаров местного, в основном славянского населения Карпатского бассейна. Не исключено, что постепенное исчезновение посуды из могил древних

* Этот раздел был написан на основании статей Е.А.Халиковой: Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. – 1976. – № 3.

Halikova, E. A.: Ósmagyar temető a Káma mentén. (Magna Hungaria kérdéséhez.) Archaeológiai Értesítő, 103. (1976), s. 53–78.

венгров (в могильнике «Башхалом», например, глиняная посуда не встречена ни разу, в могильнике Тисабездед в одной из 18 могил и т.д.) связано с прекращением традиционного производства своей лепной посуды и заменой ее в обиходе покупкой ремесленной.

Встречаются в погребениях, причем так же обычно в изголовье, и кости домашних животных: чаще всего берцовые и позвонки. В могильнике близ с. Стреда, например, кости животных найдены в 4 могилах из 11¹⁵, в Орошхазе I - бывш. хутор Надь – 4 из 6 (кости барана)¹⁶. Отмечены это находки в могильнике Тисанана¹⁷ и других.

Многие из рассмотренных деталей обряда (западная ориентировка, наличие гробовищ, остатки пищи и т.д.) принадлежат к числу относительно широко распространенных, особенно в среде кочевых или полукочевых племен степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Важно однако, что в сравниваемых нами памятниках эти детали обнаруживаются в совокупности с другими, более редко встречающимися и потому имеющими особое значение для этнических сопоставлений. Специфической чертой погребального обряда древневенгерских некрополей, роднящей их с Больше-Тиганским могильником, является захоронение рядом с умершими шкуры коня вместе с головой и ногами¹⁸. Причем древние венгры, как правило, не делали чучело лошади, как это имело место, например, у печенегов или торков, а клали шкуру без набивки¹⁹. Череп и кости ног коней чаще всего располагаются у ног погребенных: слева, иногда справа, вперед ногами, в единичных случаях, подобно тому, как в погребениях №12 и №28 Больше-Тиганского могильника, – на заплечиках (Орошхаз I, погребение 1; Эперьеш, погребение 5)²⁰. Венгерские исследователи считают эту форму захоронения с конем типично древневенгерской²¹. В некоторых могильниках на Дунае, подобно Тиганскому, до половины и более могил сопровождаются этими характерными комплексами костей лошади (Тисабездед – 12 и 18, Кенезлё II – 15 и 25, Башхалом – 11 из 22 и т.д.) и не только мужские, но часто и женские. Любопытно отметить еще одну маленькую деталь, связанную с захоронением шкуры коня. Мы указывали, что в ряде захоронений, особенно женских и детских, Больше-Тиганского могильника, кроме черепа и ног, найдены хвостовые позвонки лошадей. Точно такое же явление наблюдал И. Диенеш в могильнике Ракамаз²².

Не менее важен еще один общий очень своеобразный элемент обряда – применение погребальных масок. Впервые на эту деталь обряда древних венгров обратил внимание И. Диенеш благодаря находке в погребении 10 могильника Тисаэслар–Башхалом II, где череп скелета был обернут кожаным лоскутом, а на месте глаз и рта наложены тонкие серебряные пластины четырехугольной формы²³. Подобные пластины – наглазники и наротники, а иногда только наглазники (например, погребение 5 в Кенезлё, погребение 4 в Шошхартьян–Хоссутетё, погребение воина у с. Пипинь и др.), положенные или нашитые в свое время на лицевые покрытия из ткани или кожи, зафиксированы теперь во многих могильниках венгров в Карпатском бассейне, причем так же, как и в Больше-Тиганском могильнике, преимущественно в богатых мужских погребениях²⁴. Аналогичны и сами пластины – небольшие сплошные (без прорезей) округлой или подпрямоугольной формы из листового серебра, иногда с позолотой. Не встречены в Больше-Тиганском могильнике в роли наглазников поясные бляшки, что отмечается иногда у венгров (например, в погребении 26 могильника Сабадкидьош I и погребениях 7 и 8 могильника Сабадкидьош II)²⁵, но мы полагаем, что эти бляшки являются поздним оформлением погребальной маски, которое появляется у венгров лишь на Дунае. О том, что развитие обряда и его деталей шло именно в этом направлении, свидетельствуют этнографически зафиксированные маски мертвых у обских угров, где на месте глаз и рта нашивались медные пуговицы или бляшки, а в новейшее время и бусы²⁶.

Мы отмечали использование в Больше-Тиганском могильнике серебряных пластин не только в качестве лицевых покрытий. В трех мужских могилах они найдены у предплечий. Очень любопытно, что такие же находки обнаруживаются и у древних венгров²⁷. И. Фодор полагает, что эти накладки отмечали сердце²⁸. Нам же, исходя из наших материалов, кажется вполне вероятным использование таких пластин-нашивок на рукава – в качестве знаков отличия мужчин-воинов, связанных с их положением в дружинном войске, но, разумеется, это пока лишь гипотеза, нуждающаяся в дополнительном изучении.

Очень близки в нашем и древневенгерских могильниках состав и размещение в могилах погребального инвентаря. Что же касается типоло-

гии вещей, то полной близости ожидать не приходится, т.к. сравниваемые памятники разделяет семь-восемь десятилетий, а в большинстве случаев столетие и более. Особенно близок набор вещей в мужских погребениях (см., например, погребения №9 и №10 могильника Башхалом I, погребения №2 и №3 у Стреда под Бодроком и др.)²⁹. В наиболее полном варианте он включает: серьги (часто только одну, как и в Больших Тиганах, справа), бронзовые пуговицы, браслеты, поясной набор, нож, огниво и кремень в специальной сумочке или мешочке³⁰, детали конской сбруи, оружие – наконечники стрел, костяные накладки на луки, сабли, режущие копья и топоры. Сабли в интересующую нас эпоху были достаточно широко распространены в степях Евразии. Но у многих народов, в частности, у алан и болгар обряд захоронения с саблей не получил широкого распространения. В катакомбных могильниках только 10-12% мужчин похоронены с саблями, а в болгарских ямных погребениях Приазовья и Подонья их нет совсем³¹. На почти 400 погребений Больше-Тарханского раннеболгарского могильника приходится всего лишь две сабли³². И дело, видимо, не только в дороговизне этого вида оружия. Исследователи полагают, что у болгар по обычаю сабля передавалась сыну умершего и лишь в редких случаях попадала в могилу³³. Иное дело у древних венгров. В их могильниках на Дунае найдено уже свыше 120 сабель³⁴. Можно думать, что положение сабель в могилу входило у венгров в ритуал захоронения знатных воинов. С этой точки зрения находка 9 сабель в небольшом Тиганском могильнике, где всего около 20 мужских погребений – очень показательный факт.

В инвентаре женских могил отличий несколько больше. Это объясняется не только хронологическим разрывом. Известно, что накануне переселения за Карпаты венгры понесли большие потери в столкновениях с печенегами и болгарами, которые в основном коснулись их семей. Нехватка женщин ускорила слияние венгров-завоевателей с аборигенным населением Карпатского бассейна³⁵. И, тем не менее, в древневенгерских памятниках можно нащупать интересные параллели в характерных особенностях женского костюма и украшений. Во многих женских могилах обнаружены остатки головных уборов, украшенных по венчику литыми бляшками (Сегед-Боярхалом, Хенцида, Орошхаза II и др.)³⁶. Форма бляшек иная, неже-

ли у нас, но важно сохранение самой традиции. Из старых типов височных подвесок сохраняются у венгров поздние разновидности составных сережек с напускными бусами и несколько видоизменившиеся литые серьги с гроздевидной привеской, не считая простых колечек с несомкнутыми концами³⁷. В отдельных случаях сохраняется и древняя традиция соединять женские височные подвески цепочкой. Эта интересная деталь зарегистрирована в погребении X в. у Дьёра, где височная подвеска с напускными бусами обнаружена вместе с прикрепленной к ней длинной цепочкой³⁸. Бытуют у древних венгров и ожерелья из бус или цепочек с листовидными подвесками (Кунсентмартон, Хотин, Шошхартьян-Хоссутетё, Клоштар и др.)³⁹. Причем сами подвески листовидной формы – одинарные и двусоставные соединенные с бляшками округлой и ромбической формы – одно из наиболее распространенных у венгров женских украшений, использовавшихся не только для ожерелий, но и для отделки головных венчиков, воротников одежды, поясов, украшений кос⁴⁰. В большинстве случаев по деталям оформления они отличаются от тиганских, они в основном покрыты разнообразным орнаментом, но в некоторых случаях все же сохраняют очень близкую к исходной форму (Оросламош, и др.)⁴¹. И, наконец, еще одна общая деталь женского убора – наконечники. Они продолжают бытовать у венгров в X в., хотя форма их меняется. На смену шумящим подвескам на цепочках приходят крупные листовидные или круглые (литые ажурные или штампованные из листового металла с тисненым орнаментом) бляхи, крепившиеся к шнуру или к петле и вплетавшиеся в косы. Иногда их дополняли привески из бус и спиральных пронизей⁴².

Список параллелей можно было бы продолжать за счет других предметов – литых пуговиц, во множестве встречающихся у древних венгров, лапчатых перстней со вставками, граненых, пластинчатых и витых браслетов, костяных наконечников на трости (точнее, видимо, на стеки и кнуты) в форме птичьих головок⁴³ и т.д., но эти вещи распространены достаточно широко. Мы остановимся на более специфических аналогиях – форме и орнаментации поясных бляшек и наконечников (не касаясь широко распространенных форм), а также на стиле художественного оформления металлических изделий в целом. В отдельных случаях сходство здесь доходит до деталей: поясные накладки в форме полумесяца

с шишечками у концов из могильников Башхалом I и у г.Бана⁴⁴ аналогичны нашим накладкам из погр. №7 (табл. VI, 36)⁴⁵; бляшки с концевого ремешка из погр. №2 могильника Надькёрёш с трилистником в центре и бордюром по краю⁴⁶, как бы повторяют подобные из погр. №16 (табл. XIII, 8с, d, e), а бляшки с подвижным колечком, украшенные изображением трилистника и ягод, из могильника Вереб⁴⁷ очень близки бляшкам из погр. №28 (табл. XXIII, 3-6). Мотив трилистника – один из наиболее распространенных в прикладном искусстве древних венгров, причем здесь представлены все его основные варианты, известные и в Больше-Тиганском могильнике. Одиночный трилистник, серия трилистников, расположенных друг над другом по вертикали – «дерево жизни», сложные композиции из трилистников, связанных друг с другом ветками⁴⁸. Достаточно часты на металлических изделиях венгров и изображения животных, в том числе фантастических существ, в трактовке которых, как и в Тиганах, ощущается влияние сасанидского искусства. Сюжет сенмурва, в варианте, близком к тиганскому (табл. XX, 15b), повторяется на копоушке из Эгера⁴⁹ и на крышке сумки из Бездеда⁵⁰. Очень близка трактовка животных (с хвостом, зажатым между задними лапами) на накладках из Тиган (погр. 6 – табл. V, 9) и из могильника Гадорош (погр. 2)⁵¹. И, наконец, еще одна любопытная параллель,

которая, возможно, прольет свет на загадку сокровищ из Надь-Сент-Миклоша. Изображение грифона на наконечнике ремня из погр. №23 Больше-Тиганского могильника (табл. XIX, 6) по стилю исполнения и трактовке деталей крыльев, нижней части туловища, лап, напоминает грифонов на некоторых изделиях из этогоклада. Особенно близко к нашему изображение стоящего грифона на одной из чаш с пряжкой⁵² и изображение грифона, терзающего оленя, на одном из кувшинов⁵³. Создается впечатление, что мастер, изготовивший наш наконечник, заимствовал сюжет и его трактовку с восточных изделий, очень близких, если не идентичных, надьсент-миклошским.

Важной и очень характерной общей деталью художественного оформления металлических бляшек и наконечников является и своеобразный бордюр в виде цепочки из чередующихся овальных и круглых звеньев (табл. V, 9, 10; XVI, 26; XVIII, 4)⁵⁴.

Вся совокупность приведенных аналогий, среди которых главная роль принадлежит параллелям в погребальном обряде, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о принадлежности Больше-Тиганского могильника одной из групп ранних венгров, кочевавшей в конце VIII – начале IX в. в левобережье Нижней Камы, в районе, который позднее станет центром Волжской Булгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половине X в. н.э. ПАДИУ.М., 1972, стр. 128 и сл.

2. I. Dienes. A honfoglaló magyarok. In: Orosháza története és néprajza. Szerk.: Nagy I. Gy. Orosháza 1965. S.145.

3. Gy. László. Hunor és Magayár nyomában. Budapest, 1967, S.96.

4. Последний могильник не опубликован. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Ч. Балинта за любезно присланную фотографию.

5. Раскопки И. Диенеша. Благодарю автора за предоставленную возможность ознакомиться с отчетами.

6. Gy. László. A honfoglaló Magyar nép élete. Budapest, 1944 (в дальнейшем - HMNÉ), S. 144 (погребение A/27).

7. Раскопки Ч. Балинта.

8. Gy. László. HMNÉ, S. 478; И. Эрдели. Об археологической культуре..., стр. 136.

9. Gy. László. HMNÉ, S. 476.

10. A. Pálóczi-Horváth Függelék. A Békés Megyei Múzeumok Közleményei. I, 1971, S.40-41.
11. Cs. Bálint. X századi temető a szabadkigyósi-pálligeti táblában. A Békés Megyei Múzeumok Közleményei. I, 1971, S. 59, Abb. 8; S.63,Abb,14.
12. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половине X в. н.э. ПАДИУ, М., 1972, стр. 136.
13. Á.Kiss. A Szegedi Móra Ferenc Múzeum Evkönyve, 1969., f.2, S.175.
14. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половине X в. н.э. ПАДИУ, М., 1972, стр. 130-131.
15. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половине X в. н.э. ПАДИУ, М., 1972, стр.133-134.
16. I. Dienes. A honfoglaló magyarok. In: Orosháza története és néprajza. Szerk.: Nagy I. Gy. Orosháza, 1965, S.141-142.
17. Отчет И. Диенеша в Национальном музее в Будапеште.
18. Ч. Балинт. Погребения с конями у венгров в IX-X вв. ПАДИУ, М., 1972, стр. 176-188.
19. В Карпатском бассейне есть погребения конца IX-X в. с чучелом коня, но их относительно немного, и венгерские исследователи связывают их с этническими группами, отличными по происхождению от древних венгров. См.: Ч. Балинт. Указ. соч., стр. 180,182,184.
20. Мы не согласны с Чанадом Балинтом, причислившим погребения со сложенной и разостланной шкурой лошади (IV и V группы по его классификации) к погребениям с набитыми шкурами (Ч. Балинт. Указ. соч., стр. 182-183). По существу, это разновидности обряда погребения со шкурой, положенной к ногам (II группа). Все эти разновидности (кроме обряда с чучелом) представлены в Больше-Тиганском могильнике.
21. Ч. Балинт. Указ. соч., стр. 184.
22. Материал не опубликован. Еще раз благодарю И. Диенеша за любезную информацию.
23. I. Dienes. Выступление по докладу В.Н. Чернецова на конгрессе финно-угроведов в Будапеште в 1960 г «Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum», Budapest, 1963. S.413-415; I. Dienes. Honfoglalóink halottas szokásainak egyik ugor kori eleméről. Archaeologiai Értesítő 90 (1963). AE, 1963:I, Budapest, 1963, S. 108-112.
24. И. Фодор. К вопросу о погребальном обряде древних венгров. ПАДИУ, М., 1972. стр. 168- 170.
25. Cs. Bálint. Függelék, S. 41, Cs. Bálint. Cs. Bálint. X. századi temető a szabadkigyósi-pálligeti táblában, S. 61-63.
26. В.Н. Чернецов. Представление о душе у обских угров. // Исследования по вопросам первобытных религиозных верований. ТИЭ, Нов. сер., 1959, т 51, стр. 143; З.П. Соколова. Пережитки религиозных верований у обских угров. Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX века. Сборник музея антропологии и этнографии, XXVII, Л., 1971, стр. 235.
27. И. Фодор. Указ. соч., стр. 170.
28. И. Фодор. Указ. соч., стр. 174.
29. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. ПАДИУ, М., 1972, стр. 131-134.
30. В погребении №7 Больше-Тиганского могильника у пояса погребенной обнаружены остатки мешочка с пластинчатой металлической накладкой без орнамента. Столь характерные для венгров накладки на сумке с тисненым или гравированным орнаментом в нашем могильнике не встречены. Возможно, эта деталь сумок развивается позднее, во второй половине IX-X в.

31. С.А. Плетнева. Указ. соч., стр. 157.
32. В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
33. С.А. Плетнева. Указ. соч., стр. 157.
34. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в. н.э. ПАДИУ, М., 1972, стр.138.
35. И. Диенеш. Венгерский могильник времени завоевания родины из Башхалом (резюме) AA, 7, Budapest, 1956, стр. 276-277; М.И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 348.
36. Gy. László. HMNĚ, стр. 153, рис. 17; стр. 164, рис. 164, рис. 21; I. Dienes. A honfoglaló magyarok. In: Orosháza története és néprajza. Szerk.: Nagy I. Gy. Orosháza 1965, стр. 149, рис. 9.
37. B. Szöke. A honfoglaló és kora Árpád-kori magyarság régészeti emlékie. Régészeti Tanulmányok. Budapest, 1962, P1. VI, 9-12; IX, 7; A. Tocik. Altmagyarische Gräberfelder in der Südwest slowakei. «Archaeologica slovacica-catalogi», III, Bratislava, 1968, S. 67, pl. I; S. 86, pl. XX, 14, 16; S. 121, pl/ LV, I-3.8.
38. J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. T. 3. Braunschweig, 1905, P1. 513.
39. I. Dienes. Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest, 1972, P1. 54; A. Tócsik. Ibidem, S. 85, P1. XIX, 20,21; I. Fodor. Honfoglaláskori művészetünk iráni kapcsolatainak kérdéséhez. A soshartyani korongpár : Archaeologiai értesítő, 100, 1973: I, Budapest, S. 36, Abb. 3, 6; I. Hampel. Ujabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiről. Budapest, 1907, P1. 60.
40. J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. T. 3. Braunschweig, 1905, T.I, S. 761-767, Abb. 2321-2349.
41. А.а.О. Т,3, P1. 349, 430. Ibidem, T. 3, P1. 349, 430
42. D. Csallány. Weiblicher Haarflechteschmuck und Stiefelbeschläge aus der ungarischen Landnahmezeit im Karpatenbecken. ActaArchHung, 22. Budapest, 1970, S. 272- 284, Abb. 16; I. Dienes. Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest, 1972, P1. 32-43.
43. Последние известны из могильников Сабадбатьян (I. Dienes. Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest, 1972, табл. 71), Фёлдеак (неопубликованная находка из музея г. Сегеда – сообщение Ч. Балинта).
44. I. Dienes. Un Cimetière de Hongrois conquérants a Bashalom. ActaArchHung, 7, Budapest, 1956, S. 268, Taf. 58, I-50.
45. Á. Kiss – A. Bartha. Graves from the Age of the Hungarian conquest at Bana. ActaArchHung, 22, Budapest, 1970, p. 224, tabl. XXV, 19, fig, 8.
46. I. Dienes. Hanfoglaló magyarok sírjai Nagykörsön. AE, 1960:2, taf.XXX, 49-52.
47. J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. T.3, S. 727, Abb. 2178.
48. Ibidem, S. 721-723, Abb. 2150-2159, 2137-2138 usw.
49. Ibidem, S. 770, Abb. 2356.
50. Ibidem, S. 771, Abb. 2357.
51. Gy. László. HMNĚ, taf. XXXIV, 8, 11.
52. J. Hampel. Alterthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn. Taf. 314. В отличие от этого грифон на тиганском наконечнике изображен сидящим.
53. Ibidem, Taf. 291.
54. Ibidem, T. I, S. 743-746, Abb. 2233-2237, 2234-2246 usw; B. Szöke. A honfoglaló és kora Árpád-kori..., Taf. I, 6-8, 10-11, 13-14.

2. «MAGNA HUNGARIA»

Выразительный археологический комплекс Больше-Тиганского могильника, как мы постарались показать выше, оставленный одной из групп древневенгерских племен, позволяет выделить подобные ему памятники в сопредельных районах и на этом основании археологически наметить территорию легендарной древней Венгрии, или «MAGNA HUNGARIAE».

Особенно интересна и важна в этом отношении лепная керамика могильника, относящаяся в основном к кушнаренковскому типу (табл. II, 1; III, 1; VI, 43 и др.). Правда, некоторые сосуды, в частности, с невысокой отогнутой наружу шейкой и более плавным переходом к тулову (табл. IX, 17), близки к так называемым кара-якуповским. Однако мы придерживаемся мнения тех исследователей, которые видят в кушнаренковских и кара-якуповских сосудах разновидности одного типа, объединяя их под названием кушнаренковских¹. Наибольшее число памятников с кушнаренковской керамикой, синхронных Больше-Тиганскому могильнику, сосредоточено на территории Башкирии и прилегающих районах Татарии (рис. 34)², бассейна р. Белой и Ика и Нижней Камы. Наиболее «чистые» и выразительные комплексы ее дали Хусаиновский курганный могильник, изученный Н.А. Мажитовым в 1965-1966 гг.³, и I и II Бекешевские курганы, раскопанные в 1972-1973 гг. А.Х. Пшеничнюком и Н.А. Мажитовым⁴. В них встречена только кушнаренковская и родственная ей кара-якуповская посуда. Находятся эти памятники на восточных склонах Южного Урала (Абзалиловский и Баймакский районы Башкирии) и датируются, скорее всего, второй половиной VIII - началом IX в.⁵. Встречены кушнаренковские сосуды в некоторых захоронениях Стерлитамакского могильника второй половины VIII – первой половины IX в.⁶ и в Иткучуковском могильнике, где В.Д. Викторова вскрыла остатки погребения с черепом и костями ног лошади, удилами с S-видными псалиями, стремями и другими вещами, которые она справедливо датировала VIII в.⁷.

Интересен Лагереvский курганный могильник на р. Ай в северо-восточной Башкирии, где есть курганы, синхронные нашему могильнику. Особенно выразительны в этом отношении

курган 22 с кенотафом в центре и двумя потревоженными могилами, где найдены кушнаренковский сосуд, листовидная подвеска и другие вещи VIII – IX вв., и курган 42 с набором вещей, очень близких больше-тиганским⁸. Отдельные курганы, а иногда и впускные погребения с кушнаренковской керамикой известны и в других курганных могильниках Башкирии второй половины VIII-IX в.: в Старо-Халиловском (курган 8; курган 6, погр. 22)⁹, Каранаевском (курган 3, в погр. 32)¹⁰, Муракаевском (курган 2, впускное погр. 5)¹¹, включавших также курганы с керамикой, отличной от кушнаренковской¹².

В перечисленных памятниках Башкирии с кушнаренковской керамикой находятся преимущественно и те многочисленные аналогии вещевому инвентарю Больше-Тиганского могильника, о которых нам уже приходилось писать (стр. 62), в том числе наиболее специфические женские украшения и детали поясов – головные венчики с накладками, литые серьги с массивным щитком, листовидные подвески, накладки с бордюром в виде цепочки и проч.¹³.

Что касается погребального обряда этих памятников, то он тоже дает ряд интересных параллелей Больше-Тиганскому могильнику. Особенно интересны в этом отношении относительно хорошо сохранившиеся Бекешевские и Хусаиновский могильники. На первый взгляд обращает на себя внимание, казалось бы, очень существенная разница – большинство перечисленных памятников представляет собой курганные могильники, в то время как в Больше-Тиганском и в большинстве древневенгерских могильников на Дунае курганные насыпи не прослежены. Но насыпи в башкирских памятниках, как правило, невелики. Их высота не превышает 50 см, а чаще равняется 20-30 см и, что особенно важно, под насыпями наблюдается рядовое расположение могил. Четыре-шесть-десять, а иногда и более, могил располагаются под насыпью в один или несколько рядов, причем в большинстве случаев ориентированы длинными сторонами в широтном направлении. Хотелось бы заметить в этой связи, что у древних венгров в отдельных случаях известна традиция насыпать холмики, напоминающие курганы. Так, могильник у с. Стреда под

Бодроком имел невысокие наброски из камней¹⁴. В указанных могильниках Башкирии преобладают могилы с отвесными стенками, но единично встречаются ямы с односторонними и двусторонними заплечиками (Лагерево, погребение в кургане 42 и др.)¹⁵. Господствует ориентировка погребенных головой на запад, иногда с отклонениями до северо-запада и юго-запада. Под костяками находят остатки грубой ткани, войлока и дерева, встречаются костяки, покрытые берестой (I Бекешево, курган I, погр. I и 2 и др.). В могилах попадаются угли, обугленные плашки и обожженные гробовища, как в больше-тиганском погребении №18 (I и II Бекешево)¹⁶. Характерны для обряда – сосуд и крупная кость ноги лошади в могиле¹⁷. Близки набор и расположение остальных вещей: достаточно часты сабли, аналогичны детали женского костюма, интересна находка деревянного «стержня», обвитого бронзовой пластиной, аналогичного стеку из погребения №7 Больше-Тиганского могильника (II Бекешево, курган I, погребение 3 – раскопки А.Х. Пшеничнюка). Комплексы конских костей (череп и кости ног) встречаются часто, но лежат они рядом с могилами на погребенной почве (под курганными насыпями) и лишь изредка в засыпи могил, что, между прочим, наблюдалось и в Больше-Тиганском могильнике. Но здесь более характерно помещение конского комплекса непосредственно в могиле, что, возможно, связано с постепенным исчезновением обычая насыпать курганы. Редко, но, тем не менее, известны в Башкирии находки погребальных лицевых покрытий – наглазников (Стерлитамакский могильник)¹⁸. Встречаются в башкирских памятниках и очень специфические особенности обряда, отмеченные в Больше-Тиганском могильнике – связывание ног покойников (I Бекешево, курган 2, погр. 3; Ямаши-Тау – курган 2, погр. 2)¹⁹, расчленение черепа коней, когда нижние челюсти были положены отдельно (I Бекешево) курган I, раскопки А.Х. Пшеничнюка) и, наконец, кенотафы (Лагерево, Валиши (Ямаши-Тау), могильник у д. Ишимбаево Салаватовского района). В последних двух могилах (Ишимбаевском²⁰ и Валишинском²¹) посуда не найдена, но они так близки по типологии вещей и погребальному обряду к рассматриваемым памятникам, что мы считаем возможным включить их в этот круг. По тем же соображениям к памятникам, близким Больше-Тиганскому, можно отнести еще ряд могильников Приуралья – Ромашкинское погребение VIII в. в Курманаевском районе

Оренбургской области, где рядом с погребенной женщиной обнаружены череп и кости ног коня²²; курган I Старо-Мусинского могильника Кармаскалинском районе Башкирии, где найдено женское захоронение с набором вещей, близких больше-тиганским, в том числе с характерным венчиком, украшенным многочисленными накладками²³; погребение с комплексом конских костей, исследованное А.П. Шокуровым в Кушувском могильнике Дюртюлинского района²⁴, и Чишминский могильник в Актанышском районе Татарии с тем же характерным частичным захоронением коня и специфическими женскими украшениями²⁵.

Картографирование всех распространенных памятников очерчивает большую территорию, включающую левобережье Нижней Камы, Южное Предуралье и отчасти восточные склоны Урала (долину верхнего течения р. Сакмары). Видимо, в пределах этой территории располагались кочевья древних венгров в VII - начале IX в. и находилась легендарная «MAGNA HUNGARIA»²⁶.

Говоря о венгерском археологическом комплексе, следует заметить, что некоторые его элементы встречаются и за пределами указанной территории. Например, такая деталь погребального обряда, как захоронение вместе с умершим частей коня (головы и ног), встречена в синхронных Тиганам Больше-Тарханском могильнике на правом берегу Волги²⁷, могильнике Мыдлань-Шай на р. Чепце²⁸, в могильниках ломоватовской культуры в Верхнем Прикамье²⁹. Погребальные лицевые покрытия (наглазники и целые личины), систематизированные Е.П. Казаковым и картографированные И. Фодором³⁰, зафиксированы во многих могильниках Верхней Камы и бассейна Сылвы – Бродовском, Горбунятском, Деменковском, Редикорском, Баяновском и др.

Мы не будем останавливаться на происхождении этих явлений, так как это особый вопрос, связанный с проблемой генезиса и этнической интерпретации ряда культур Прикамья второй половины I тысячелетия н.э. Частично мы его уже касались³¹ и, очевидно, вернемся к нему в дальнейшем. Отметим здесь только два момента, имеющих отношение к нашей теме. Памятники, в которых встречаются указанные особенности, располагаются, как правило, в районах близких или сопредельных с очерченной территорией «MAGNA HUNGARIA», и второе – ни в одном из названных могильников не наблюдается пол-

ного комплекса признаков, характерных для погребального обряда Больше–Тиганского и сходных с ним памятников, не встречены в них наиболее специфические женские украшения – головные венчики с многочисленными бляшками, височные подвески с трапециевидным щитком, листовидные подвески к ожерельям и т. п. Отсутствует в Больше–Тарханском, Мыдлань–Шайском и прочих могильниках и кушнаренковская керамика, которая, судя по материалам Больше–Тиганского могильника, является неотъемлемой частью ранневенгерского археологического комплекса (для зоны Прикамья и Приуралья). Взаимное наложение и сочетание всех отмеченных признаков (своеобразного погребального обряда, характерных женских украшений и лепной керамики кушнаренковского типа) наблюдаются лишь в описанных выше памятниках Башкирии и Нижнего Прикамья.

Большинство авторов относит появление кушнаренковских памятников на Южном Урале к V в.³², при этом одними из наиболее ранних считаются захоронения с кушнаренковской керамикой на площади Бирского могильника³³. В последнее время А.К. Амброзом высказана иная точка зрения о дате бирских захоронений с кушнаренковскими сосудами. Он склонен датировать самые ранние из них (№ 78) VII в.³⁴. Примерно этим же временем (концом VI–VII в.) датируются и все остальные известные в настоящее время ранние кушнаренковские погребальные комплексы³⁵. Нам думается, что кушнаренковские (протовенгерские) племена, появились в Южном Приуралье около рубежа VI–VII в., возможно, в связи с событиями в Тюркском каганате, когда в 597–598 гг. произошло восстание угорских (правенгерских) племен Западной Сибири и Южного Урала, подавленное тюркютами. В этих условиях угро-венгры, очевидно, были вынуждены отойти в более безопасные северные районы Западного Приуралья.

Ранние памятники с кушнаренковской керамикой до начала VIII в. включительно картографированы В.Ф. Генингом, который отметил 9 могильников и несколько десятков поселений, на которых встречена кушнаренковская керамика, как правило, в незначительном количестве. Памятники сосредоточены преимущественно в Икско–Бельском междуречье³⁶. Среди отмеченных им погребальных комплексов три одиночных погребения – Луговское, Куштерьякское и Ишимбаевское (у г. Ишимбай), Манякский могильник

(самый цельный и представительный памятник в этой серии) и отдельные захоронения с кушнаренковскими в Бирском, Сантыш–Тамакском, Кушнаренковском, Ново–Турбаслинском и Шареевском могильниках. Из вновь открытых и ранее известных кушнаренковских памятников VII – начала VIII в., отсутствующих на карте В.Ф. Генинга, следуют назвать Ихтисатское погребение на правом берегу р. Зиган³⁷, Ново–Биккинский и Булгарский курганы в Чекмагушевском районе Башкирии (в бассейне нижнего течения р. Чермасан, левого притока р. Белой)³⁸ и ряд памятников в северной части Икско–Бельского междуречья в пределах Татарской АССР – Такталачукские погребения в левобережье р. Белой, Иманлейский могильник на правом берегу р. Ик и несколько селищ³⁹. Кроме того, к этому же времени относится значительная часть Лагеревских курганов⁴⁰, свидетельствующих о том, что кушнаренковские племена уже в ранний период обитали не только в Икско–Бельском междуречье и на прилегающей к ней территории, но и расселялись в более восточных районах, в частности, по течению р. Ай.

Отдельные, видимо, очень небольшие, группы их проникали и в более северные районы, о чем свидетельствуют находки единичных фрагментов кушнаренковского облика на городище Сандияк в Куединском районе Пермской области⁴¹ и на Кудымкарском городище на Верхней Каме⁴². Отдельные сосуды кушнаренковского типа известны на поселениях именьковской культуры близ устья Камы⁴³.

В ранней период погребальный обряд кушнаренковских племен еще не сложился окончательно в том виде, в каком мы знаем его по памятникам второй половины VIII – IX в. У них, в частности, господствует северная ориентировка погребенных, но многие знакомые нам особенности уже присутствуют. Обычны в захоронениях сосуд и крупная кость ноги лошади, известны кенотафы (Ново–Биккино), близок набор вещей – серьги, перстни, поясные наборы, характерные для того времени, рожковидные привески, ножи, стремена; удила, наконечники стрел, накладки луков, меч (погр. I Манякского могильника)⁴⁴. Следует отметить, что подавляющее число известных в настоящее время погребений VI – начала VIII в. ограблено, и многие детали обряда ускользают от нашего внимания.

Интересен и важен вопрос об истоках кушнаренковской культуры на Южном Урале, т.е.

вопрос о более глубоких корнях культуры прото-венгров. В.Ф. Генинг отмечает большое сходство кушнареноквской керамики с керамикой некоторых памятников I тысячелетия н.э. в Прииртышье и Приобье (Подчешаш у г. Тобольска, Логиновское городище на р. Имише и др.), которые он, однако, склонен связывать с самодийцами⁴⁵. Среди памятников, не упомянутых В.Ф. Генингом, любопытен Перейминский могильник в низовьях р. Туры, левого притока р. Тобола, по всей вероятности, синхронный Маняку⁴⁶. В двух погребениях здесь найдено несколько сосудов, очень близких ранним кушнареноквским⁴⁷. В свое время В.Н. Чернецов относил эту перейминскую керамику к кочевым племенам Прииртышских степей и указывал на генетическую связь ее с керамикой более ранних памятников типа Саргатских курганов близ Омска⁴⁸. К аналогичному выводу о такой связи пришел и В.А. Могильников, исследовавший значительное число памятников саргатской культуры IV в. до н.э. – IV в. н.э. Он считает, что значительная часть племен саргатской культуры, захваченная потоком Великого переселения народов, около IV в. н.э. ушла на запад, а оставшиеся приняли участие в сложении культуры, представленной, в частности, Перейминским могильником⁴⁹. Сопоставление памятников саргатской культуры, особенно на позднем этапе ее развития, с кушнареноквскими обнаруживает их известное сходство: близкие формы сосудов, в ряде случаев имеющих раздутое бомбовидное тулово и прямое или слегка открытое горло⁵⁰, сходные элементы погребального ритуала – наличие нескольких погребений под одной насыпью (иногда впускных), преобладание могил с вертикальными стенками и наличие некоторого числа ям с заплечиками, древесная подстилка на дне и деревянные обкладки стенок могил, иногда покрытие погребенных берестой, кусочки угля и зола на дне и в засыпи могильных ям, сосуд и кости животных (часто лошади) – остатки заупокойной пищи, вытянутое на спине трупоположение головой преимущественно на север (как в ранних кушнареноквских могильниках) и т.д.⁵¹. Все это заставляет думать, что племена саргатской культуры и другие близкие им племена лесостепного Зауралья участвовали в сложении кушнареноквского населения.

Таким образом, культура племен, оставших в Южном Приуралье памятники кушнареноквского типа, в том числе и Больше-Тиганский могильник, т.е. в конечном счете памятник про-

товенгров, имеет глубокие истоки в культурах лесостепного Прииртышья и Южного Зауралья эпохи раннего железного века и, видимо, более раннего времени, и может исследоваться в разных аспектах на протяжении большого исторического отрезка времени.

В тезисном порядке можно предложить следующую схему развития протовенгерских племен до расселения их в области «MAGNA HUNGARIA».

Памятники саргатской культуры прекращают существование в IV в. н.э. в связи с перемещением в эпоху так называемого Великого переселения народов масс кочевников в степной и лесостепной полосе Южной Сибири и Западного Казахстана. Этим потоком, очевидно, были захвачены и оторваны от своих сородичей – обских угров – предки древних венгров.

Во второй половине IV в. протовенгры, скорее всего, находились в составе Западного Тюркского каганата (есть предположение о протовенгерском происхождении одного из выдающихся великих ханов каганата – Истеми Кагана) и совместно с тюркютами играли большую роль в политической жизни Южного Урала, Западной Сибири, Средней Азии, Сасанидского Ирана. Эта эпоха наложила заметный отпечаток на культуру древних венгров. В различных ее элементах – особенно мифологии, изобразительном искусстве – сильны иранско-сасанидские и азиатско-согдийские мотивы и сюжеты.

На рубеже VI-VII вв. после разгрома их восстановления тюркютами они хлынули в Среднее Зауралье и здесь образовали до начала IX в. полукочевое государство «Великую Венгрию». Есть основание утверждать, что древние венгры были в числе племен, принесших в VI-VII вв. в Западное Приуралье и Приобье знаменитый сасанидский металл⁵³.

Венгры в период пребывания в «MAGNA HUNGARIA» (VII – первая половина IX в.) не порывали связей с лесостепными районами Западной Сибири и Северного Казахстана. Об этом свидетельствуют материалы отмеченных выше Перейминского могильника на р. Туре, Синглазовских курганов близ Челябинска, а также памятников типа Бобровских курганов в Павлодарском Прииртышье.

Больше-Тиганский могильник прекратил существовать в начале IX в. Монеты Стерлитамакского могильника, как мы отмечали выше, датируются в диапазоне от 705 до 779 гг., т.е. этот мо-

гильник фактически абсолютно синхронен Больше–Тиганскому и также прекращает существование в начале или в первой трети IX в. Видимо, значительная часть протовенгерских племен в это время покидает Южное Приуралье и Нижнее Прикамье и уходит на запад (рис. 35). Любопытно, в этом отношении Воробьевское погребение IX в. южнее Воронежа, которое давно связывается с древними венграми. Вещи из этого погребения до деталей аналогичны больше–тиганским – поясной набор, орнаментальное оформление петель сабли и проч.⁵⁴. По всей вероятности, правы те исследователи, которые ищут Леведию Константина Багрянородного в лесостепной полосе Подонья, севернее основной территории распространения салтовской культуры⁵⁵. Несомненный интерес представляют также находки в бассейне р. Ингур близ Кировограда (бывш. Елизаветграда), хранившиеся в коллекциях Б.И. и В.И. Ханенко. Они включают около ста бляшек, по крайней мере, от трех поясных наборов с характерным для Тиган орнаментом из трилистников и ягод и бордюром–цепочкой⁵⁶. Оттуда же происходят литые пуговицы и другие вещи. Не исключено, что там имел место могильник, близкий Больше–Тиганскому. Дальнейшее движение венгров на запад иллюстрирует погребение у д. Волошенское на берегу Днепра⁵⁷ и захоронения, изученные в с. Крылос у Галича в Прикарпатье на пути к Верецкому перевалу⁵⁸ (рис. 35).

Следует, однако, отметить, что не все протовенгерские племена ушли с территории Magna Hungaria. Часть из них осталась и приняла участие в сложении населения и культуры Волжской Булгарии, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют материалы Танкеевского и Тетюшского могильников второй половины IX – X в. В этих могильниках представлена кушнарниковская керамика и отмечается ряд характерных особенностей, присущих древневенгерскому погребальному ритуалу⁵⁹. Судя по материалам

Кушулевского могильника IX– XI вв., такой же процесс происходил и на территории Башкирии.

Несколько слов о возможном этнониме венгров, оставшихся в пределах Волжской Булгарии. Константин Багрянородный приводит сообщение, что старинным именем венгров было имя «крепкие саварты». Этим именем они звались на территории Леведии. Когда же под натиском печенегов они были вынуждены оставить Леведию и часть из них двинулась дальше на запад в Ателькузу, другая ушла на восток и поселилась в Персии, где еще во время Константина в середине X в. сохранила прежнее название саварты и поддерживала связь с западными венграми, жившими тогда уже в нынешней Венгрии⁶⁰. Если верить этому сообщению, следует думать, что аналогичным или близким именем звались в X в. и венгры, оставшиеся в пределах Волжской Булгарии. В этой связи большой интерес представляет сообщение ибн Фадлана о народе саван или сван, жившем в Волжской Булгарии, но противившемся власти и приказам царя болгар Алмуша⁶¹. Обычно считают, что название этого народа по происхождению тождественно с названием болгарского города Сувар (Сивар, Савар), о котором упоминают арабоязычные авторы X в.⁶² В перечне собственно болгарских племен (берсула, эсегель, болгар), который приводит ибн Русте, этот народ не указан⁶³. Можно полагать, как уже это сделал А.П. Ковалевский⁶⁴, что данный народ по происхождению не принадлежал к числу болгар. Такой иноэтничной группой, по нашему мнению, могли быть и венгры. В.Н. Чернецов, посвятивший угорской проблеме много работ, считал, что различные варианты имени супыр-савыр отражают общее древнее имя, которым звались некогда предки угорских народов (хантов, манси и мадьяр), сформировавшиеся на базе древних культур Западной Сибири, Зауралья и частично Казахстана⁶⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С.М. Васюткин. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н.э. СА, 1968, I, с. 59; Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1978, с. 60, 69–70.

2. Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII–XIV в. М., 1978, рис. 11.

3. Н.А. Мажитов. Башкортостан археологияһе, Уфа, 1968, с.152, рис. 29, 1–3; Н.А. Мажитов. Отчеты за 1965 и 1966 гг. Архив ИА АН СССР, Р-1, №№ 3128, 3261; Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977, с. 27.

4. А.Х. Пшеничнюк. Работы в центральной и юго-восточной Башкирии. АО 1972, М., 1973, с. 186; А.Х. Пшеничнюк. Отчеты за 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4724; Н.А. Мажитов. Новые материалы о древних башкирах. АО, 1973, М., 1974, с. 162; Н.А. Мажитов. Отчеты за 1973г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 5007; Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977, с. 27.

5. Н.А. Мажитов (Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977, с. 27, 28.) датирует эти комплексы IX-X вв. Нам думается, что это слишком завышенная дата, ибо указанные комплексы содержат в основном вещи, характерные только для комплексов типа Больших Тиган и Больших Тархан, т.е. комплексы, датированные второй половиной VIII – первой половиной IX в. Показательно, что найденные в башкирских комплексах восточные монеты (Стерлитамак – 7 монет, Хусаиново, погр. I – 3 монеты, II Бекешево, кург. I – 1 монета), в абсолютном большинстве относятся к VIII в. и лишь 1 монета (из Хусаинова) датирована 824 г.

6. Р.Б. Ахмеров. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII, 1955, с. 175, табл. X, 3-4.

7. В.Д. Викторова. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии. ВАУ, 4, Свердловск, 1962, с. 166.

8. Н.А. Мажитов. Отчет за 1972 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4741.

9. Н.А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир. АЭБ, II, Уфа, 1964, с. 156. Интересно впускное погребение № 19 в тот же курган 6 без сосуда, но с набором вещей (пояс, листовидная подвеска и пр.), близких тиганским.

10. Н.А. Мажитов. Отчет за 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2889.

11. Н.А. Мажитов. Указ. Отчет за 1966 г. Первоначально погребений с кушнаренковской керамикой в указанных могильниках было, видимо, больше, но из многих погребений, потревоженных грабителями, посуда выкинута или разбита.

12. Хотелось бы в этой связи отметить, что курганы VIII-X вв., изученные в последнее десятилетие Н.А. Мажитовым и приписываемые им протобашкирам (Н.А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир; Н.А. Мажитов. Происхождение башкир. АЭБ, IV, Уфа, 1971, с. 14 и др.), нуждаются в этнокультурной и хронологической дифференциации и классификации. К примеру, очень своеобразен и отличен от кушнаренковских и по образу, и по составу лепной керамики, Мрясимовский могильник, отдельные курганы Старо-Халиловского и других могильников.

13. Близкий набор инвентаря и сосуд каракуповского типа обнаружены в двух погребениях, вскрытых в 1973 г. у дер. Чишма Актанышского района Татарской АССР (см. Е.П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, с. 20-28.)

14. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половины X в н.э. ПАДИУ, М., 1972, с.133.

15. Н.А. Мажитов. Отчет за 1972 г.

16. Н.А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир, с. 162.

17. Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977, с. 101 и сл. Н.А. Мажитов. (см. указ. соч., с. 101-110) их выделяет как курганы лагеревского типа, для которых характерно «сочетание невысоких круглых в плане земляных насыпей и неглубоких могил», сосуды кушнаренковского и каракуповского типа, вытянутое положение умерших с преимущественной северной и северо-западной ориентацией; наличие гробовищ, устланных войлоком или циновкой; положение погребальной пищи (сосуды и трубчатая кость лошади) в изголовье, положение оружия (колчаны, сабли) – слева; наличие традиции связывания ног погребенных ремнем и т.д. Все эти особенности, как мы видели выше, характерны и для Больше-Тиганского могильника. Поэтому следует полагать, что курганы Лагеревского типа, очевидно, оставлены близкими по этносу к населению Больше-Тиганского могильника людьми.

18. Р.Б. Ахмеров. Указ. соч., с.167, табл. V, 5. Говоря о наглазниках, следует иметь в виду, что большинство указанных могильников Башкирии VIII–IX вв. ограблено. Кроме того, листовое серебро плохо сохраняется, иногда от него остаются лишь мелкие бесформенные фрагменты, определить назначение которых бывает трудно.
19. Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977, с. 109.
20. Н.А. Мажитов. Отчеты за 1963 и 1964 гг. Архив ИА АН СССР, Р-I, №№ 2648, 2889; Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977, с.102.
21. Б.Б. Агеев, Н.А. Мажитов. Раскопки в Южной Башкирии. АО 1969, М., 1970, с. 170-171; Н.А. Мажитов. Отчет за 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 2878; Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977, с. 102.
22. С.А. Попов. Археологические исследования на территории Оренбургской области в 1965-1966 гг. V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов). Сыктывкар, 1967, с. 128;
23. М.Х. Садыкова. Тюркские кочевники на территории Южной Башкирии. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, с. 152-155. Часть курганов этого могильника принадлежит срубной культуре, остальные сильно потревожены.
24. А.П. Шокуров. Отчет за 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 1508; И. Эрдели. Большая Венгрия. АА, XIII, 1961, стр. 317.
25. Е.П. Казаков. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978, с. 20 и сл.
26. См. об этом подробнее: Е.А.Халикова. «MAGNA HUNGARIA», ВИ, 1975, № 7.
27. В.Ф.Генинг, А.Х. Халиков. Ранние венгры на Волге. М., 1964, с. 23, 24.
28. В.Ф.Генинг. Мыдлань-Шай – удмурдский могильник VIII– IX вв. ВАУ, 3, 1962, с 82.
29. На верхней Каме комплексы конских костей располагаются, как правило, рядом с погребениями. В.Ф. Генинг. Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры. ВАУ, 6, 1964, с. 10.
30. Е.П. Казаков. О назначении погребальных лицевых покрытий Танкеевского могильника. Уч.зап. ПГУ, 191, Пермь, 1968, с. 230 – 239; I. Fodor. Nonfoglalás kori régészetünk néhány östörténeti vonatkozásáról. Folia Archaeologia, 24, 1973, S. 166, fig. 3.
31. Е.А. Халикова. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских (VI–IX вв.) и раннеродановских (IX–XI вв.) памятников. Сб. «Вопросы финноугроведения», Йошкар–Ола, 1970.
32. Н.А. Мажитов. Керамика памятников VIII–X вв. на Южном Урале. V Уральское археологическое совещание (тезисы докладов). Сыктывкар, 1967, с. 58; С.М. Васюткин. Указ. соч., с. 70, 71.
33. В.Ф. Генинг. Южное Приуралье в III-VII вв. н.э., с. 268.
34. А.К. Амброз. Проблемы раннесредневековой хронологии восточной Европы. II, СА, 1971, 3, стр. 107.
35. В.Ф. Генинг. Указ. соч., с. 268.
36. Там же, с. 269, рис. 13. Его же. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) Сб. Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
37. С.М. Васюткин. Указ. соч., с. 70.
38. Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Работы в Башкирии. АО. 1970, М., 1971, с. 149; Н.А. Мажитов. Работы в Южной Башкирии. АО. 1971, М., 1972, с. 218; Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII– XIV вв. М., 1978, с. 19.
39. Е.П. Казаков. Памятники кушнаренковского типа на территории Татарии. Тезисы докладов научной сессии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН СССР за 1972 г., Казань, 1973, с. 130.

40. Н. А. Мажитов. Указ. отчеты за 1964 и 1972 гг. Н.А. Мажитов. Южный Урал в VII– XIV вв. М., 1977, с. 21.
41. И.С. Поносова. Раскопки Сандиякского городища бахмутинской культуры в 1963-1964 гг. Уч. зап. ПГУ, 191, 1968, с. 105, рис. 3, 6.
42. В.А. Оборин. Отчет о раскопках в 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 3931, рис. 58.
43. П.Н. Старостин. Памятники именьковской культуры. САИ, Д-I-32, М., 1967, табл. 4.
44. Н.А. Мажитов. Отчет за 1967 г. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 3496.
45. В.Ф. Генинг. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э., с. 270-274.
46. А.К. Амброз. Рц. I. Erdélyi, E. Oitozi, W. Gening. Das Gräberfeld von Nevolino. Budapest, 1969 SA, 1973, 2, с. 297.
47. В.Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. МИА, 58, 1957, с. 172, табл. XIV.
48. В.Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н.э. МИА, 58, 1957, с. 180.
49. В.А. Могильников. К вопросу о саргатской культуре. ПАДИУ. М., 1972, с. 86.
50. В.А. Могильников. К вопросу о саргатской культуре. ПАДИУ. М., 1972, с. 80, рис. 4; В.И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш. МИА, 35, 1953, с. 191, табл. 1, 9, с. 219, табл. XVII.
51. В.А. Могильников. Указ. соч., с. 68-73.
52. Более подробно об этом см.: Е.А. Халикова. Зауральские истоки культуры протовенгров. Препринты докладов конференции «Этнокультурные связи населения Урала и Приволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа». Уфа, 1976, с. 52-53.
53. См. об этом: А.Х. Халиков. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. Сб. «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971, с. 29 и сл.
54. J. Hampel. Ujabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiről. Magyar Tudományos Akadémia, 1907. Tf. II.
55. А.А. Москаленко. Славяно–венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона. ПАДИУ. М., 1972, с. 192-194.
56. Б.И. и В.И. Ханенко. Древности Приднепровья, V, Киев, 1902, табл. XIX.
57. А.А. Москаленко. Указ. соч., с. 193.
58. J. Pasternak. Die ersten altungarischen Grabfunde nördlich der Karpaten. AN, XXI, 1937, S. 297-303.
59. Е.А. Халикова. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. ПАДИУ. М., 1972, с. 145 и сл.
60. Константин Багрянородный. Об управлении государством. ИГАИМК, 1934, вып. 91. с. 17-18.
61. А.П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956, с. 139. А.П. Ковалевский читает название этого народа как «саваз», но в Мешхедской рукописи написано «сван» (208, б II).
62. А.П. Ковалевский. Чуваши и болгары по данным Ахмеда Ибн – Фадлана. Чебоксары, 1954, с. 21.
63. Д.А. Хвольсон. Известия о Захарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, с. 22.
64. А.П. Ковалевский. Чуваши и болгары..., с. 38-39.
65. В.Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, 35, 1953, с. 238-240.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Открытие Больше–Тиганского могильника и его этнокультурная характеристика вызвали большой интерес как среди советских, так и венгерских ученых. Об этом свидетельствуют, в частности, выступления И. Фодора, А. Барта, И. Эрдели, В.Ф. Генинга и др. на IV Финно-угорском конгрессе в Будапеште в 1975 г. по поводу доклада Е.А. Халиковой, а также появившиеся позднее отдельные статьи и тезисы¹. Е.А. Халикова успела ответить на критические замечания некоторых из них, в частности, на замечания И. Фодора² и В.Ф. Генинга³. Ниже в качестве заключения и излагаются эти ответы.

Выступления И. Фодора и его публикации, в той или иной мере касающиеся проблемы Больше–Тиганского могильника⁴, показывают значительную близость его позиции к точке зрения Е.А. Халиковой: в общих чертах совпадают представления о зауральских западносибирских истоках культуры и этноса ранних венгров, о локализации «Magna Hungaria» между Уралом и Волгой и, наконец, о несомненной принадлежности Больше–Тиганского могильника одной из групп ранних венгров. Вместе тем в вопросе о судьбах древних венгров в VII–IX вв. точки зрения исследователей расходятся.

Е.А. Халикова считала, что основная масса древних венгров вплоть до первой половины IX в. продолжала обитать в Волго–Уральском регионе. Именно здесь сосредоточены памятники больше–тиганского типа, значительная часть которых прекращает существовать ближе к середине IX в. Видимо, именно в это время основная часть древних венгров покидает пределы региона и уходит на запад, сначала в Леведию, располагавшуюся, скорее всего, в Подонье, к северу и северо-западу от основных салтовских центров, а затем на юго-запад, в причерноморские степи, в Ателькузу.

Между тем И. Фодор считает, что предки венгров покинули пределы волго-уральской «Magna Hungaria» значительно раньше и находились в южнорусских степях, в Подонье и Приазовье, около 200 лет, откуда затем в конце IX в. ушли на Дунай. Отстаивая свою концепцию, И. Фодор утверждает, что «между материалом Б.–Тиганского могильника и древневенгерских

могильников имеются такие значительные различия, которые не позволяют рассматривать тиганцев как непосредственных предков народа Арпада, переселившегося в 895 г. в Карпатскую котловину»⁵.

Е.А. Халикова считала, что Больше–Тиганский могильник и могильники древних венгров на Дунае разделяет определенный хронологический период, но не столь значительный, как это предполагает И. Фодор, т.е. не 200–300 лет, а примерно 70–100 лет. Но и этого времени, охватывающего жизнь около трех поколений, было достаточно, чтобы в культуре древних венгров произошли существенные изменения. Этому способствовало перемещение на тысячи километров, новые соседи, этнические и культурные контакты с древней мордвой, аланами, болгарями и хазарами – носителями салтовской культуры, древними славянами и, наконец, народами Дунайского бассейна. В этих условиях удивителен не тот факт, что в материалах сравниваемых памятников наблюдаются известные различия, а тот факт, что этих различий меньше, чем сходства.

Не касаясь такого существенного факта, как почти полная идентичность погребального обряда, о чем было сказано выше, и что подчеркивает сам И. Фодор, остановимся на рассмотрении тех различий, на которые он обратил внимание.

И. Фодор отмечает отличие некоторых типов тиганских женских украшений от древневенгерских – в частности, накосников и листовидных подвесок к ожерельям. В Тиганах накосники представлены шумящими подвесками с ажурными щитками и прикрепленными к ним цепочками; в Венгрии – ажурными или пластинчатыми бляхами, к которым нередко подвешивались в качестве подвесок бусы. Эта разница едва ли является принципиальной. Важно, что сохраняется сам древний обычай – закрывать кончик косы металлической подвеской, игравшей, видимо, роль оберега. Что же касается изменения деталей оформления этой подвески, то они вполне понятны. Мода и в то время была изменчивой. Вспомним в связи с этим, какие изменения претерпела за одно столетие известная салтовская сережка. Если еще в начале X в. она представля-

ла собой изящное овальное колечко, к которому прикреплялся металлический стерженек с нанизанными на него металлическими шаровидными двусоставными бусами, то в XI в., судя по материалам Саркела–Белой-Вежи, к колечку нередко крепилась простая нитка с нанизанными на нее стеклянными бусинами.

Аналогичные изменения, очевидно, произошло с листовидными подвесками. Меняется техника их изготовления, оформление деталей, но так же, как и в Тиганах, подвески листовидной формы остаются у древних венгров на Дунае одним из наиболее любимых и характерных украшений.

Различные варианты тиганского женского костюма реконструированы по нескольким погребальным комплексам (см. рис. 7, 8, 20, 22, 30). Среди них есть комплексы, сохранившие некоторые архаичные черты, например, оформление пояса в погр. №7, но большинство комплексов (см. погр. №17 – рис. 20; погр. №19 – рис. 22 и др.) и по общему облику, и по оформлению деталей характеризуется значительной близостью к древневенгерскому женскому костюму.

И. Фодор справедливо отмечает большое сходство мужского костюма тиганцев с древневенгерским. Что же касается отсутствующих в Тиганах и столь характерных для венгров накладок и пластин на поясные кожаные сумки, то нам уже приходилось писать, что эта деталь появляется у древних венгров не ранее середины IX в., т.е. по существу после их ухода из «*Magna Hungaria*».

И. Фодор отмечает отсутствие на Дунае кушнареноквской керамики, столь характерной для Больших Тиган. Между тем последний факт легко объясним, если учесть время и обстановку, в которой происходило перемещение древневенгерских племен из волго-уральской «*Magna Hungaria*» на Средний Дунай, занявшее, по нашему мнению, не менее 5-6 десятилетий IX в. Их движение и попытки закрепиться на промежуточных территориях, в Леvedии и Ателькузу, проходили в непосредственной близости от салтовских центров.

Именно здесь, в районах сопредельных с салтовскими, венгры, очевидно, вплотную познакомились с гончарным производством и заимствовали многие формы салтовской круговой посуды. Не вызывает сомнения, что именно у праболгар–салтовцев ими были заимствованы котлы с внутренними ушками, ставшие затем

характерным элементом материальной культуры венгров на Дунае. Процесс перехода к гончарному ремесленному производству завершился у венгров на Дунае, где салтовские традиции в гончарном деле дополнились традициями местных славянских и позднеаварских мастеров. Те немногие, буквально единичные экземпляры лепных сосудов, которые известны в венгерских памятниках X в. на Дунае, имитируют формы заимствованной венграми круговой посуды.

Думается, что на этом основании никто не возьмется утверждать, что у предков дунайских венгров вообще не было своей традиционной лепной посуды. Она, разумеется, была. Но в процессе длительных передвижений, оседания на землю, развития ремесленного производства она, очевидно, была утрачена. Учитывая, что Больше–Тиганский могильник, содержащий целостный комплекс кушнареноквской и близкой ей караякуповской керамики, по всем основным чертам погребального обряда и инвентаря сближается с древневенгерскими памятниками на Дунае, следует полагать, что такой утраченной традиционной лепной посудой у ранних венгров была кушнареноквская и близкая ей караякуповская керамика.

В связи с этим хотелось бы остановиться еще на двух моментах, которые могут быть учтены будущими исследователями.

На ряде современных венгерских поселений X в. (см., например, Башхалом, раскопки Ю. Коваловски в 1962-1964 гг. и др.) в массе гончарной керамики обнаружены фрагменты тонкостенной лепной цилиндрической посуды с лощеной поверхностью и тонким резным орнаментом, т.е. близкой по облику кушнареноквской⁶. Вместе с тем эта керамика близка керамике эпохи бронзы и поэтому находки подобной посуды на средневековых поселениях рассматриваются венгерскими исследователями обычно как признак двуслойности памятника. Хотелось бы, чтобы в дальнейшем на эту керамику было обращено особое внимание. Не исключено, что среди этой керамики удастся выделить и средневековую венгерскую, т.е. кушнареноквскую.

Следует обратить внимание и на этнографические венгерские материалы. На изделиях из дерева, кожи, металла, ткани мог сохраниться очень специфический кушнареноквский орнамент, отличающийся многозонностью, строгой горизонтальностью, тонкостью и изяществом исполнения.

И. Фодор замечает, что значительные сасанидско-согдийские элементы, прослеживающиеся в прикладном искусстве венгров IX-Xвв., свидетельствуют о длительном пребывании ранних венгров в более южных районах, чем Приуралье и Прикамье⁷.

В связи с этим хотелось бы заметить, что своеобразный стиль древневенгерского искусства X в. складывался постепенно. Некоторые характерные его элементы зародились еще в тиганское время, т.е. в VIII - начале IX в., в частности, мотив реалистически исполненного трилистника, характерная бордюрная цепочка из чередующихся овальных и круглых звеньев и др. Другие элементы древневенгерского искусства, такие, например, как упомянутые украшения сумочек, своеобразная «пальметочная сетка» и т.п. могли появиться в Леведии или Ателькузе в середине или второй половине IX в., третьи оформились уже в Подунавье. Что же касается позднесогдийского и сасанидского влияния, то оно, скорее всего, имело место именно в период пребывания древних венгров в «Magna Hungaria», т.к. именно в этих районах, т.е. в Прикамье и Западном Приуралье, сосредоточена основная масса так называемого «закамского серебра», в абсолютном большинстве состоявшего из согдийских и сасанидских изделий. Показательно и то, что в могильниках тиганского типа много сасанидских и более поздних омейядских и аббасидских монет, что свидетельствует о постоянстве восточных связей приуральских венгров.

Ссылаясь на исследования венгерских археологов (А. Барта, И. Мери и др.), И. Фодор указывает, что система поселений и хозяйственная жизнь древних венгров (состав стада, процесс оседания на землю и проч.) очень близки аналогичным явлениям у населения салтовской культуры. Это, по его мнению, должно свидетельствовать о более длительном пребывании древних венгров в области Подонья, чем предполагаем мы. Между тем, отмеченная близость вполне объяснима и с точки зрения нашей гипотезы, допускающей пребывание древних венгров в Волго-Уральской «Magna Hungaria» вплоть до 30-40-х гг. IX в. и затем в течение 50-60 лет в Леведии и Ателькузу, т.е. в Подонье и причерноморских степях. Мы можем отметить, по крайней мере, три основных фактора, которые обусловили эту близость. Немаловажную роль сыграл географический фактор, ибо и «Magna Hungaria», располагавшаяся в Южном Прикамье, и территория

салтово-маяцкой культуры в Подонье занимают близкие в природном отношении зоны – лесостепи, переходящие на юге в степи. Близкий состав стада, сходный процесс оседания на землю и диктовались в первую очередь близостью природных условий, а также общностью социально-экономического уклада, характерного вообще для большинства кочевников той эпохи.

Археологические материалы с территории «Magna Hungaria» подтверждают нашу мысль. Кроме значительного числа кушнаренковских (древневенгерских) поселений с небольшими культурными слоями, игравших роль временных стоянок, может быть, зимников, в Икско-Бельском междуречье известны в настоящее время городища с кара-якуповской и кушнаренковской керамикой и достаточно мощными культурными напластованиями (до 60 см)⁸, в которых встречаются зерна злаков, жернова и другие материалы, свидетельствующие о начавшемся процессе оседания на землю отдельных групп древних венгров и их занятий земледелием. Этот процесс, очевидно, шел аналогично тому, как это происходило в областях салтовской культуры. Это, во-первых.

Во-вторых, следует учитывать и тот общеизвестный факт, что в середине VIII в. в Среднее Поволжье продвигаются болгаро-салтовские племена, оказавшиеся здесь непосредственными соседями древних венгров и вступившие с ними в тесные контакты.

Больше-Тиганский и Больше-Тарханский могильники второй половины VIII – начала IX в. дают достаточное свидетельство этих контактов⁹. В этот период хозяйственный, социальный и политический строй древних венгров приобретает дополнительные элементы, обусловившие его близость салтовскому. Еще более усилилась эта близость, когда основная масса древних венгров в 30-40 гг. IX века переместилась в Подонье, а затем в Причерноморские степи.

Венгерские исследователи правы, когда отмечают, что зачатки древневенгерской государственности зародились под сильным влиянием хазар. Об этом, в частности, свидетельствует двоевластие хазарского типа у венгров, о чем сообщают арабские и византийские авторы. Остается однако неясным утверждение И.Фодора, что аренной хазарского влияния на венгров «вряд ли могло быть Прикамье»¹⁰. «Magna Hungaria», западные границы которой во второй половине VIII – начале IX в. доходили до Средней Волги, и Хазарский

каганат, включивший Нижнее Поволжье, были соседями, поэтому и социально-политический, и государственный, и экономический строй каганата не могли не оказать влияние на соседей – венгров. Не исключено, что в период политического расцвета каганата гегемония хазар простиралась и на древневенгерские племена, обитавшие в Нижнем Прикамье. Не случайно и позднее, во второй половине IX – начале X в., эти земли Нижнего Прикамья, вошедшие после ухода венгров в состав раннебулгарского объединения на Средней Волге, продолжали оставаться в зависимости от хазар, о чем красноречиво сообщает Ибн Фадлан¹¹. Поэтому элементы двоевластия хазарского типа вполне могли зародиться у древних венгров еще на территории волго-уральской «Magna Hungaria». Более четкое оформление элементы государственности у древних венгров приобрели в Леведии и Ателькузу, о чем сообщает и Константин Багрянородный.

И. Фодор вслед за другими венгерскими исследователями (Д. Дьерфи, Ст. Валаш и др.) ссылается на сообщение монаха Георгия, видевшего венгров на Дунае в IX в., и полагает, что их приход на Дунай произошел значительно раньше, чем 895 г.¹². Мы полагаем, что приход венгров на Дунай не был единовременным актом, подобно тому, как это имело место и у дунайских болгар, проникавших на Дунай несколькими волнами.

Венгры Алмуша, Арпада наверняка шли из Леведии на запад путями, уже проторенными их предками. Подвижные конные дружины венгров, судя по памятникам больше-тиганского типа прекрасно вооруженные, по всей вероятности, принимали активное участие в политической жизни Восточной Европы IX века, о чем свидетельствуют и письменные источники. В качестве наемных отрядов и союзников хазар и болгар они могли участвовать и в отдельных походах на Дунай, тем более, что речь идет о 862 г., когда основная масса древних венгров могла уже находиться в Леведии или Ателькузу, т.е. к западу от Дона, так как дату их ухода из «Magna Hungaria» с точностью до десятилетия определить трудно. Ориентировочно, как уже упоминалось выше, мы относим эту дату к 30-40 гг. IX столетия.

Подводя итог вышесказанному, мы считаем, что нет достаточно веских оснований уводить ранних венгров с территории волго-уральской «Magna Hungaria» ранее первой половины IX века. Тем более, что основная масса памятников больше-тиганского типа, сосредоточенных

в Волго-Уральском регионе, прекращает существовать именно в это время. В областях же Подонья памятники VII–начала IX века, которые можно было бы увязать с предками древних венгров, в настоящее время не известны.

Несколько слов по поводу замечаний В.Ф. Генинга. В журнале «Советская археология» (№1, 1977 г.) опубликована информация В.Ф. Генинга «Проблема происхождения венгров», посвященная изложению докладов и выступлений на одном из заседаний археолого-антропологической секции IV Международного конгресса финно-угроведов в Будапеште, состоявшегося в сентябре 1975 г. При изложении содержания доклада Е.А. Халиковой и выступлений по нему В.Ф. Генинг допустил ряд неточностей и искажений.

Так, он указывает, что выдвинутый Е.А. Халиковой в докладе тезис о принадлежности вновь открытого Больше-Тиганского могильника древним венграм «основан на ряде совпадений в погребальном обряде и вещевом комплексе». Между тем в докладе были подробно рассмотрены и проиллюстрированы диапозитивами буквально все выявленные детали погребального обряда, весь комплекс которых находит параллели в древневенгерских могильниках. Эти параллели дополняются и такими этнически важными явлениями, как женский костюм и украшения, стилистические особенности и сюжеты изобразительного искусства и т.д. Все это, а не ряд отдельных совпадений, позволило Е.А. Халиковой сделать заключение о принадлежности Больше-Тиганского могильника одной из групп ранних венгров, обитавших в VIII–начале IX в. на левобережье Нижней Камы. Следует заметить, что сам по себе этот тезис, вопреки утверждению В.Ф. Генинга, не вызывал возражений и у венгерских коллег, выступивших по докладу Е.А. Халиковой. В связи с этим процитируем несколько мест из выступлений И. Фодора «К вопросу об этнической интерпретации Больше-Тиганского могильника».

И. Фодор считает, что изучение Больше-Тиганского могильника «без сомнения можно назвать дальнейшим шагом в изучении восточных корней древневенгерской культуры... Особого внимания в этом отношении заслуживают отмеченные Е.А. Халиковой параллели в погребальном обряде. Они подтверждают высказанное автором раскопок мнение об этническом родстве больше-тиганского населения с древневенгер-

ским». И. Фодор отметил также, что новые археологические данные, приведенные в докладе Е.А. Халиковой, «подтвердили свидетельства исторических источников о месте Великой Венгрии (*Magna Hungaria*)... Е.А. Халикова убедительно указала и на западносибирские истоки этногенеза древних венгров, подтвердив новыми данными верную гипотезу В.Н. Чернецова».

Следует заметить, что И. Фодор никогда не помещал прародину венгров, так же как и венгров Арпада, «в более южных районах ближе к среднеазиатским центрам», как утверждает В.Ф. Генинг. Наши расхождения с И. Фодором заключаются не в определении места положения «*Magna Hungaria*», которую и он, и мы помещаем в Волго-Уральском регионе, а в интерпретации исторических судеб древних венгров в VII–IX вв. (см. об этом выше).

А. Барта, который так же не отрицал большую близость культуры Больших Тиган культуре древних венгров «эпохи завоевания Родины», в своем выступлении пытался совместить новые материалы с уже сложившимися у него и опубликованными концепциями о локализации «*Magna Hungaria*» в северокавказских и причерноморских степях. Он полагает, что в то время, как основная масса древних венгров оттуда ушла на Дунай, отдельные группы, в том числе, может быть, и тиганцы, откочевали в Прикамье. Не отрицал принадлежности древним венграм Больше-Тиганского могильника и Чанад Балинт.

Единственным из выступавших на конгрессе, кто пытался отвергнуть все основные положения доклада Е.А. Халиковой, был В.Ф. Генинг. В своей информации о конгрессе на страницах журнала «Советская археология» он развил и дополнил свои возражения. Представляется необходимым ответить по существу его возражений.

Доклад Е.А. Халиковой был посвящен в основном анализу материала Больше-Тиганского могильника и их дунайско-венгерским параллелям. Кушнаренковские памятники Западного Приуралья упоминались лишь постольку, поскольку, Больше-Тиганский могильник входит в их круг, так как единственным типом лепной керамики, представленной в могильнике, является кушнаренковская керамика и близкая ей караякуповская. В кратком докладе не было необходимости и возможности говорить об истории исследования и интерпретации памятников кушнаренковского типа. Следует отметить, что мысль о принадлежности куш-

наренковских памятников угорским племенам отнюдь не нова. Этой точки зрения придерживаются С.М. Васюткин, В.А. Могильников, Г.И. Матвеева, Р.Г. Кузеев, Е.П. Казаков¹³ и др. Долгое время на этой же позиции находился и В.Ф. Генинг, который, в частности, рассматривая материалы Кушнаренковского селища и могильника и отмечая присутствие в них двух этнических компонентов – тюркского, представленного плоскодонной керамикой романовско-именьковского типа, и угорского, характеризуемого круглодонными сосудами с изящным орнаментом так называемого кушнаренковского типа, считал возможным связывать последний компонент с мадьярами¹⁴. Позднее без каких-либо достаточно веских оснований В.Ф. Генинг изменил свою точку зрения и стал считать кушнаренковцев самодийцами¹⁵. Материалы Больше-Тиганского могильника позволяют говорить о том, что В.Ф. Генинг в то время, очевидно, был ближе к истине.

В.Ф. Генинг указывал на то, что кушнаренковские материалы в поселениях и могильниках Южного Приуралья всегда выступают совместно с материалами других культур и что самостоятельного кушнаренковского населения как такового в начале IX в. уже не существовало, и оно представляло лишь часть «органически единого, слившегося населения». Это утверждение В.Ф. Генинга вызывает возражения. Помимо памятников, где кушнаренковские материалы выступают совместно с материалами других культур, в Волго-Уральском регионе известны десятки «чистых» кушнаренковских поселений (например, I Мелля-Тамакское, II Русско-Шуганское, Муслюмовское и др., как правило, со слабо насыщенными культурными слоями) и могильников¹⁶. Среди последних известны как ранние (VI–VIII вв.) – Такталачукский, Иманлейский, Манякский и др., так и поздние (вторая половина VIII – начала IX в.) – Больше-Тиганский, Хусаиновский, 1 и 2 Бекешевские и др. Эти памятники свидетельствуют о том, что кушнаренковцы – протовенгры, находясь в тесных этнокультурных контактах с другими племенами в Западном Приуралье, тем не менее, сохранили этническую и культурную самостоятельность.

Четкая характеристика ранневенгерских могильников на Дунае конца IX–X в., данная в работах Н. Феттиха, Д. Ласло, И. Диенаша, И. Фодора и др., так же как и имеющаяся сводная публикация по этому вопросу на русском языке

И. Эрдели¹⁷ позволили использовать их для сравнительного анализа с материалами Больше–Тиганского могильника.

Что же касается самого Больше–Тиганского могильника, то корреляционный анализ, на котором настаивает В.Ф. Генинг, при изучении его материалов едва ли необходим – все исследованные погребения этого памятника единообразны по характеру погребального обряда, инвентарю и керамике.

В.Ф. Генинг приводит характеристику кушнаренокского погребального обряда VI–VII вв.¹⁸, отмечая черты отличия от древневенгерского погребального обряда и не учитывая при этом того совершенно очевидного факта, что на протяжении столетий (VI–X вв.) погребальный обряд не оставался стабильным. Какие-то черты, зародившиеся в раннекушнаренокское время, в дальнейшем получили особенно широкое распространение, другие исчезли или видоизменились. Значение Больше–Тиганского могильника как раз и заключается в том, что, демонстрируя множество аналогий древневенгерским могильникам на Дунае, он вместе с тем имеет некоторые черты, не сохранившиеся на Дунае, но характерные для ранних кушнаренокских памятников на Урале. Рассмотрим с этой точки зрения те особенности, на которых акцентирует внимание В.Ф. Генинг.

Частичное захоронение коня (шкура с головой и конечностями), положенное в могилу или зарытое рядом, появляется уже в раннекушнаренокское время (см. Кушнаренокский могильник, поздние погребения Бирского могильника, где сосредоточены захоронения с кушнаренокскими сосудами, и др.) Этот обряд широко распространяется во второй половине VIII – начале IX в. в памятниках типа Больше–Тиганского могильника и сохраняется на Дунае, становясь одной из характерной черт древневенгерского погребального обряда.

Такая деталь погребального обряда ранних кушнаренокцев, как сосуд и кости животных в изголовье погребенных, является одной из характерных особенностей Больше–Тиганского могильника и сохраняется, вопреки мнению В.Ф. Генинга, во многих наиболее ранних могильниках венгров на Дунае (см. Кенезлё II, Орошхаза I, могильник близ Стреда и др.). В более поздних она исчезает (см. об этом выше).

Утверждение В.Ф. Генинга, что древневенгерский и больше–тиганский женский костюм

характерен для широкого круга прикамско–приуральского населения, весьма показательно и не противоречит нашей идее. Напротив, эта близость говорит об общности происхождения и тесных длительных контактах древних венгров с волго–камскими и приуральскими племенами, то есть лишней раз свидетельствует в пользу волго–уральской локализации «Magna Hungaria». Вместе с тем следует отметить, что в женском костюме тиганцев и дунайских венгров X века есть такие специфические детали, которые отличают их от других народов прикамско–приуральского региона и позволяют выделить их в особый древневенгерский тип. К числу таких деталей следует отнести обычай соединять височные подвески цепочкой, обрамлявшей лицо; широкое распространение в качестве налобных, шейных, нагрудных и поясных украшений подвесок листовидной (сердцевидной) формы. Кроме памятников больше–тиганского типа (Хусаиново, Бекешево, Чишма, Лагерево и др.) единственный экземпляр подобной подвески встречен в Неволинском могильнике на Сылве. Остальные памятники Верхнего и Среднего Прикамья, Чепцы и Поволжье, расположенные вне пределов «Magna Hungaria», этого специфического украшения не знают. В Дунайской Венгрии эта категория украшений, приобретшая некоторые новые, преимущественно орнаментальные, элементы, сохранились очень долго¹⁹.

Открытие и изучение Больше–Тиганского могильника имеет принципиальное значение для исследования и не только истории венгерского народа, но и ранней и средневековой истории народов степной и лесостепной полосы Евразии и особенно Волго–Уральского региона. Выделение ранневенгерского археологического комплекса, ставшее возможным благодаря открытию Больше–Тиганского могильника, дает возможность проследить его истоки, разобраться в сложной картине этнокультурных взаимоотношений в Западном Приуралье и Волго–Камье во второй половине I тысячелетия н.э., выявить взаимоотношения древних венгров с другими племенами этого региона, и, наконец, открывает возможность проследить участие древневенгерских компонентов в формировании ряда народов Восточной Европы, в первую очередь, средневековых башкир и волжских болгар.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. I. Fodor. Altungarn, Bulgarotürken und Ostslawen in Südrussland. Archäologische Beiträge. Acta Antiqua et Archaeologica, Tomus XX. Opuscula Byzantina, IV. Szeged, 1977. Здесь имеется специальный раздел: “Das problem des Gräberfelds von Bolschije Tigani”, где излагается мнение Е.А. Халиковой, Ч. Балинта, И. Фодора, И. Эрдели, А. Барта и др. по поводу могильника. В.Ф. Генинг, Проблема происхождения венгров. СА. 1977. №1; V.F. Gening. Magna Hungaria és a régészeti emlékmények (Megjegyzések E.A. Halikova elgondolásához). AE, 105, Budapest, 1978.

2. Е.А. Халикова. Еще раз к вопросу об этнической интерпретации Больше – Тиганского могильника...

3. Е.А. Халикова. Еще раз о проблеме происхождения венгров (в связи с дискуссией на IV Международном конгрессе финно-угроведов). СА, №4, 1978.

4. Кроме отмеченной выше работы см.: Fodor I., Verecke híres útján ... A magyar nép őstörténete és a honfoglalás. Gondolat, Budapest, 1975,

5. I. Fodor. Altungarn, Bulgarotürken ..., S. 39.

6. См Фонды Национального музея в Будапеште, № 64, 27. 2. В; 20. 3. В; 35.1. В.

7. I. Fodor. S. 37-38.

8. Г.И. Матвеева. Памятники караякуповского типа в Приуралье. Науч. тр. Куйбышевского пед. ин-та. Т. 160. Куйбышев, 1975, с. 14; Н.А.Мажитов, 1977, с. 66-67. Рис. II.

9. Этой проблеме был посвящен доклад Е. А. Халиковой и А.Х. Халикова в 1976 г. в г. Шумен (Болгария) на советско-болгарском симпозиуме. См: Е.А. Халикова: К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе. (Рукопись.)

10. I. Fodor, S. 40

11. А.П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

12. I. Fodor, S. 38

13. С.М. Васюткин. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры. СА, 1968. № 1, с.71; В. А. Могильников: К вопросу о связях Башкирии и населения Зауралья в конце I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. АЭБ, IV, 1971, с.155; Г. И. Матвеева. Памятники караякуповского типа., с. 22; Р.Г. Кузеев: Происхождение башкирского народа. М., 1974; Е.П. Казаков. Памятники кушнаренковского типа на территории Татарии. Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 год. Казань, 1973, с. 130.

14. В.Ф. Генинг, А.Х.Халиков, С. 144, 145; В.Ф. Генинг: Проблемы изучения железного века Урала. ВАУ, № 1, 1961, С. 144

15. В.Ф. Генинг. Южное Приуралье в III-VII вв. н. э. ПАДИУ. М., 1972, с. 272-274.

16. Е.П. Казаков. Там же, стр. 130; Г. И. Матвеева. Памятники караякуповского типа..., С.13; К.Б. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. АЭБ, II, 1964 С. 12; В. А. Иванов. Новые памятники кушнаренковского типа в низовьях реки Белой. – СА. 1974. № 1. С. 231-233.

17. И. Эрдели. Об археологической культуре древних венгров конца IX – первой половине X в. н.э. ПАДИУ, М., 1972. С. 128.

18. В.Ф. Генинг. Указ. соч., С. 268.

19. В статье, опубликованной в венгерском журнале AE. (См.примечание 1), В.Ф. Генинг практически повторил свою статью, опубликованную в журнале СА, поэтому замечания на нее соответствуют вышесказанным.

РАННИЕ ВЕНГРЫ НА КАМЕ И УРАЛЕ (Больше – Тиганский могильник)

РЕЗЮМЕ

Одним из важных вопросов раннесредневековой истории является вопрос о происхождении и ранних этапах истории венгерского народа. Дальнейшему изучению и в какой-то мере решению этого вопроса должна способствовать настоящая книга, посвященная публикации и научному анализу недавно открытого (1974 г. – прим. ред.) на Нижней Каме (в Татарской АССР) Больше – Тиганского могильника.

Первая часть книги, содержащая дневник раскопок могильника с описанием всех выявленных погребений и вещевого материала, написана А.Х. Халиковым. Вторая часть, посвященная проблемам этнокультурной интерпретации материалов Больше – Тиганского могильника, написана на основании статей Е.А. Халиковой. В приложении даны иллюстративные таблицы, включающие 34 номера, а также результаты антропологического (Р.М. Фаттахов) и остеологического (А.Г. Петренко) анализов. Основной текст книги сопровождается 35 рисунками.

В первом разделе первой части книги представлен дневник раскопок Больше–Тиганского могильника, выявленного в 1974 г. и исследованного авторами в 1974–1978 гг. Могильник был обнаружен при строительстве шоссейной дороги в 300 м к северу от с. Большие Тиганы Алексеевского района Татарской АССР. За три года исследований на площади в 1400 кв. м изучены остатки не менее 60 погребений и несколько поминальных комплексов. Дневник раскопок содержит все основные сведения об этих погребениях, включая основные размеры и ориентацию могильной ямы, положение погребенных и погребального инвентаря. Все эти сведения сопровождаются иллюстративными таблицами и рисунками.

Во втором разделе первой части, посвященном характеристике погребального обряда, отмечается, что Больше – Тиганский могильник представляет собой кладбище небольшой, но достаточно богатой патриархальной семьи. В 54 четко выявленных могилах обнаружено 61 захо-

ронение, в том числе 18 женских, 20 детских и подростковых, 23 мужских.

Могилы располагаются неровными рядами, вытянутыми с ЮЮЗ на ССВ. Центральное место среди них занимает кенотаф (могила №8), представляющий собой яму длиной до 3 м, в которой были найдены сабля, остатки колчана, богатый поясной набор, а в подбое под дном ямы - захоронение двух детей. В одном ряду с этим кенотафом располагались богатые мужские захоронения. Западнее их размещались женские и детские могилы.

Все могилы представляют собой простые ямы в основном с вертикальными стенками и плоским дном. В 5 случаях отмечены боковые заплечики. Все захоронения совершены по обряду ингумации. Погребенные уложены в могилах вытянуто на спине и ориентированы головой на запад. В могилах зафиксированы остатки гробовищ, берестяных и войлочных подстилок. В засыпи отмечены включения углей, а иногда и следы прокала.

Погребенные были похоронены в одежде и сопровождалась различными вещами: украшениями, орудиями труда и оружием. В 31 могиле найдены лепные глиняные сосуды, расположенные обычно у головы. В могиле №44 найден кувшинчик, изготовленный на гончарном круге. Обнаружены следы деревянных чаш, найдены костяные лопаточки – ложки. В 23 могилах найдены остатки мясной погребальной пищи в виде костей лошади (обычно крупная бедренная кость).

В 12 могилах найдены остатки частичных конских захоронений - черепа, кости ног и иногда хвостовых позвонков, положенные, очевидно, вместе со шкурой кучей преимущественно в ногах погребенного.

Специфической особенностью погребального ритуала могильника является применение лицевых покрытий. В 9 погребениях обнаружены наглазники – округлые серебряные пластинки с остатками ткани под ними.

В третьем разделе первой части книги описывается погребальный инвентарь могильника. В женских могилах встречены многочисленные украшения и детали костюма: остатки головных уборов, височные подвески, серьги, бусы и подвески от ожерелий, пуговицы, украшения на косничков, перстни, браслеты и накладки от поясных наборов, серебряные нашивки на рукава и обувь и т. п. В декоре ряда предметов, особенно накладок, преобладают изображения трилистника, нередко изображения крылатых коней, собак, грифонов.

Орудия труда немногочисленны. Это железные ножи иногда с остатками деревянных чехлов, шилья, иглы, кресала в виде пластин с загнутыми концами. Оружие, происходящее в основном из мужских могил, представлено девятью саблями, нередко с остатками ножен, украшенных серебряными накладками, одним топориком, более сотней плоских и трехлопастных железных наконечников стрел. К деталям конской узда относятся удила, стремяна, уздечные наборы и подпружные пряжки.

Погребальная посуда представлена остатками двух деревянных чаш, 33 лепными преимущественно круглодонными горшками и кувшинчиком палевого цвета, выполненным на гончарном круге.

В четвертом разделе первой части книги разбираются вопросы аналогий и датировки могильника. При этом устанавливается, что если часть материала могильника находит ближайшие аналогии в салтово-болгарских древностях, то другая часть имеет параллели в памятниках Прикамья и Башкирии VIII – IX вв.

Совокупность приведенных аналогий достаточно убедительно датирует инвентарь, а вместе с ней и сам могильник, второй половиной VIII–IX в. н. э. Найденные в могильнике монеты (одна позднеасанидская драхма 670 г. и семь арабских дирхемов, чеканенных в пределах 709–790-х годов) уточняют датировку могильника в пределах конца VIII – первой половины IX в. н.э. Об этом же свидетельствует более ранний облик Больше-Тиганского могильника по сравнению с Танкеевским, относящимся в основном к IX–X вв.

Вторая часть книги, посвященная этносу населения, оставившего Больше-Тиганский могильник, открывается утверждением, что открытие и исследование могильника позволяет более уверенно подойти к решению проблемы «Вели-

кой Венгрии», т.е. проблемы венгерской прародины.

В первом разделе этой части демонстрируется, что погребальный обряд и массовый материал могильника находят почти полные аналогии в собственно венгерских могильниках на Дунае, относящихся ко времени «завоевания Родины» (в настоящее время используется термин «обретение Родины» - ред.) и датирующихся концом IX – первой половиной X в. Это прослеживается в расположении и небольшом размере могильника, в простых формах могильных ям и западной ориентации погребенных, в сопровождении их погребальной пищей в сосудах и кусков мяса, в положении в могилу частичного коня, применении погребальных масок в виде наглазников и наротников, в размещении погребального инвентаря и т.п. Эти аналогии находятся в таких типичных ранневенгерских могильниках как Кенёзм I и II, Эперешке, Тизабездед, Сегед – Борхалом, Орошхаза I и II, Ракамау, Башхалом I, Стреда, Гадорошош и др.

Во втором разделе предпринимается попытка поисков аналогий материалам Больше-Тиганского могильника среди синхронных и более ранних древностей Прикамья и Башкирии и на этой основе устанавливается территория легендарной древней Венгрии. Отмечается, что в этой связи особое значение приобретает лепная керамика могильника, относящаяся в основном к кушнаренковскому типу. Памятники с такой керамикой в основном сосредоточены на территории Башкирии и прилегающих районах Татарии: Хусаиновский, Лагеревский, Старо-Халиловский, Каранавский, Муракаевский и др. преимущественно курганные могильники. В указанных памятниках отмечается значительная близость и в других деталях погребального инвентаря, а также погребального обряда. Картографирование всех рассмотренных памятников очерчивает большую территорию, включающую левобережье Нижней Камы, Южное Приуралье и отчасти восточные склоны Урала. Видимо, в пределах этой территории располагались кочевья древних венгров в VII - начале IX в. и находилась легендарная Великая Венгрия.

Исходя из того, что памятники с кушнаренковской керамикой начинают функционировать с рубежа VI-VII вв. высказывается предположение, что древневенгерские племена появились в Приуралье после событий 597-598 гг., когда в Западной Сибири и Южном Урале вспыхнуло

восстание угорских (протовенгерских) племен против тюркютов.

В связи с изучением всего материала предлагается следующая схема развития прото- и древневенгерской истории:

1. Истоки древневенгерской культуры уходят в саргатскую культуру Западной Сибири, датированную IX в. до н.э. – IV в. н.э.

2. В IV в. н.э. в условиях начавшейся эпохи Великого переселения народов предки древних венгров вошли в состав кочевников Западной Сибири и Южного Урала.

3. Во второй половине VI в. протовенгры, очевидно, находились в составе Западного Тюркского каганата, когда их культура испытала сильные тюркские, ирано-сасанидские и азиатско-согдийские влияния.

4. В VII - начале IX в. в Западном Приуралье венграми было образовано полукочевое государство, известное под именем «Великой Венгрии»,

от населения которого и сохранились могильники типа Больше-Тиганского.

5. Больше-Тиганский и близкие ему могильники прекратили свое функционирование в начале IX в., что, очевидно, связано с уходом большинства древневенгерских племен в это время на запад.

6. Движение на запад древних венгров зафиксировано такими памятниками, как Воробьевское погребение на Дону, Волошенское на Днепре, у с. Крилос в Прикарпатье и т. д.

В приложениях к книге даются результаты остеологического изучения комплексов коня из погребений Больше -Тиганского могильника, проведенного А.Г. Петренко, а также краниологическая характеристика антропологических материалов из могильника, выполненная Р.М. Фаттаховым.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Р.М. ФАТТАХОВ

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА ИЗ БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Полученный антропологический материал из Больше-Тиганского могильника оказался неудовлетворительным по состоянию. Особенно это касается детских скелетов, которые составляют треть всего материала. Хотя фрагменты, на которые распались черепа взрослых, довольно хорошо сохранились, невозможно было их использовать в работе из-за посмертной деформации склеившихся между собой черепов. После тщательной реставрации удалось подготовить к замеру семь мужских и три женских черепа.

Мужские черепа (погр. №№ 12, 14, 22, 23, 24, 37, 41), по сравнению с женскими (погр. №№ 20, 42, 47), сохранились немного лучше, однако провести их замеры было так же невозможно. Так, из могилы № 12 отсутствуют основная затылочная кость, скуловые кости и носовая кость. Здесь удалось выполнить ряд замеров лицевого скелета и черепной коробки. После реставрации оказалось возможным сделать почти все необходимые замеры черепов из погр. №№ 14, 37, 41. В основном также удалось реставрировать черепа из погр. № 22 и № 23. Хотя оба черепа были частично деформированы, оказалось возможным, исключая деформацию, выполнить необходимые замеры.

Интересным является череп из погребения № 24. Правая часть его лица была отсечена еще при жизни при помощи колюще-режущего оружия, отсутствует часть лобной кости и правая скуловая кость. На правой стороне после удара осталась краниометрическая точка нижней челюсти. Нарост венечной кости частично отсечен. При реконструкции удара складывается впечатление, что удар был совершен человеком, который стоял на той же высоте, что и жертва. Голова была рассечена одним ударом, сделанным с правой стороны, что доказывает усеченный правый сосцевидный отросток.

На правой и левой теменной кости вдоль стреловидного шва имеются четыре продольных рубца, которые, возможно, возникли при расщеплении ножом кожи головы. На лобной кости, примерно там, где соединяются венечная кость и стреловидные швы, а также на левой черепной кости, примерно в середине, находятся восемь сантиметровых отверстий, которые были нанесены крупным инструментом с притупленным концом, возможно, зубилом. Внутренняя часть костяной пластины была расколота. На этом черепе удалось выполнить много необходимых замеров. Часть результатов замеров была установлена по принципу, показанному в таблице I.

Женские черепа сохранились немного хуже, чем мужские. На черепе из погребения № 20 были выполнены, исключая деформации, необходимые замеры черепной коробки и лицевого скелета. Немного больше информации дал череп из погребения № 42. В этой серии лучше всего сохранился череп из погребения № 47.

В мужской группе представлены размеры диаметров продольного сечения и длина основных затылочных костей во всех категориях замеров (табл. I)¹. Ширина – диаметры поперечного сечения, ширина основных затылочных костей и подзатылка характеризуются средними и большими значениями. Высота черепа – большая. Вследствие повышенной вариативности продольных размеров черепной коробки, варьируются и индексы предельных продольных сечений и предельных поперечных сечений во всех категориях. Лоб – среднеширокий или широкий и прямой. Средний угол поперечного изгиба лба характеризуется признаками, которые встречаются у смешанных европеоидно-монголоидных групп². Надбровные дуги и переносицы выражены в незначительной степени. Затылочный бугорок выступает не сильно. Сосцевидные отростки выражены значительно. Лицо – широкое, сред-

ней высоты. По общему лицевому углу мужская серия относится к ортогнатам. Горизонтальная плоскость лица – средняя, а уровень назиона (переносица) – слабо очерчена (исключение составляет один череп). Уровень назомаллярной точки – средне или сильно очерчен. Клыковая ямка имеет среднюю глубину. Ширина глазниц – средняя или большая, высота варьируется от маленьких до больших величин, что обусловлено повышенной вариативностью глазничных индексов. Для ширины носа в носовых индексах характерны все категории размера, высота носа – средняя или маленькая. Нижний край грушевидных отверстий у двух черепов – сглаженный, у пяти черепов – острый. Переносица – среднеширокая, высокая. Угол носового выступа, установленный у трех черепов, – большой.

Нижняя челюсть – средней длины, широкая, с покатыми краниометрическими точками, широким корпусом и выступающим подбородком.

Вариативность мужских черепов подчиняется в большей степени размерам черепной коробки и в меньшей степени – лицевого скелета и нижней челюсти.

В целом вариативность невелика. Среднестатистическая величина коэффициента среднего квадратичного отклонения равна 4,25, средний размер коэффициента вариации составляет 7,41* (табл. I). Подобные коэффициенты, которые были вычислены по данным В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца¹, соответственно равны 4,33 и 7,33.

В женской группе продольный диаметр черепной коробки варьируется от маленького до большого. Согласно поперечным и продольным индексам черепа относятся к мезокранным и брахикранным. Предельные продольные и поперечные индексы варьируются в пределах больших показателей. Длина основной затылочной кости черепа – большая. Лоб – прямой, абсолютно и относительно высокий. Согласно углу поперечного изгиба лба для женских черепов в общем характерны признаки, которые встречаются у европеоидных групп. Переносицы, надбровные дуги и сосцевидные отростки – слабо выражены. Внешний затылочный бугорок не выступает, лицо – среднеширокое, по общему углу лицо – ортогнатное. В горизонтальной плоскости лицо слабо или сильно очерчено. Глубина клыковой ямки варьируется от маленькой до большой. Глазницы – низкие, среднеширокие, нос – средней ширины, низкий. Переносица – довольно

высокая. Угол носового выступа, установленный на одном черепе – большой.

Нижняя челюсть – не длинная, широкая, с покатой краниометрической точкой, со среднешироким и средневысоким корпусом (табл. II).

В мужской и женской группах наблюдается сходство в варьировании последовательностей признаков: ярко выражено варьирование продольных диаметров и менее – варьирование диаметров ширины и высоты. В обеих группах есть тенденция к плотному, приплюснутому, горизонтально очерченному лицу, низко расположенным глазницам и к повышенному положению переносицы.

Согласно среднестатистическим данным для серии из Больше-Тиганского могильника характерны черепа средней продолговатости, довольно широкие, высокие, брахикранные – для мужских, и мезокранные – для женских. Лоб – прямой, широкий. Переносица и надбровные дуги выражены у мужчин – сильно, у женщин – слабо. Сосцевидный отросток выражен у первых – значительно, у вторых – слабо.

В мужской группе лицо – низкое и широкое, в женской – средней широты. По общему лицевому углу они ортогнатны. В горизонтальной плоскости лицо средне очерчено. Глазницы – низкие и широкие у мужчин, и среднеширокие у женщин. Нос – среднеширокий, низкий. Преимущественно черепа – с острым нижним краем грушевидных отверстий. Переносица – среднеширокая, высокая. Носовой выступ – сильно выраженный. Нижняя челюсть – не длинная, широкая, со среднепокатыми краниометрическими точками. У мужчин ширина и высота корпуса – больше, угол выступа подбородка – меньше. В женской группе значения ширины, длины корпуса и угол выступа подбородка – средние.

Попытка определить место больше-тиганской серии в системе расовых групп их современников наталкивается на сложности. Значения диаметров поперечной и скуловой кости находятся в границах варьирования этих показателей среди монголоидных групп⁴. Но в то же время показатели: высота лба, глазниц, переносицы, выступ носовой кости – характерны обычно для европеоидов⁵. По степени очерченности лица в горизонтальной плоскости исследуемая серия занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными группами⁶.

Антропологический состав населения Прикамья в конце I тысячелетия н.э. известен бла-

* При подсчетах учитывались признаки, которые содержали не менее четырех наблюдений.

годаря материалам из пяти могильников. Когда М.С. Акимова изучала антропологические материалы могильников Танкеевского⁷, Мыдлань-Шай⁸, Поломского⁹, Деменковского¹⁰, она пришла к заключению, что серии этих могильников можно разделить на две антропологические группы¹¹. Для погребенных в могильнике Мыдлань-Шай характерны средние размеры лицевого скелета и черепной коробки, средняя очерченность горизонтальной плоскости лица, довольно высокая переносица и умеренный выступ носовой кости¹². Население, которое здесь погребено, вероятно, произошло от предшествовавшего населения¹³.

Поломская и деменковская серии отличаются от танкеевской и мыдланьшайской серий широкой черепной коробкой, широким, более плоским лицом и сильно выступающим носом. По мнению М.С. Акимовой, эти серии представляют другой антропологический тип¹⁴. Различие между типами, возможно, обусловлено влиянием других групп на население, оставившее Поломский и Деменковский могильники.

На удмуртской территории в Варнинском могильнике были найдены новые антропологические материалы, датируемые VIII-IX вв.¹⁵. Исследованная автором варнинская серия обнаруживает большей частью такие признаки, которые имеют сходство с сериями из Танкеевского могильника и могильника Мыдлань-Шай.

Сравнение больше-тиганской серии с вышеупомянутыми показывает, что по комбинации признаков: довольно широкая черепная коробка, широкое, немного приплюснутое лицо и выступающий нос – обнаруживается сходство больше-тиганской серии с сериями из Поломского и Деменковского могильников (табл. II). Аналогичные результаты дало противопоставление серий по методу Л. Пенроуза в модификации А.Г. Козин-

цева¹⁶ (табл. III). Индексы суммарных различий, вычисленные у всех серий (табл. IV), указывают на то, что среди серий по комплексу признаков не наблюдается очевидных отклонений. На дендрограмме (табл. V) все серии соединяются последовательно, не образуя собственных классов или связей. И хотя деменковские, полемские и больше-тиганские серии отличаются от других серий Прикамья шириной черепной коробки, шириной и приплюснутостью лицевого скелета, выступом носовой кости, можно наблюдать не резкое, а постепенное нарастание различий. Меньше всего от других отличается деменковская серия, за ней следует полемская, наибольшие различия среди серий Прикамья демонстрирует больше-тиганская серия.

При сравнении больше-тиганских черепов с черепами из Больше-Тарханского¹⁷ и Кайбельского¹⁸ могильников, которые остались от (булгарского) населения, проникшего в волжский регион, выявляются сходство между ними (табл. VI). Подобное сходство, но в меньшей мере, можно наблюдать между больше-тиганской серией и сериями, находящимися на территории Венгрии¹⁹, а также сборной серией кочевников из региона Башкирии²⁰. Значительные различия можно наблюдать между больше-тиганской серией и сериями из могильников Зливки²¹ и «Малый Курган» в Саркеле²².

Согласно археологическим данным в первой половине I тысячелетия н.э. в Прикамско-Приуральский регион много раз проникали новые группы населения. Погребенные в Деменковском и Поломском могильниках испытывали влияние со стороны новоприбывших. Население из Больше-Тиганского могильника или подверглось сильному влиянию, или само являлось новоприбывшей группой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Переменные категории были взяты из книги: В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебец. Краниометрия, М. 1964.

2. И.И. Гохман. Угол поперечного изгиба и его значение для расовой диагностики. Вопросы антропологии. 1961. Вып. 8.

3. В.П. Алексеев, Г.Ф. Дебец. Краниометрия М., 1964.

4. Г.Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. Труды института этнографии АН СССР, новая серия, том 17, М., 1951.

5. В.П. Алексеев. Происхождение народов Кавказа. Краниологические исследования. М., 1974.
6. О. Исмагулов. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата, 1970.
7. М.С. Акимова. Антропологические материалы из Танкеевского могильника. Вопросы антропологии. 1973. Вып. 45.
8. М.С. Акимова. Антропологические материалы из могильника Мыдлань-Шай. ВАНУ т. 3, 1962.
9. М.С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
10. М.С. Акимова. Там же.
11. М.С. Акимова. Там же.
12. М.С. Акимова. Антропологические материалы из Танкеевского могильника...
13. М.С. Акимова. Там же.
14. М.С. Акимова. Там же.
15. В.А. Семенов. Удмуртская экспедиция. АО 1970. М., 1971. С. 168.
16. А.Г. Козинцев. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов. В кн.: Расогенетические процессы в этнической истории. М. 1977.
17. М.С. Акимова. Материалы к антропологии ранних болгар. В кн.: В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М., 1964.
18. М.М. Герасимова. Скелеты древних болгар из раскопок у села Кайбелы. В кн.: Антропологический сборник, I. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. 33. М., 1956.
19. М.С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья.
20. М.С. Акимова. Там же.
21. К.Н. Наджимов. О черепах Зливкинского могильника. Краткие сообщения Института этнографии 24. 1953.
22. Л.Г. Вуич. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела - Белой Вежи. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 3, МИА, № 109, 1963.

Таблица I.

Индивидуальные измерения, средние данные и показатели изменчивости черепов из могильника Большие Тиганы

Признак по Маргину	Мужские черепа										V
	Погр. 12	Погр. 14	Погр. 22	Погр. 23	Погр. 24	Погр. 37	Погр. 41	X	N	S	
	50-60 лет	20-25 лет	50-60 лет	40-60 лет	25-35 лет	40-50 лет	30-40 лет				
1. Продольный диаметр	180	173	187	178	173	196	184	181,6	7	8,2	4,5
8. Поперечный диаметр	144	150	143	153	140	143	146	145,6	7	4,5	3,1
17. Высотный диаметр (от базисона)	-	149	-	-	-	150	116	158,3	3	19,3	14,1
20. Высотный диаметр (от пориона)	120	120	119	128	118	128	112	120,7	7	5,7	4,7
8:1. Черепной указатель	80,0	86,7	76,5	86,0	80,9	73,0	79,4	80,4	7	4,9	6,1
17:1. Выотно-продольный указатель (от базисона)	-	86,1	-	-	-	76,5	63,0	75,2	3	11,6	15,5
17:8. Выотно-поперечный указатель (от базисона)	-	99,3	-	-	-	104,9	79,5	94,6	3	13,3	14,1
20:1. Выотно-продольный указатель (от пориона)	66,7	69,4	63,6	71,9	68,2	65,3	60,9	66,6	7	3,7	5,5
20:8. Выотно-поперечный указатель (от пориона)	83,3	80,0	83,2	83,7	84,2	89,5	76,7	82,9	7	3,9	4,8
5. Длина основания черепа	-	109	-	-	-	111	95	105,0	3	8,7	8,3
9. Наименьшая ширина лба	100	103	93	107	102	104	95	100,6	7	4,99	4,9
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,4	68,7	65,7	69,9	72,9	69,3	65,1	68,7	7	2,7	3,9
9:45. Лобно-скуловой указатель	-	74,1	65,5	78,1	75,0	74,3	65,5	72,1	6	5,3	7,4
10. Наибольшая ширина лба	108	-	121	127	-	126	-	120,5	4	8,7	7,3
Угол поперечного изгиба лба	134,8	145,6	139,8	129,8	-	132,1	142,9	137,5	6	6,3	4,6
32. Угол лба от назисона (па-me)	-	86	85	-	-	92	81	86,0	4	4,6	5,3
Угол лба от глабеллы (gl-me)	-	79	75	-	-	86	71	77,8	4	6,4	8,2
Надпереносье (1-6)	2	2	3	2	2	4	2	2,43	7	-	-
Надбровные дуги (1-3)	1	1	2	2	2	3	2	1,86	7	-	-
11. Ширина основания черепа	128	135	132	138	110	129	133	129,3	7	9,2	7,1
12. Ширина затылка	113	109	115	118	116	119	115	115,0	7	3,3	2,9

Признак по Мартину	Мужские черепа										
	Погр. 12	Погр. 14	Погр. 22	Погр. 23	Погр. 24	Погр. 37	Погр. 41	X	N	S	V
	50-60 лет	20-25 лет	50-60 лет	40-60 лет	25-35 лет	40-50 лет	30-40 лет				
33 (1). Угол верхней части затылка	-	77	-	-	-	82	80	79,7	3	2,5	3,1
33 (2). Угол нижней части затылка	-	45	-	-	-	34	13	30,7	3	16,3	5,3
33 (4). Угол перегиба затылка	-	122	-	-	-	116	93	110,3	3	15,3	13,8
Наружный затылочный бугор (0-5)	3	1	2	0	2	2	4	2,0	7	-	-
Сосцевидный отросток (1-3)	3	1	2	2	3	3	3	2,43	7	-	-
40. Длина основания лица	-	100	-	-	-	106	98	101,3	3	4,2	4,1
40:5. Указатель выступания лица	-	91,7	-	-	-	95,5	103,2	96,8	3	5,9	6,1
43. Верхняя ширина лица	109	108	111	114	-	115	109	111,0	6	2,9	2,6
45. Скуловой диаметр	-	139	142	137	-	140	145	139,8	6	3,3	2,3
45:8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	-	92,7	99,3	89,5	-	97,1	99,3	96,0	6	4,0	4,2
46. Средняя ширина лица	93	99	105	97	-	101	103	99,7	6	4,3	4,3
47. Полная высота лица	119	109	112	-	111	111	122	114,0	6	5,2	4,6
48. Верхняя высота лица	72	67	70	70	64	68	72	69,0	7	2,9	4,2
48:45. Верхний лицевой указатель	-	48,2	49,3	51,1	47,1	48,6	49,7	49,0	6	1,4	2,8
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	-	45,0	-	-	-	45,3	62,1	50,8	3	9,8	19,2
72. Общий лицевой угол	-	85	87	-	-	87	89	87	4	1,6	1,9
74. Угол альвеолярной части лица	-	79	74	-	-	76	77	76,5	4	2,1	2,7
77. Назо-малярный угол	145	146	144	133	146*	143	146	143,3	7	4,7	3,3
ZM. Зиго-максиллярный угол	-	133	134	129	131*	129	135	131,8	6	2,6	1,9
FC. Глубина клыковой ямки	32	п2,2	5	5,5	7	5,6	6,2	5,0	7	1,7	33,8
52. Высота орбиты (лев)	-	33	п31	35	30	30	35	32,3	6	2,3	7,2
51. Ширина орбиты от mf (лев)	-	41	43	45	42	43	44	43,0	6	1,4	3,3
51a. Ширина орбиты от d (лев)	-	-	-	-	40	41	40	40,3	3	0,6	1,4
52:51. Орбитный указатель от mf (лев)	-	80,5	72,1	77,8	71,4	69,8	79,6	75,2	6	4,6	6,2
52:51a. Орбитный указатель от d (лев)	-	-	-	-	75,0	73,1	87,5	78,5	3	7,8	10,0

Признак по Мартину	Мужские черепа										
	Погр. 12	Погр. 14	Погр. 22	Погр. 23	Погр. 24	Погр. 37	Погр. 41	X	N	S	V
50-60 лет	50-60 лет	20-25 лет	50-60 лет	40-60 лет	25-35 лет	40-50 лет	30-40 лет				
54. Ширина носа	26	23	26	25	-	27	28	25,8	6	1,7	6,7
55. Высота носа	49	52	51	51	46	52	53	50,6	7	2,4	4,7
54:55. Носовой указатель	51,3	44,2	51,0	49,0	-	51,9	52,8	50,0	6	3,1	6,3
Нижний край грушевидного отверстия	Инф.	Антр.	Антр.	Антр.	Инф.	Антр.	Антр.	71%	7	-	-
Передне-носовая кость (1-5)	-	-	-	2	1	4	-	2,3	3	-	-
DC. Дакриальная ширина	-	-	-	-	24,9	-	-	24,9	1	-	-
DS. Дакриальная высота	-	-	-	-	13,6	-	-	13,6	1	-	-
DS:DC. Дакриальный указатель	-	-	-	-	54,97	-	-	54,97	1	-	-
MC. Максиллофронтальная ширина	-	17,9	-	22,3	20,7	21,8	18,4	20,2	5	1,99	9,9
MS. Максиллофронтальная высота	-	7,4	-	8,7	6,9	6,7	6,9	7,3	5	3,4	45,9
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	-	41,3	-	36,36	33,33	30,73	37,5	35,84	5	4,0	11,3
SC. Симотическая ширина	-	7,0	-	10,7	9,0	8,2	7,4	8,46	5	1,5	17,4
SS. Симотическая высота	-	4,9	-	6,6	5,6	4,8	3,8	5,14	5	1,04	20,2
SS:SC. Симотический указатель	-	70,00	-	61,68	62,22	58,54	51,35	60,75	5	6,7	11,1
75. Угол наклона носовых костей	-	50	-	-	-	57	59	55,3	3	4,7	8,5
75 (1). Угол выступания носа	-	35	-	-	-	30	30	31,7	3	2,9	9,1
68 (1). Длина нижней челюсти от мышечков	109	95	109	106	100	105	112	104,4	7	60,1	4,7
68. Длина нижней челюсти от углов	85	83	87	76	78	79	79	81,0	7	4,0	4,0
70. Высота ветви нижней челюсти от углов	54	69	58	61	56	58	61	59,6	7	4,9	8,2
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	36	35	29	31	34	37	33	33,6	7	2,8	8,4
65. Мыщелковая ширина	122	126	123	-	123	124	130	124,7	6	2,9	2,4
66. Угловая ширина	106	98	107	109	114	98	116	106,9	7	7,0	6,6
69 (1). Высота тела	30	27	30	-	28	п30	33	29,7	6	2,1	7,0
69 (3). Толщина тела	14	13	14	10	14	п14	11	12,9	7	1,7	13,1
79. Угол ветви нижней челюсти	134	117	122	134	122	127	129	126,4	7	6,5	5,1
C. Угол подбородка	69	67	57	-	60	71	66	65,0	6	5,4	8,3

* Размеры и углы установлены по принципу симметрии.

Таблица I (продолжение).

Признак по Марлину	Женские черепа				
	Погр.20	Погр. 42	Погр. 47		X
	20-25 лет	35-45 лет	30-40 лет		
1. Продольный диаметр	175	176	169	173,3	3
8. Поперечный диаметр	139	136	136	137,0	3
17. Высотный диаметр (от базиона)	-	135	132	133,5	2
20. Высотный диаметр (от пориона)	117	118	113	116	3
8:1. Черешной указатель	79,4	77,3	80,5	79,1	3
17:1. Высотно-продольный указатель (от базиона)	-	76,7	78,1	77,4	2
17:8. Высотно-поперечный указатель (от базиона)	-	97,8	97,1	97,5	2
20:1. Высотно-продольный указатель (от пориона)	66,9	67,0	66,9	66,9	3
20:8. Высотно-поперечный указатель (от пориона)	84,2	86,8	83,1	84,7	3
5. Длина основания черепа	-	101	100	100,5	2
9. Наименьшая ширина лба	95	97	95	95,7	3
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,4	71,9	72,0	70,8	3
9:45. Лобно-скуловой указатель	-	72,2	76,6	74,4	2
10. Наибольшая ширина лба	116	122	120	119,3	3
Угол поперечного изгиба лба	134,2	136,2	134,2	134,9	3
32. Угол лба от назиона	89	92	90	90,3	3
Угол лба от глабеллы	81	87	84	84,0	3
Надпереносье (1-6)	1	1	1	1,0	3
Надбровные дуги (1-3)	1	1	1	1,0	3
11. Ширина основания черепа	123	117	117	119,0	3
12. Ширина затылка	103	108	108	106,3	3
33 (1). Угол верхней части затылка	-	86	83	84,5	2
33(2). Угол нижней части затылка	-	35	42	38,5	2
33(4). Угол перегиба затылка	-	121	125	123,0	2
Наружный затылочный бутор (0-5)	2	1	1	1,3	3
Сосцевидный отросток (1-3)	1	1	1	1,0	3
40. Длина основания лица	-	-	97	97,0	1
40:5. Указатель выступания лица	-	-	97,0	97,0	1
43. Верхняя ширина лица	103	102	101	102,0	3
45. Скуловой диаметр	-	124	124	124,0	2
45:8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	-	91,2	91,2	91,2	2
46. Средняя ширина лица	94	86	91	90,3	3
47. Полная высота лица	103	103	100	102,0	3
48. Верхняя высота лица	66	63	59	62,7	3
48:45. Верхний лицевой указатель	-	50,8	47,6	49,2	2
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	-	46,7	44,7	45,7	2

Признак по Мартину	Женские черепа				
	Погр.20	Погр. 42	Погр. 47	X	N
	20-25 лет	35-45 лет	30-40 лет		
72. Общий лицевой угол	85	-	84	84,5	2
74. Угол альвеолярной части лица	-	-	57	57,0	1
77. Назо-малярный угол	138	143	145	142,0	3
ZM. Зиго-максиллярный угол	123	-	141	132,0	2
FC. Глубина клыковой ямки	п3,7	1,8	5,8	3,8	3
52. Высота орбиты (лев)	32	29	29	30,0	3
51. Ширина орбиты от mf. (лев)	п40	40	40	40,0	3
51a. Ширина орбиты от d (лев)	-	-	37	37,0	1
52:51. Орбитный указатель от mf. (лев)	80,0	72,5	72,5	75,0	3
52:51a. Орбитный указатель от d (лев)	-	-	78,4	78,4	1
54. Ширина носа	22	24	26	24,0	3
55. Высота носа	46	45	45	45,3	3
54:55. Носовой указатель	47,8	53,3	56,5	52,5	3
Нижний край грушевидного отверстия	Антр.	-	Антр.	Антр.	2
Передне-носовая кость (1-5)	4	-	4	4,0	2
DC. Дакриальная ширина	-	-	-	-	-
DS. Дакриальная высота	-	-	-	-	-
DS:DC. Дакриальный указатель	-	-	-	-	-
MC. Максиллофронтальная ширина	-	-	21,2	21,2	1
MS. Максиллофронтальная высота	-	-	6,8	6,8	1
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	-	-	32,1	32,1	1
SC. Симотическая ширина	-	10,4	8,0	9,2	2
SS. Симотическая высота	-	5,2	3,5	4,4	2
SS:SC. Симотический указатель	-	50,0	43,75	46,88	2
75. Угол наклона носовых костей	-	67	54	60,5	2
75 (1). Угол выступания носа	-	-	30	30,0	1
68(1). Длина нижней челюсти от мышцелков	97	93	98	96,0	3
68. Длина нижней челюсти от углов	80	72	73	75,0	3
70. Высота ветви нижней челюсти от углов	50	57	57	52,7	3
71a. Наименьшая ширина ветви нижней челюсти	35	31	33	33,0	3
65. Мыщелковая ширина	116	121	115	117,3	3
66. Угловая ширина	91	89	103	94,3	3
69(1). Высота тела	26	26	25	25,7	3
69(3). Толщина тела	11	13	10	11,3	3
79. Угол ветви нижней челюсти	129	123	132	128,0	3
C. Угол подбородка	77	-	65	71,0	2

* Размеры и углы установлены по принципу симметрии.

Таблица II А.

Сравнение мужских серий из Прикамских могильников второй половины I тыс. н.э.

Признаки по Мартину	Могильники							
	Большие Тиганы VIII-IX вв. (Фатгахов)	Поломский VI-IX вв. (Акимова)	Деменковский VI-VII вв. (Акимова)	Танкеевский IX-XI вв. (Акимова)	Варнинский VIII-IX вв. (Фатгахов)	Мьдпань-шай VIII-IX вв. (Акимова)		
1. Продольный диаметр	181,6 (7)	184,0 (11)	184,6 (7)	178,4 (30)	184,9 (8)	188,6 (19)		
8. Поперечный диаметр	145,6 (7)	142,1 (11)	142,7 (7)	140,6 (31)	139,7 (7)	140,3 (18)		
17. Высотный диаметр (от базиса)	138,3 (3)	139,0 (8)	131,5 (6)	133,6 (20)	132,8 (4)	136,7 (10)		
8:1. Черепной указатель	80,4 (7)	77,3 (9)	77,1 (7)	78,8 (29)	75,7 (7)	74,2 (17)		
9. Наименьшая ширина лба	100,6 (7)	97,0 (8)	95,8 (8)	95,2 (38)	98,1 (10)	97,2 (24)		
32. Угол профиля угла от назисона	86,0 (4)	84,6 (7)	81,3 (7)	82,9 (25)	82,3 (3)	82,0 (18)		
45. Скуловой диаметр	139,8 (6)	136,6 (8)	135,1 (8)	132,2 (21)	137,6 (5)	131,2 (19)		
48. Верхняя высота лица	69,0 (7)	70,1 (9)	68,9 (8)	70,3 (27)	71,9 (7)	71,8 (22)		
48:45. Верхний лицевой указатель	49,0 (6)	51,5 (9)	51,2 (7)	52,7 (19)	50,9 (5)	54,5 (18)		
72. Общий лицевой угол	87,0 (4)	-	87,5 (6)	85,1 (20)	87,0 (2)	87,7 (13)		
77. Назо-малярный угол	143,3 (7)	139,9 (9)	142,4 (8)	141,1 (29)	130,4 (4)	138,2 (24)		
ZM. Зиго-максиллярный угол	131,8 (6)	131,1 (8)	131,1 (8)	129,6 (21)	127,3 (5)	127,0 (18)		
52. Высота орбиты	32,3 (6)	32,5 (9)	32,4 (8)	32,8 (30)	32,5 (6)	32,4 (24)		
52:51a. Орбитный дакриальный указатель	78,5 (3)	-	80,7 (7)	82,0 (28)	80,9 (4)	81,9 (18)		
54. Ширина носа	25,8 (6)	-	26,7 (8)	24,7 (28)	24,6 (8)	26,5 (23)		
54:55. Носовой указатель	50,6 (7)	-	48,3 (7)	47,4 (28)	50,0 (7)	50,9 (22)		
DS. Дакриальная высота	13,6 (1)	12,1 (9)	10,9 (6)	12,1 (24)	11,3 (3)	12,86 (13)		
DS:DC. Дакриальный указатель	54,9 (1)	54,5 (9)	52,0 (7)	57,9 (24)	49,16 (3)	59,7 (13)		
SC. Симотическая высота	5,14 (5)	4,0 (9)	4,5 (7)	3,61 (28)	4,2 (5)	4,55 (15)		
SS:SC. Симотический указатель	60,75 (5)	43,1 (9)	53,3 (6)	45,9 (28)	42,7 (5)	48,6 (15)		
75(1). Угол выступания носа	31,7 (3)	30,1 (8)	28,5 (4)	27,6 (21)	26,0 (2)	27,9 (13)		

Таблица II Б.

Сравнение женских серий из Прикамских могильников второй половины I тыс. н.э.

Признаки по Мартину	Могильники							
	Большие Тиганы VIII-IX вв. (Фаттахов)	Поломский VI-IX вв. (Акимова)	Деменковский VI-VII вв. (Акимова)	Танкеевский IX-XI вв. (Акимова)	Варнинский VIII-IX вв. (Фаттахов)	Мыдлань-шай VIII-IX вв. (Акимова)		
1. Продольный диаметр	173,3 (3)	174,5 (10)	177,5 (4)	171,6 (24)	176,3 (4)	175,9 (8)		
8. Поперечный диаметр	137,0 (3)	135,5 (10)	141,7 (4)	138,3 (23)	135,5 (4)	137,8 (8)		
17. Высотный диаметр (от базиса)	133,5 (2)	129,5 (5)	125,0 (3)	129,0 (16)	130,0 (1)	126,4 (5)		
8:1. Черепной указатель	79,1 (3)	77,7 (10)	79,9 (4)	80,8 (23)	76,9 (4)	78,2 (17)		
9. Наименьшая ширина лба	95,7 (3)	92,3 (10)	94,6 (5)	93,5 (33)	94,3 (6)	91,2 (9)		
32. Угол профиля угла от назона	90,3 (3)	85,2 (6)	89,2 (5)	86,7 (18)	89,0 (1)	81,6 (8)		
45. Скуловой диаметр	124,0 (2)	125,8 (5)	126,6 (5)	124,1 (16)	125,0 (2)	123,7 (9)		
48. Верхняя высота лица	65,3 (4)	66,1 (7)	63,4 (5)	65,7 (23)	69,0 (2)	67,8 (9)		
48:45. Верхний лицевой указатель	62,7 (2)	52,9 (5)	50,1 (5)	52,5 (13)	55,3 (2)	55,1 (9)		
72. Общий лицевой угол	84,5 (2)	-	88,3 (4)	85,3 (18)	-	85,9 (8)		
77. Назо-малярный угол	142,0 (3)	140,3 (8)	146,8 (4)	141,6 (25)	140,2 (2)	139,9 (9)		
ZM. Зиго-максиллярный угол	132,0 (2)	132,3 (4)	133,3 (4)	131,1 (17)	125,6 (2)	129,0 (7)		
52. Высота орбиты	30,0 (3)	31,7 (7)	31,9 (5)	32,7 (23)	30,8 (4)	32,5 (9)		
52:51a. Орбитный дакриальный указатель	75,4 (1)	-	81,3 (5)	85,0 (21)	80,7 (3)	81,7 (8)		
54. Ширина носа	24,0 (3)	-	24,4 (4)	23,7 (23)	25,3 (4)	25,6 (9)		
54:55. Носовой указатель	52,5 (3)	-	50,0 (4)	48,5 (22)	52,2 (4)	51,9 (9)		
DS. Дакриальная высота	-	11,0 (6)	9,1 (5)	10,88 (17)	11,2 (2)	11,25 (8)		
DS:DC. Дакриальный указатель	-	50,9 (6)	43,3 (3)	52,2 (17)	50,32 (2)	54,94 (8)		
SC. Симметрическая высота	4,4 (2)	3,5 (6)	3,5 (5)	3,6 (20)	3,8 (3)	4,29 (7)		
SS:SC. Симметрический указатель	46,88 (2)	35,4 (6)	34,9 (5)	44,9 (19)	38,62 (2)	47,7 (7)		
75(1). Угол выступания носа	30,0 (1)	23,8 (5)	18,8 (4)	24,8 (16)	-	24,7 (6)		

Таблица III

**Сравнение больше-тиганской и других серий с территории Прикамья
по методу Л. Пенроуза в модификации Г. Козинцева**

Больше-тиганская - Поломская	0,237
Больше-тиганская – Деменковская	0,344
Больше-тиганская – Танкеевская	0,407
Больше-тиганская – Варнинская	0,647
Больше-тиганская - Мыдпаньшайская	0,876

Таблица IV

Показатели суммарного различия (C²) между сериями из Прикамских могильников

	Танкеевский могильник	Варненский могильник	Могильник Мыдпань- Шай	Поломский могильник	Деменковский могильник
Больше. Тиганский могильник	0,407	0,647	0,876	0,237	0,344
Танкеевский могильник		0,215	0,357	0,182	0,187
Варнинский могильник			0,228	0,338	0,262
Могильник Мыдпань-Шай				0,310	0,438
Поломский могильник					0,239

Таблица V

Сравнение серий конца I тыс. н.э. с территории Прикамья

Танкеевская	Поломская	Деменковская	Варнинская	Мыдпань-Шай	Большие Тиганы
	0,182				
		0,213			
			0,217		
				0,488	
					0,502

Таблица VI

Сравнение больше-тиганской и некоторых кочевнических серий по методу Л. Пенроуза в модификации А.Г. Козинцева

Больше-тиганская – Больше-тарханская	0,255
Больше-тиганская – Кайбельская	0,234
Больше-тиганская – сборная венгерская	0,342
Больше-тиганская – сборная башкирская	0,398
Больше-тиганская - Зливкинская	0,551
Больше-тиганская - Саркельская	0,781

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

А.Г. ПЕТРЕНКО

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ КОНЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ
БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

При раскопках Больше-Тиганского могильника были обнаружены костные остатки животных. Они были получены в 1974 г. из 14 погребений (№№ 6, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 19, 20, 21, 22, 23, 25б, 28) и одного поминального комплекса, расположенного по участку К-2, и переданы автору настоящей статьи для зоологического определения¹.

В результате этих исследований были получены следующие данные, которые мы считаем необходимым представить в первую очередь в виде описания по отдельным погребениям.

Погребение 6. В ногах погребенного положена голова лошади в возрасте около 6-ти лет резцовой частью на север, а справа, у изголовья, - левая бедренная кость и коленная чашечка от молодой особи лошади в возрасте около 2-х лет.

Погребение 7. В ногах погребенной женщины - голова лошади 2-х лет, ориентированная резцовой частью на запад. В изголовье, справа от погребенной, бедренная кость и коленная чашечка лошади. Кроме того, в погребении обнаружены три хвостовых позвонка того же вида животного.

Погребение 8. Из общего числа костей лошади обнаружена правая бедренная кость с несросшимися эпифизами (кость животного до 2-х летнего возраста) и коленная чашечка. Кроме того, в восточной и западной сторонах могильной ямы обнаружено по три хвостовых позвонка, а также пять поясничных позвонков от одной особи лошади.

Погребение 9. В ногах погребенного положен череп лошади резцовой частью на запад (от особи возраста около 2-х лет), а так же две нижние челюсти от той же лошади. Положены они перед черепом, что не соответствует естественному анатомическому состоянию головы животного. Справа от головы погребенного находилась

левая бедренная кость без эпифизов от лошади возраста около 2-х лет.

Погребение 10. В ногах погребенного находился сильно истлевший череп лошади, от которого сохранились лишь нижние челюсти и зубы. Возраст не более двух лет, справа от головы погребенного обнаружена левая бедренная кость лошади без эпифизов (до 2-х лет).

Погребение 12. Богатое погребение мужчины с ритуальным комплексом, положенным на заплечиках справа от человека и представленным черепом и четырьмя ногами нижнего отдела конечностей от лошади возраста около 4,5 лет. В изголовье - бедренная кость лошади (около 2-х летнего возраста).

Погребение 14. В ногах погребенного мужчины располагался череп лошади, а в головах - бедренная кость лошади с несросшимися эпифизами (что соответствует возрасту животного около 2-х лет) и коленная чашечка.

Погребение 19. На нешироком заплечике (15-20 см) в изголовье погребенной женщины находилась левая бедренная кость от молодой особи лошади (возраст - до 2-х лет). Слева от костяка - череп коня, положенный резцовой частью к голове погребенной, а также четыре ноги нижнего отдела конечностей этого же животного. Возраст забитого коня около 6 лет.

Погребение 20. Справа от погребенной женщины, в нижней части могильной ямы, резцовой частью на запад к голове погребенной был положен череп жеребенка (возраст - около 8-9 месяцев), а поверх него - две нижние челюсти, одна вторая фаланга (без эпифиза) и три копыта этого же животного.

Погребение 21. Справа от изголовья погребенной женщины находилась разрушенная тазовая кость молодой лошади.

¹ Материалы 1975 и 1978 гг. фрагментарны и в данной статье не использованы.

Погребение 22. В изголовье погребенного мужчины обнаружены бедренная левая кость и коленная чашечка лошади. Кость с несросшимися эпифизами принадлежала животному не старше 2-х лет.

Погребение 23. Справа от погребенного мужчины в ногах был положен череп, а поверх него нижние челюсти от лошади возраста около 5 лет. Кроме того, слева от погребенного в изголовье – два хвостовых позвонка того же вида животного.

Погребение 25а. В изголовье погребенного подростка находилась правая бедренная кость жеребенка.

Погребение 28. Справа в ногах у погребенного мужчины располагались череп и четыре кости нижнего отдела конечностей лошади возраста около 6 лет. В изголовье справа - бедренная левая кость от другой особи лошади возраста около 2-х лет.

Комплекс №2. Поминальный комплекс, представленный головой коня в возрасте около 17 лет. Рядом - бедренная кость, коленная чашечка и вторая фаланга, а на черепе еще одна вторая фаланга и одно копыто того же вида животного.

Итак, представленные выше 14 погребений и один поминальный комплекс свидетельствуют о том, что при погребении умершего человека, независимо от его пола и возраста, в изголовье укладывали большой кусок мяса от левой или правой половины задней части коня. Причем этот кусок не отрубали, а отчленили по верхнему суставу бедренной кости вверху и по нижнему суставу этой же кости, внизу чаще всего прихватывая при этом находящуюся рядом коленную чашечку.

Комплексы костей лошадей, располагавшиеся у ног погребенных на 10-15 см выше дна могилы, иногда на дне справа или слева, либо прямо перед ногами, а в погребениях 12 и 28 на заплечиках, - являются, несомненно, ритуальными остатками. Эти комплексы представляют собой, в одних случаях, либо целиком положенную голову, либо череп и нижние челюсти с разрушенными по каким-то причинам мускульными связками, в других случаях, в некоторых ненарушенных погребениях нижние челюсти располагались на черепе.

В двух случаях, кроме головы коня, найдены разрозненные вторые и третьи фаланги ног лошади (погр. 20 и поминальный комплекс). В трех погребениях (12, 19, 28) обнаружены комплексы коня, представленные черепом и четырьмя ко-

стями нижнего отдела конечностей, начиная от костей запястья, заплюсны и ниже.

Прослеженные на ритуальных костях животных возрастные особенности свидетельствуют о том, что при похоронах человека, как правило, забивали не менее двух лошадей, причем бедренные кости, располагавшиеся в изголовье и представлявшие остатки мясной погребальной пищи, принадлежали лошадям возраста около 2-х, иногда 3-х лет, а ритуальные комплексы коней свидетельствуют о возрасте животных, в них представленных, значительно старше – от 4,5 лет до 6-ти лет. Для поминок же давно умерших людей использовались, как правило, уже весьма старые животные (около 17 лет). Говорить о факте захоронения в Больше-Тиганском могильнике при погребении человека ритуальных остатков коня со шкурой животного нет основания. Находимые в погребениях коленные чашечки ног имеют несомненное отношение лишь к остаткам мясной погребальной пищи, они находятся не в комплексах костей коня, а с бедренными костями. Причем в погребениях, где найдены комплексы костей коня, коленных чашечек совсем нет даже в тех случаях, когда есть бедренные кости.

В одной из опубликованных работ, посвященных описанию остеологических комплексов Танкеевского могильника автором настоящей работы было высказано предположение о захоронении головы коня и четырех ног нижнего отдела конечностей вместе со шкурой¹. Но присутствовавшие там коленные чашечки находились непосредственно в самих комплексах, причем ни бедренных, ни берцовых костей не было зафиксировано ни в одном погребении вообще. А, как известно, именно эти кости располагаются анатомически рядом с коленкой. Попадала же она в комплекс, как видно, по той же причине, что при снятии шкуры животного: боясь нарушить целостность ее, людям было проще оставить коленную чашечку вместе со шкурой, чем отделять.

В Больше-Тиганском могильнике, как отмечалось выше, мы наблюдаем ритуалы захоронения одновременно с человеком головы и четырех ног коня, но в отличии от Танкеевского могильника, без шкуры животного.

На некоторых костях принадлежавших половозрелым животным и не подвергавшимся разрушению в процессе раскопок и транспортировки нам удалось взять основные промеры

(см. табл.1) и провести морфологические наблюдения.

Используя существующие в настоящее время пересчетные таблицы В.О. Витте² наибольшей длины трубчатых костей, а также методику А.А. Браунера³ по ширине диафиза промеренных нами костей, мы получили возможность судить о некоторых чертах внешнего облика лошадей, бытовавших у населения, оставившего Больше-Тиганский могильник.

Размеры шести пястных костей обнаружили сравнительно широкую вариабельность от 210 мм до 230 мм, а четыре плюсневых – от 251 до 267 мм. Таким образом, даже столь небольшое число исследованных костей метаподий дает нам представление о сравнительно широком разнообразии в породном отношении лошадей у древнего тиганского населения. Так, пястная кость с наибольшей длиной равной 237-236 мм и наименьшей шириной диафиза равной 35 мм свидетельствует о том, что среди тиганских лошадей можно было встретить и весьма крупных рослых лошадей. Высота в холке их достигала 145-147 см при индексе тонкокости равном 14,9%, что соответствует категории полутонконогих лошадей. Если сравнить эти показатели с имеющимися данными по древним лошадям того времени, то следует считать их идентичными категории среднеазиатских лошадей, причем улучшенной части, принадлежавшей только богатым и знатным воинам.

С другой стороны, представленная нам пясть длиной 220 мм соответствует широко распространенным в то время в лесостепных и степных районах Центральной части Восточной Европы лошадям с высотой в холке равной 136,0 см, представлявших собой средних лошадей, но с тем же, что и выше описанные, индексом тонкокости равным 15,4%. И здесь же, в этом же могильнике (по данным пястной кости длиной в

210,0 мм), зафиксирован факт содержания в хозяйствах сравнительно мелких лошадей с высотой в холке 131,0 см при индексе тонкокости равной 14,7%.

Этот тип лошадей, соответствующий категории низкорослых, полутонконогих животных, был более характерен в ту эпоху для лесных районов северо-восточной Европы, нежели для степей.

Эта же значительная вариабельность прослеживается и при исследовании промеров наибольшей длины четырех пяточных костей, меньшая из которых имеет длину 103 мм, а большая – 119 мм.

К сожалению, нам не удалось взять ни одного промера на бедренных костях тиганских лошадей. Все они были либо лишены эпифизов и не достигли состояния синостоза, после чего кость пригодна для промера, либо оказались разрушенными, как черепа и нижние челюсти.

Некоторый интерес представляют промеры сохранившихся двух нижних челюстей от коня из поминального комплекса, возраст которого был около 17 лет. Его челюсти имели наибольшую длину равную 340 мм при наибольшей длине альвеолярного ряда коренных зубов 153,0 мм и ширине челюсти до P_2 – 52,0 мм, между P_4 и M_1 – 68,0 мм, за M_3 – 99,0 мм.

Подобные краниологические показатели представляются нам характерными для более мелких лошадей, типа встреченных нами в погребении №37 Андреевского кургана, датированного П.Д. Степановым II в. н.э. и расположенного на территории Мордовской АССР. Там была захоронена довольно мелкая лошадь с высотой в холке едва достигавшей 123,0 см. Не исключено, что для поминания давно умершего человека в Больше-Тиганском могильнике была забита низкопородная старая лошадь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Petrenko A G. Ossements d'animaux dans les touilles de Tankeevka. 1n: Les anciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Studia Archaeologica, VI, Budapest, 1977. P. 237-248.

2. Витте В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. XVI. М.-Л., 1952. С. 163-205.

3. Браунер А. А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губернии // Записки общества сельского хозяйства Южной России. Т 86. Кн. 1. Одесса, 1916.

Таблица 1.

**Промеры на костях лошадей из Больше-Тиганского могильника
(материалы погребений) в мм**

Название кости	Наибольшая длина	Ширина верхнего эпифиза	Ширина нижнего эпифиза	Наименьшая ширина диафиза
Пясть	236	53	53	35
	237	53	52	35
	220	49	49	34
	220	49	48	34
	212	49	46	31
	210	48	46	31
Плюсна	267	50	48	32
	267	49	49	32
	251	47	47	29
	252	47	47	29
Фаланга I	85	52	46	34
	85	53	46	35
	81	54	45	34
	77	53	45	32
	76	53	43	32
	76	53	43	32
	73	53	45	32
	92	57	50	37
	93	57	50	37
	87	56	48	35
Фаланга II	87	56	47	35
	52	54	50	45
	51	54	49	45
	50	55	53	48
	43	53	51	46
	46	50	46	42
	48	52	48	43
	49	52	48	44
	47	52	52	47
	46	50	46	42
43	49	48	44	
43	50	49	44	

Таблица II.

**Изменчивость наибольшей длины пясти у лошадей из могильников
Среднего Поволжья и Приуралья.**

Могильники	Кол-во	Размер (мм)	Среднее значение	WRN
Больше-Тиганский	6	210-237	227	137,3
Танкеевский	83	208-238	223	137,18
Бирский	8	209-232	218	135,1

Список сокращений

- АО — Археологические открытия
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИ — Вопросы истории
ИА АН СССР — Института археологии Академии наук СССР.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПАДИУ — Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ.
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
АЕ - Archaeologiai Értesítő
АН – Archaeologia Hungarica

Рис.35. Могильники и отдельные погребения кушнареновского типа (на Южном Урале - Нижнем Прикамье) VI - первая половина VIII в.: 1-15; Вторая половина VIII - IX в. – 16-27)

- ▲ 1 - Луговское; 2 - Иманлы; 3 - Такталачук; 4 - Маняк; 5 - Куштерьяк; 6- Булгары;
 7 - Ново-Биккино; 8 - Сактыш-Тамак; 9 - Кушнареново; 10 - Бирск; 11 - Ново-Турбаслы;
 12 - Лагерево; 13 - Сареево; 14 - Ихтисат; 15 - Ишимбай. 16 - Большие Тиганы; 17 - Каранаево;
 18 - Старо-Халилово; 19 - Лагерево; 20 - Ишимбаево; 21- Стерлитамак; 22 - Иткучуково;
 23 - Ямаши-Тау (Валиши); 24 - Муракаево; 25 - Хусаиново; 26 - Бекешево I; 27 - Бекешево II.

Рис.36. Локализация и продвижение ранневенгерских племен в Восточной Европе.

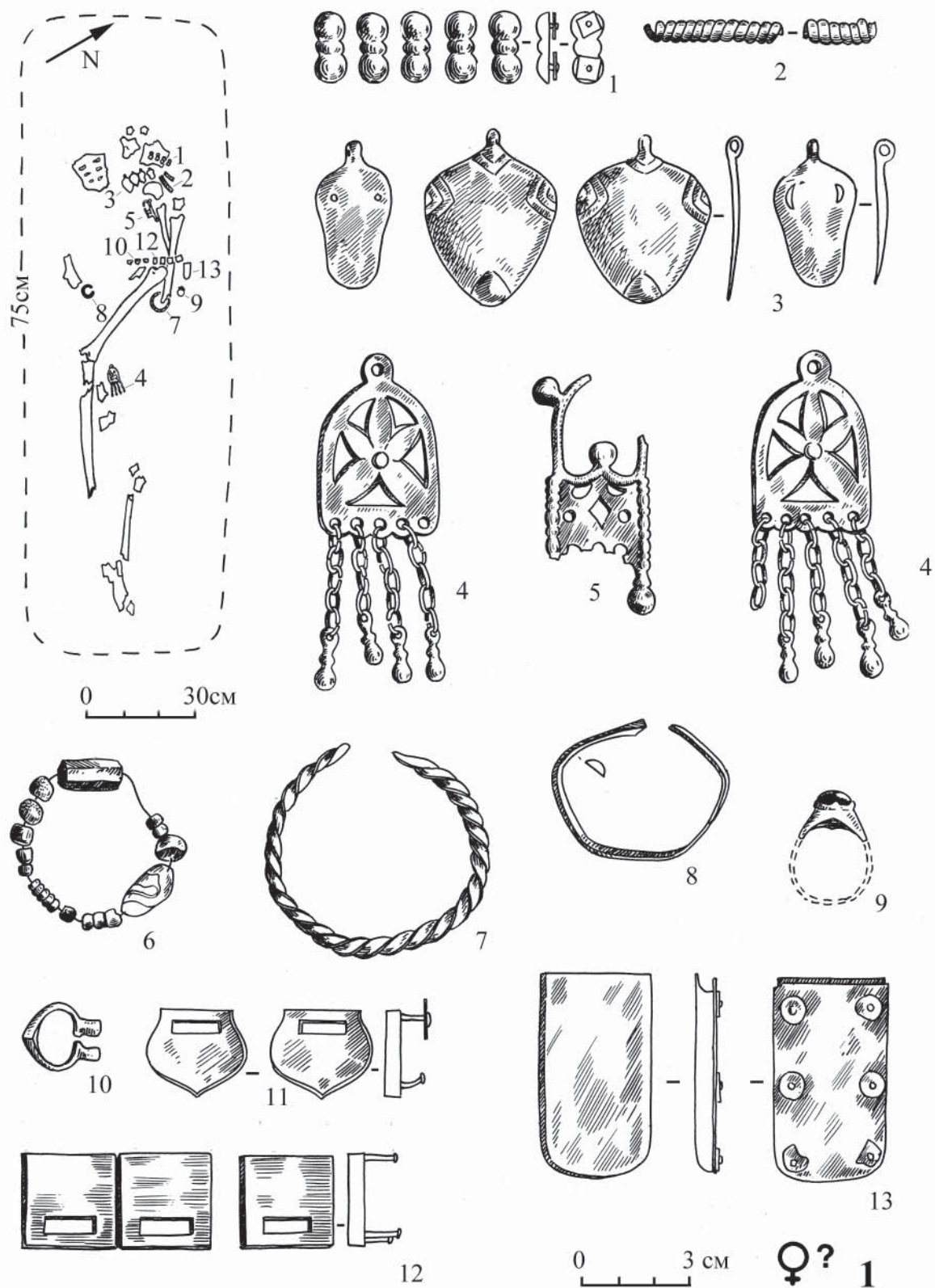

Табл. I. Большие Тиганы (1974). С. 15.

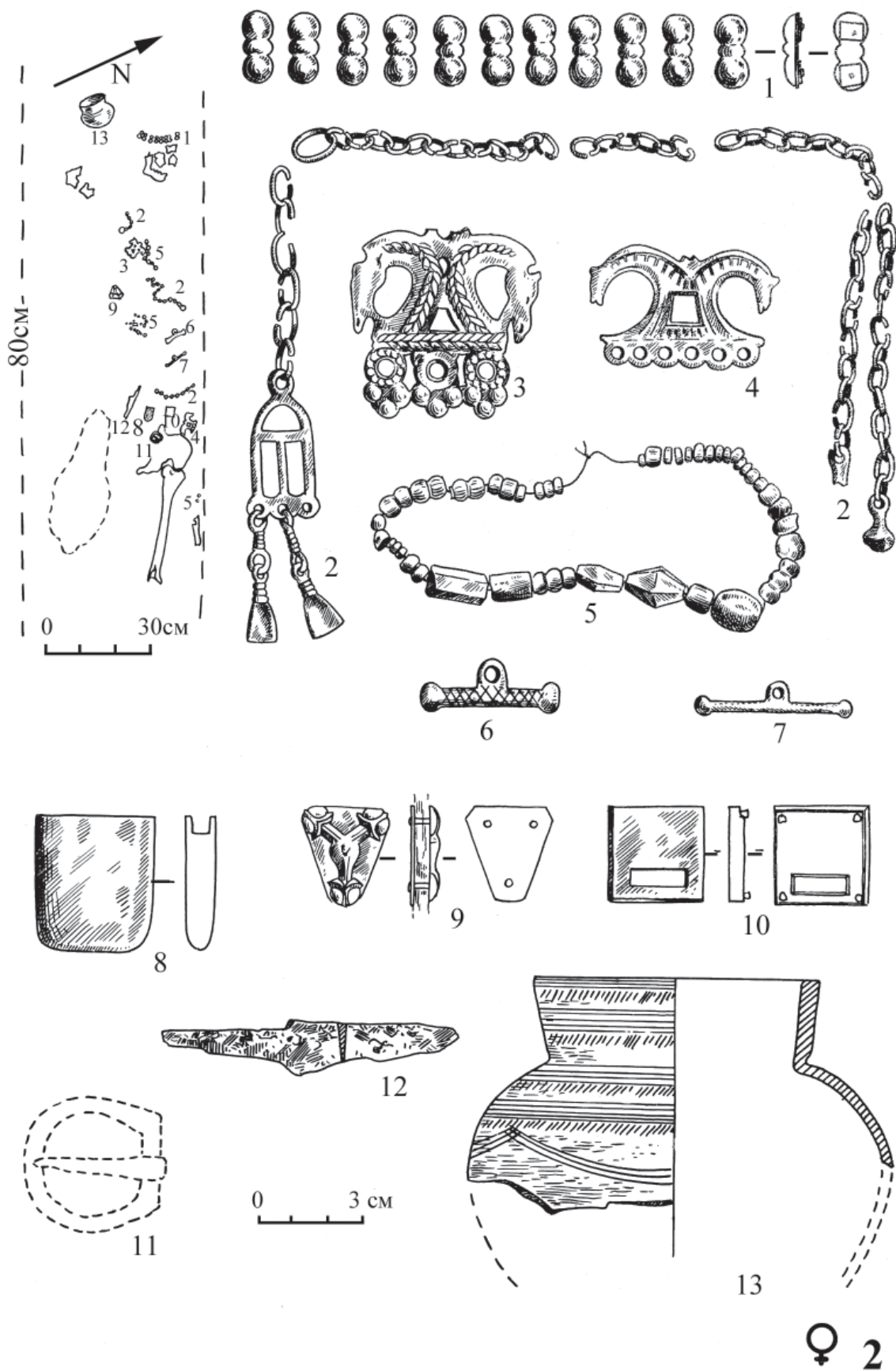
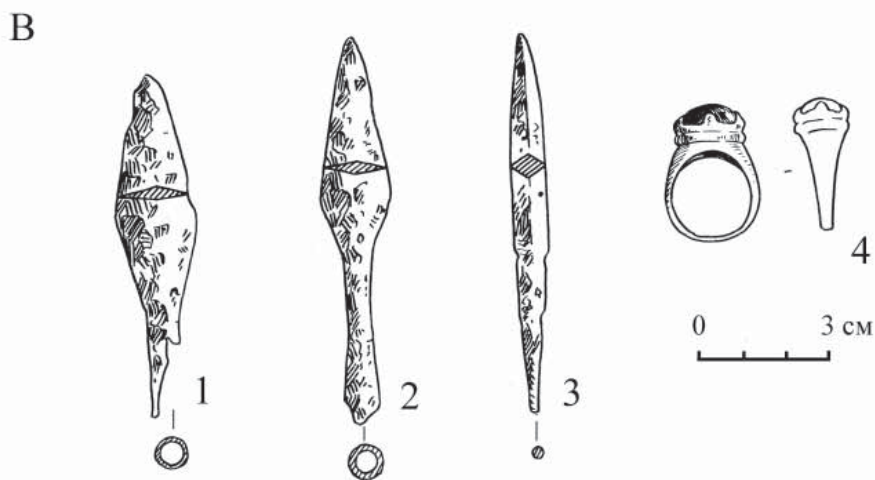
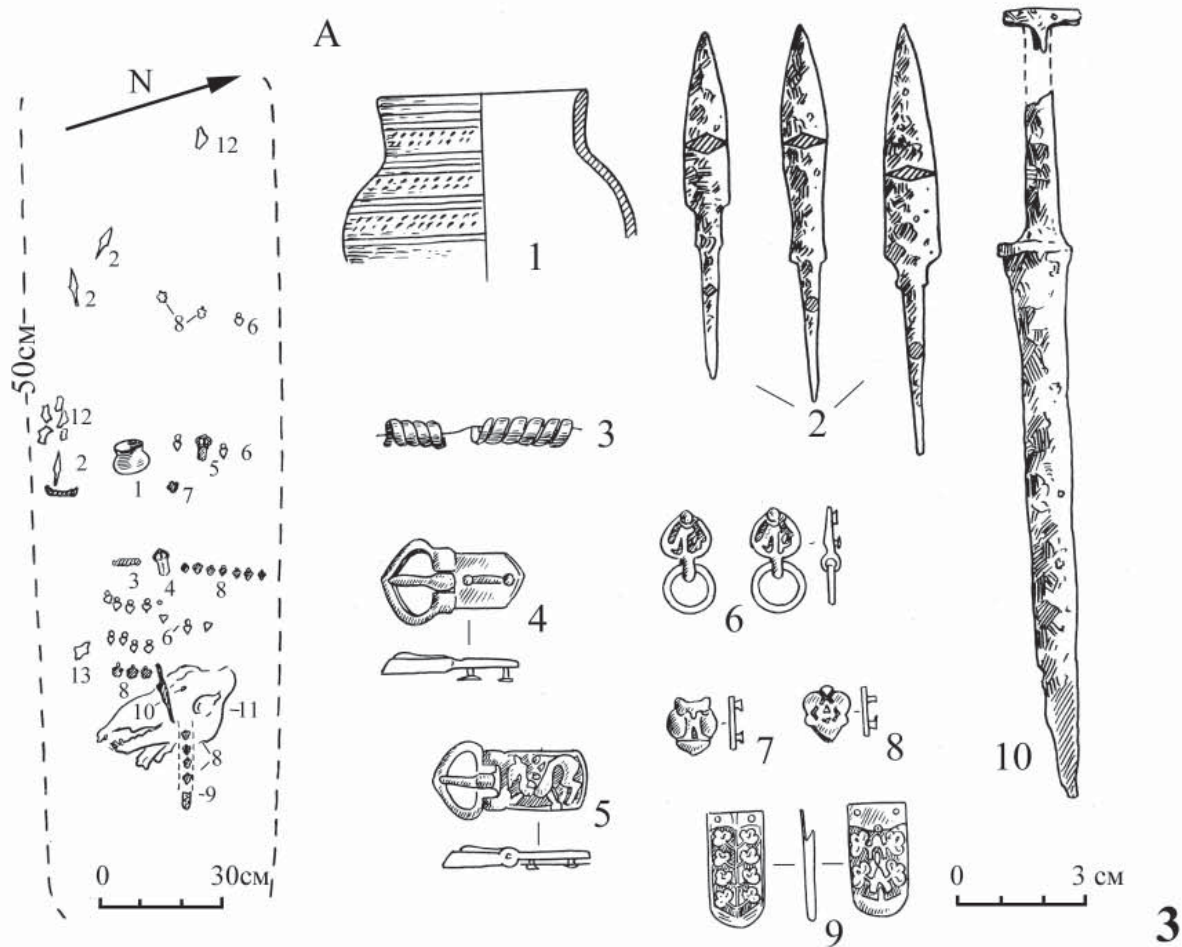

Табл. II. Большие Тиганы (1974). С. 15.

4

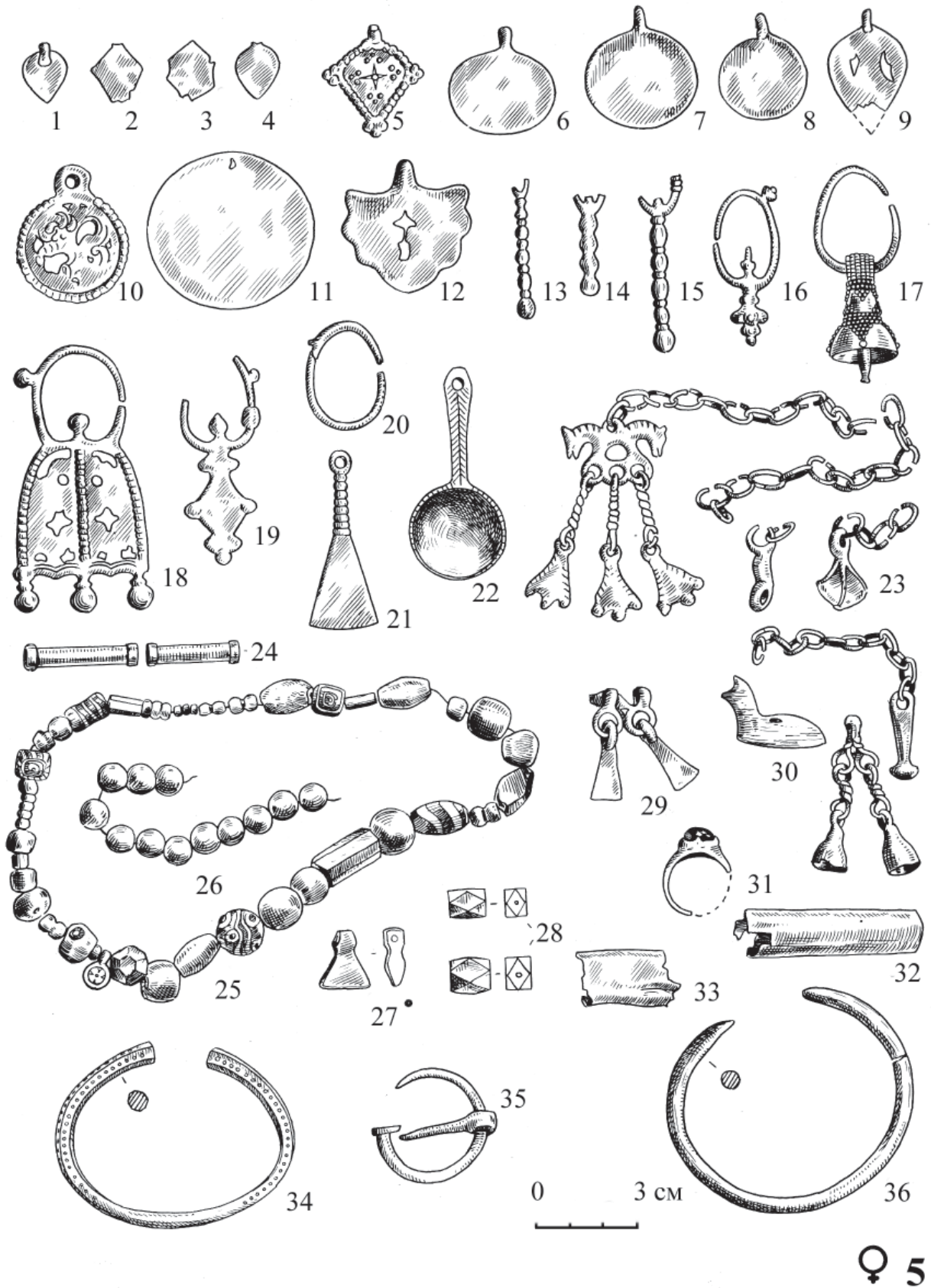

Табл.IV. Большие Тиганы (1974). С. 18.

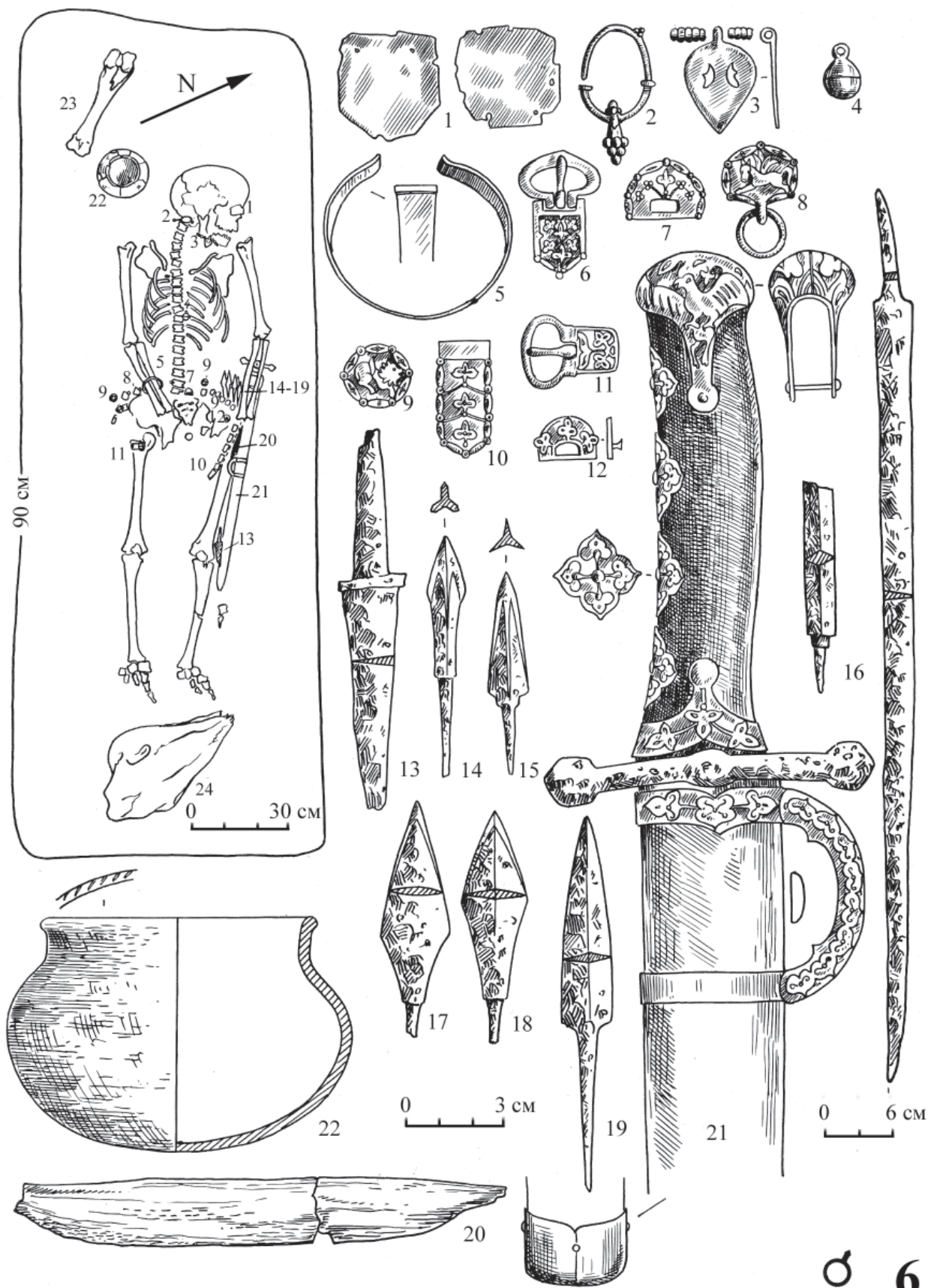
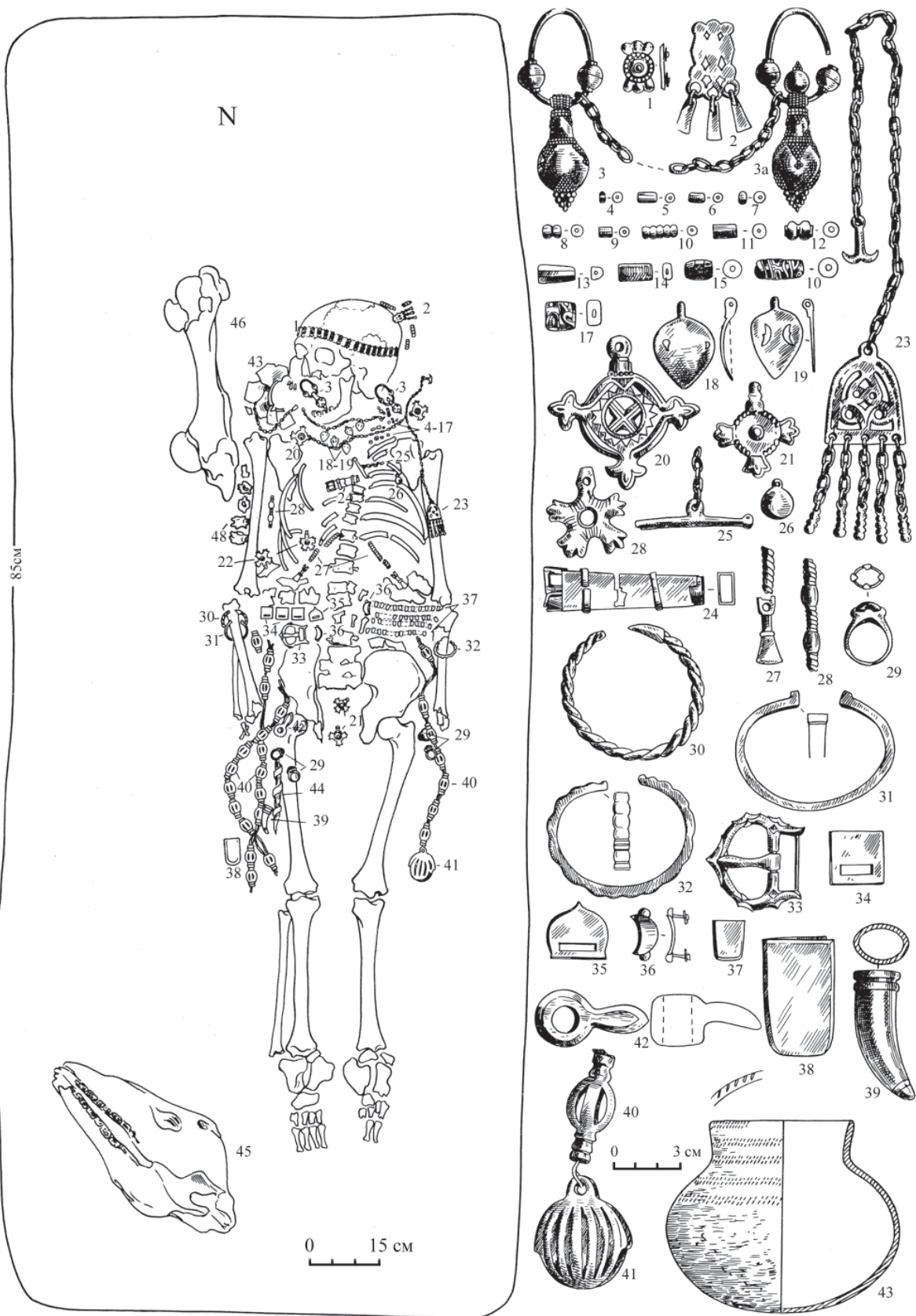

Табл.V. Большие Тиганы (1974). С. 18.

♀ 7^{inf}

Табл. VI. Большие Тиганы (1974). С. 19.

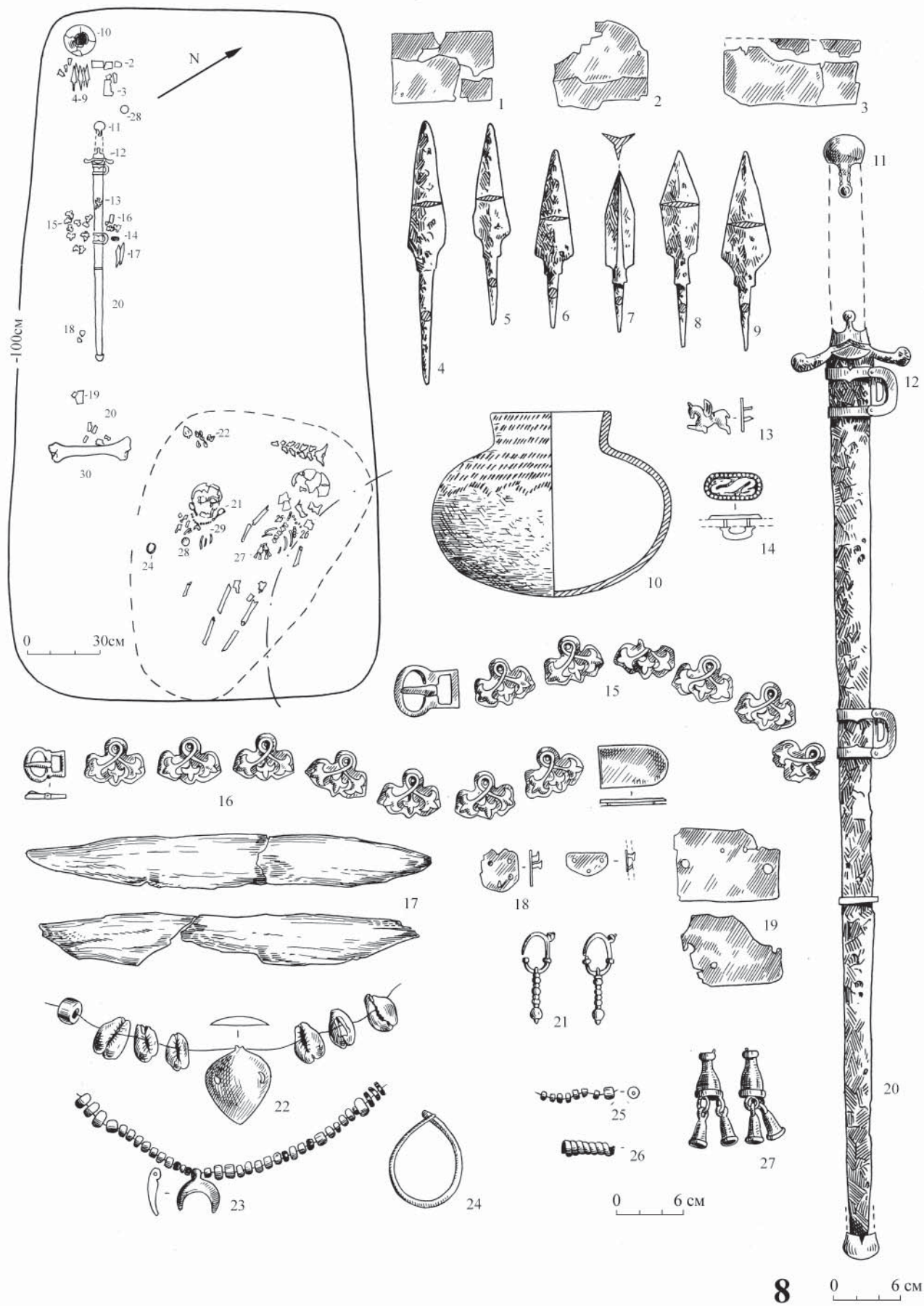

Табл. VII. Большие Тиганы (1974). С.23.

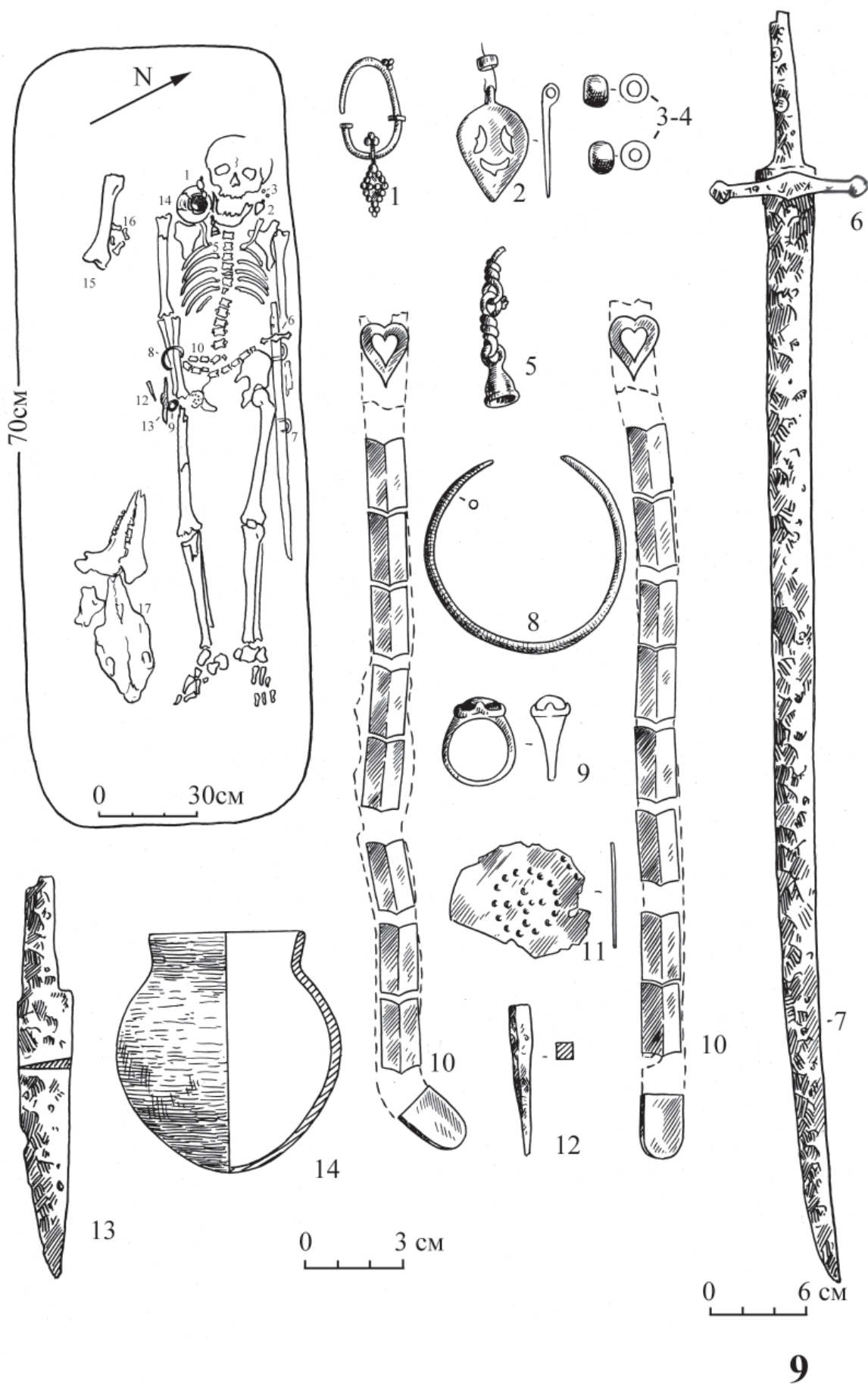

Табл. VIII. Большие Тиганы (1974). С.23.

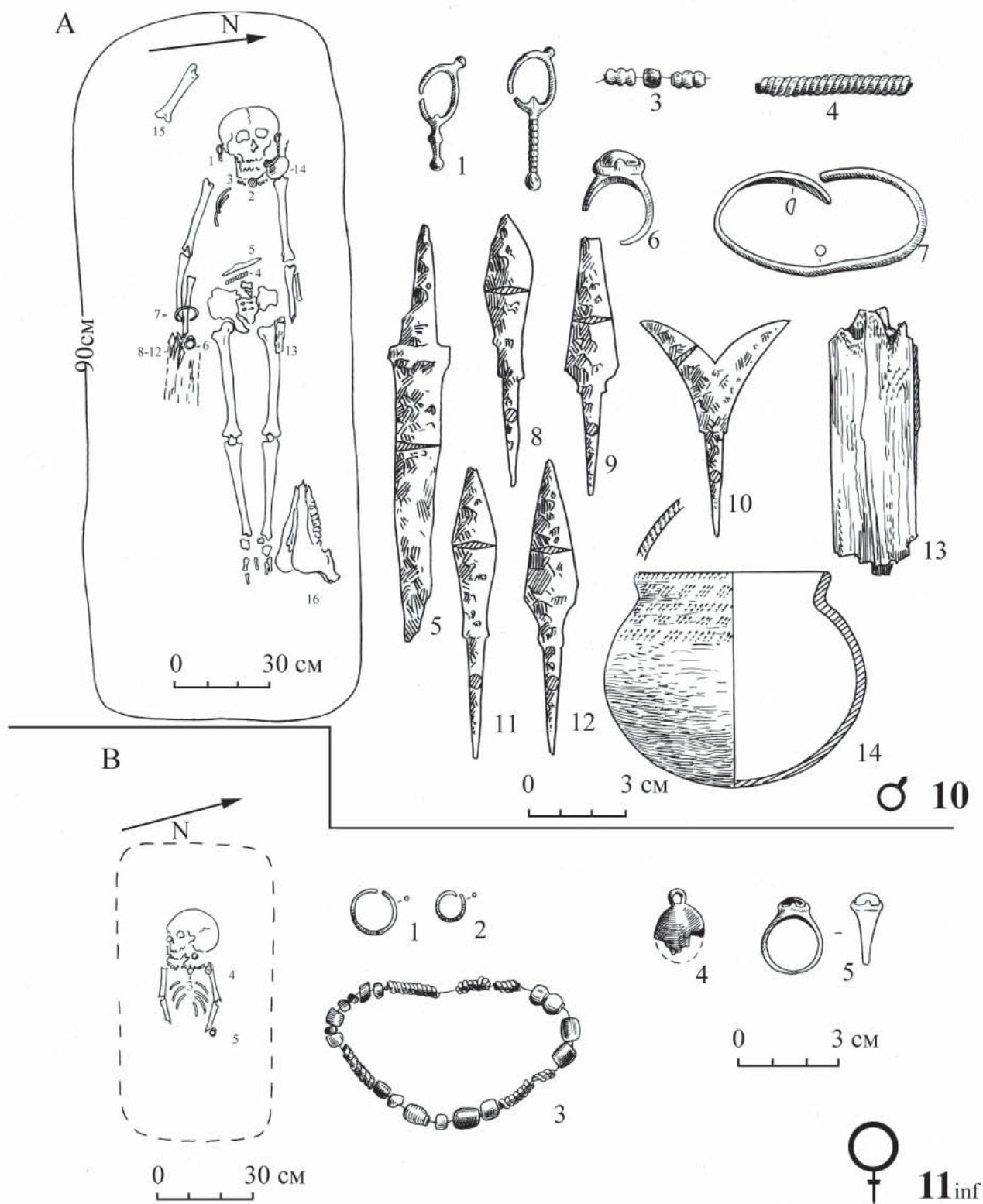
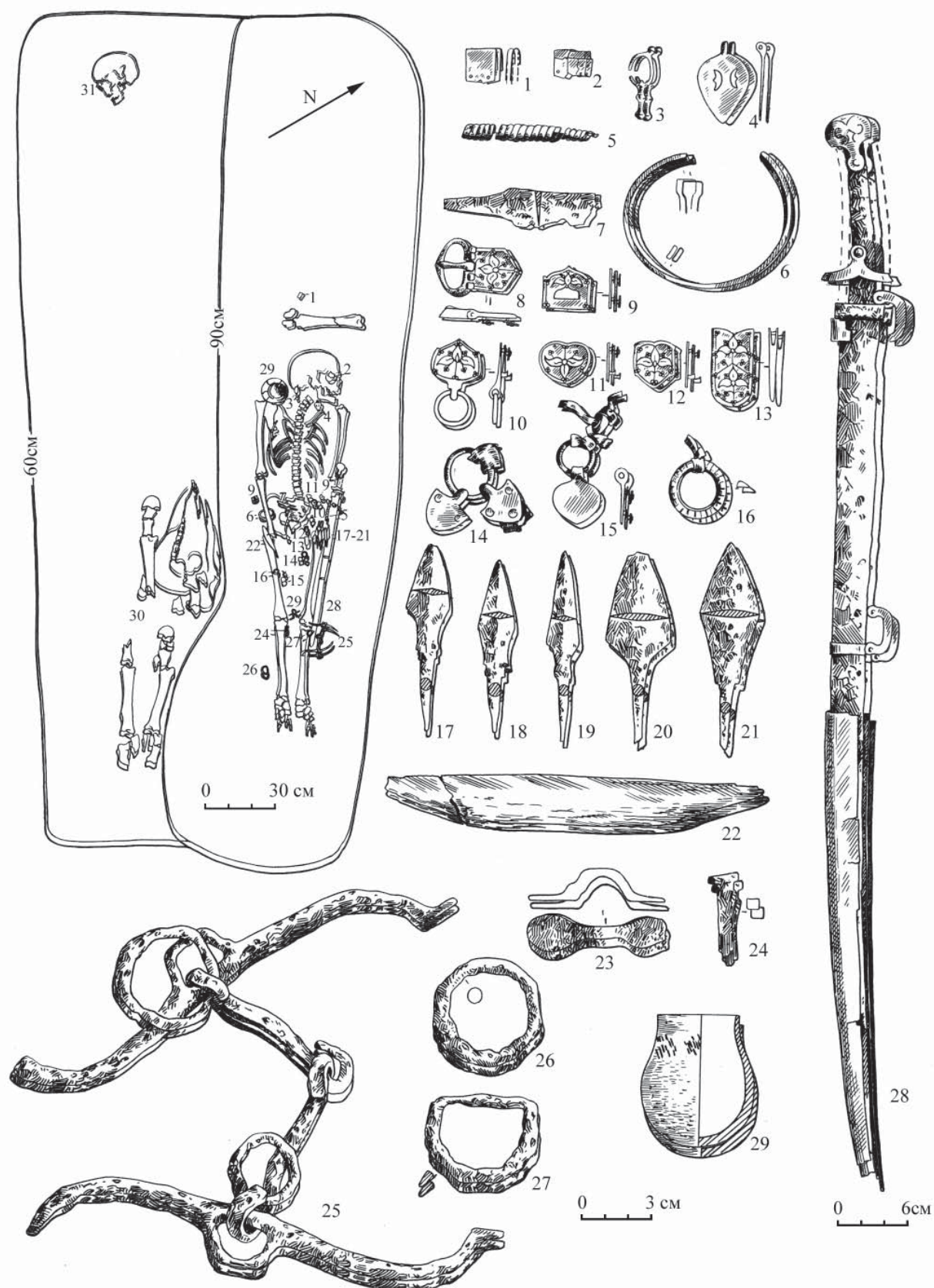
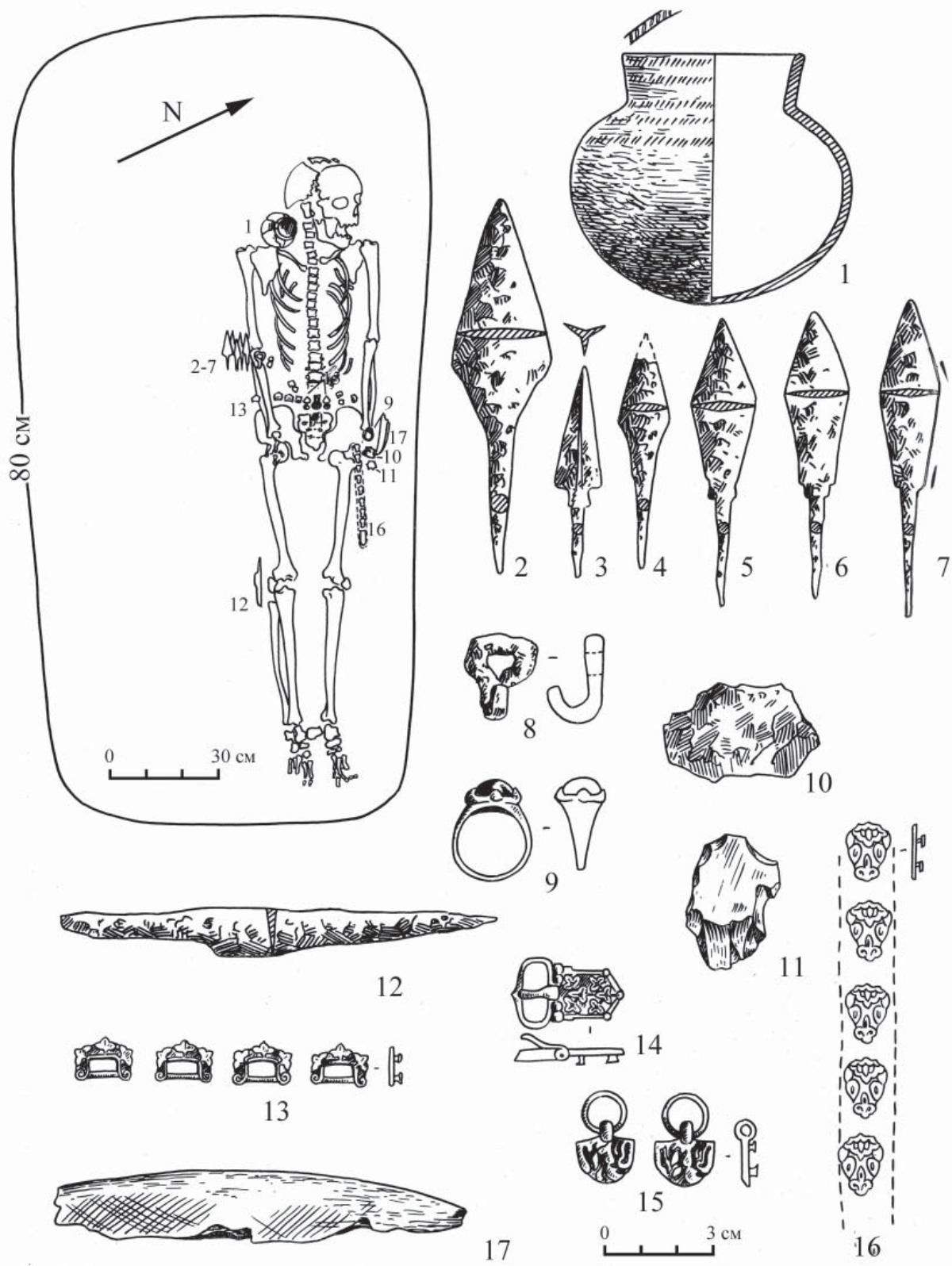

Табл. IXA. Большие Тиганы (1974). С. 24.
 Табл. IXB. Большие Тиганы (1974). С. 26.

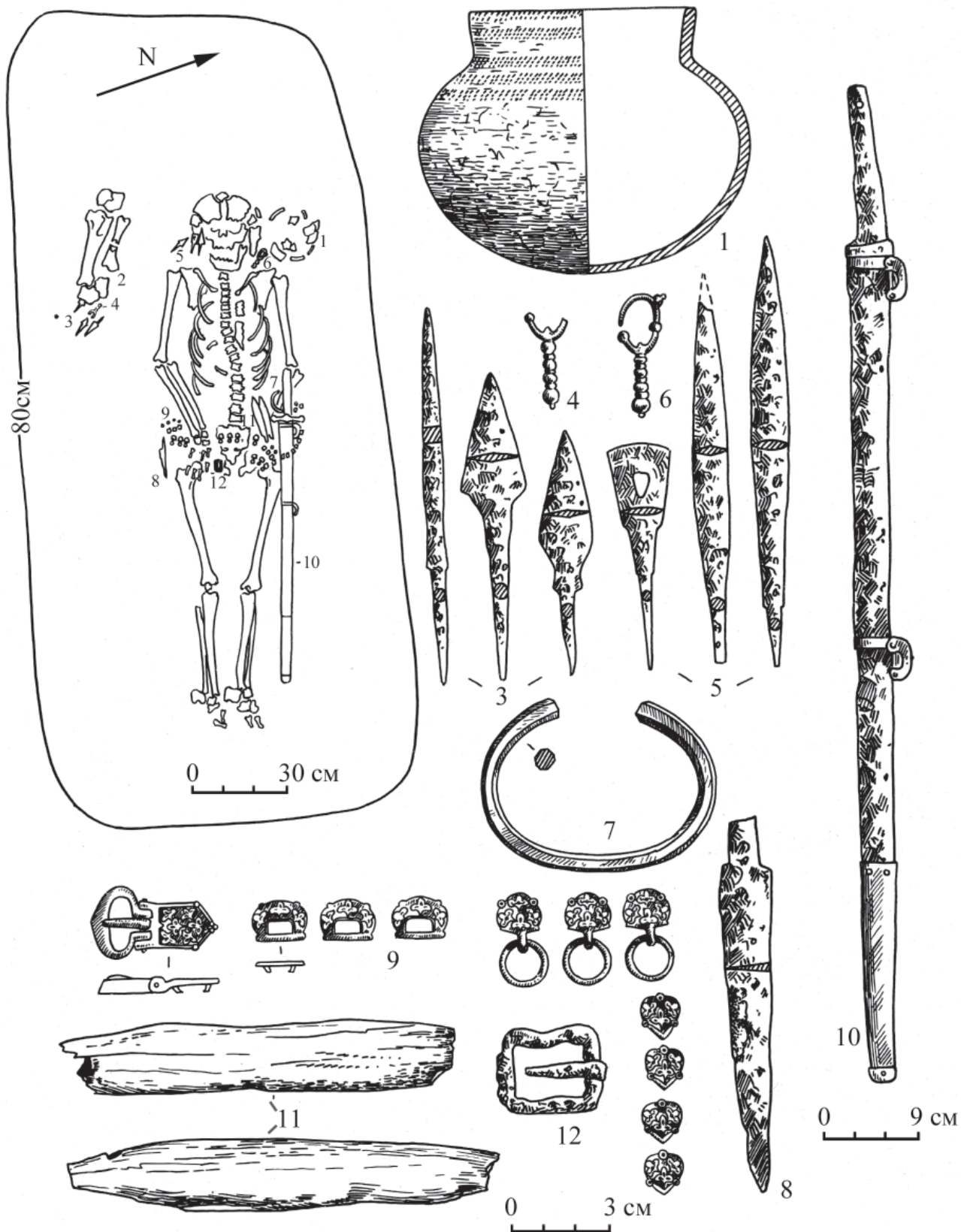

812

♂ 13

Табл. XI. Большие Тиганы (1974). С. 26.

♂ 14

Табл. XII. Большие Тиганы (1974). С. 28.

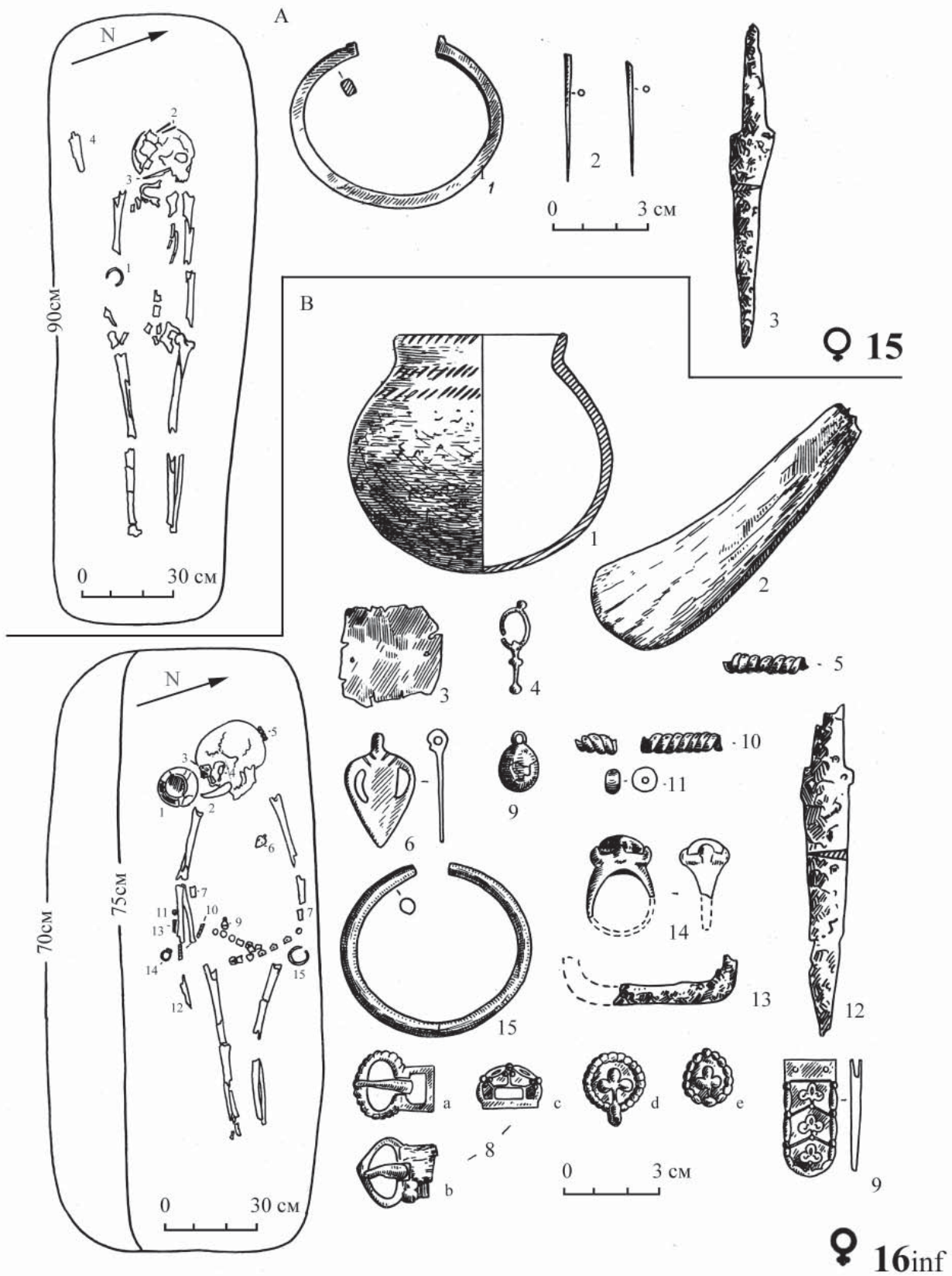
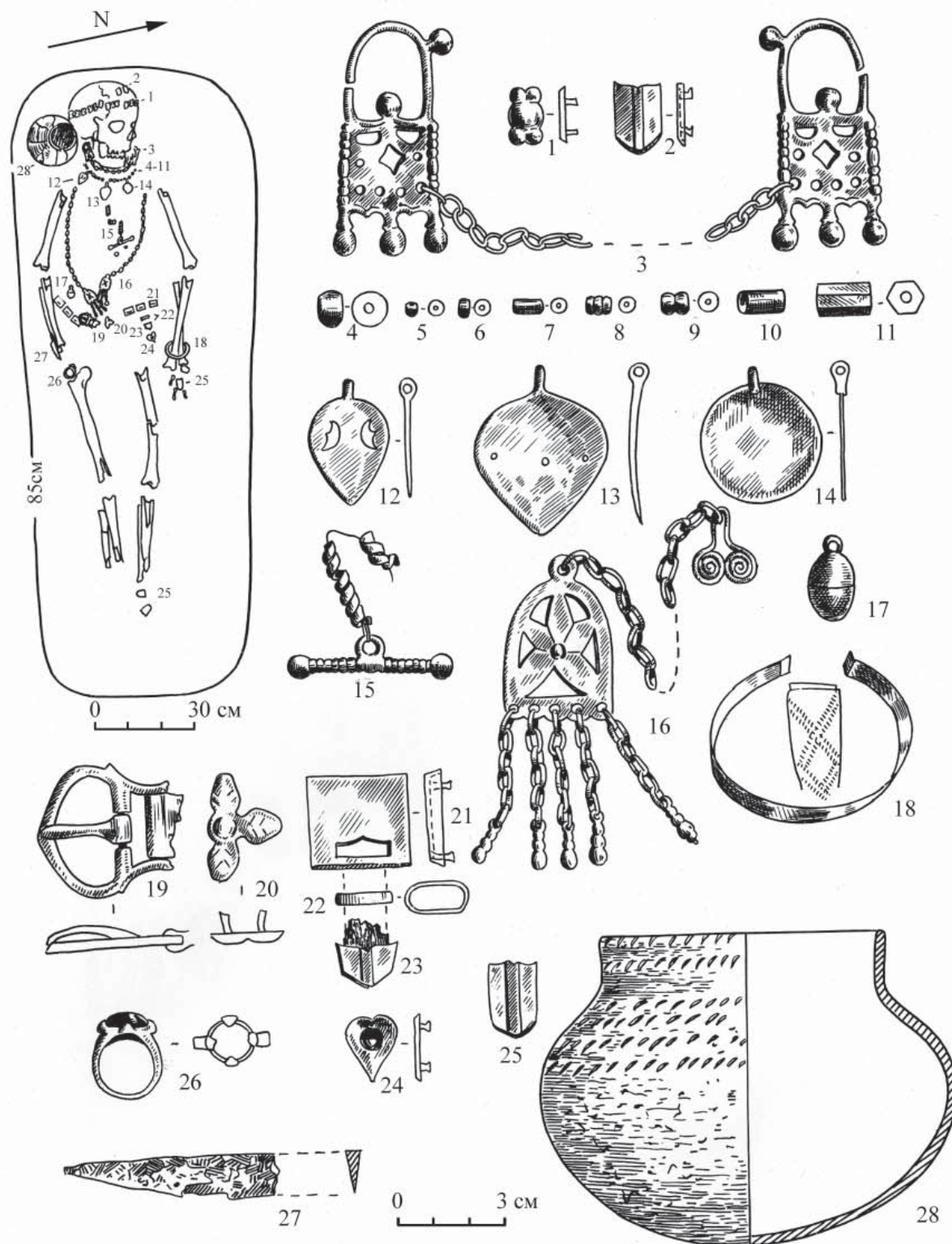

Табл. XIIIА. Большие Тиганы (1974). С.29.
Табл. XIIIВ. Большие Тиганы (1974). С.29.

♀ 17

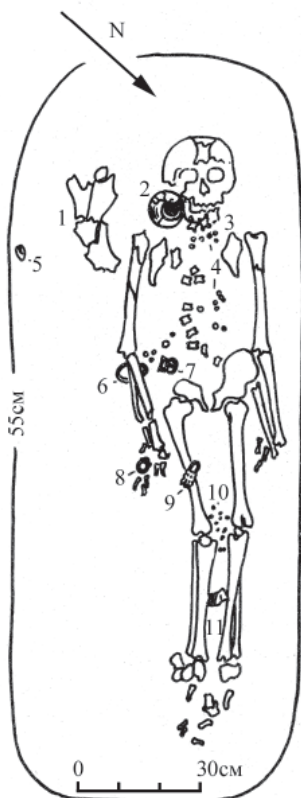
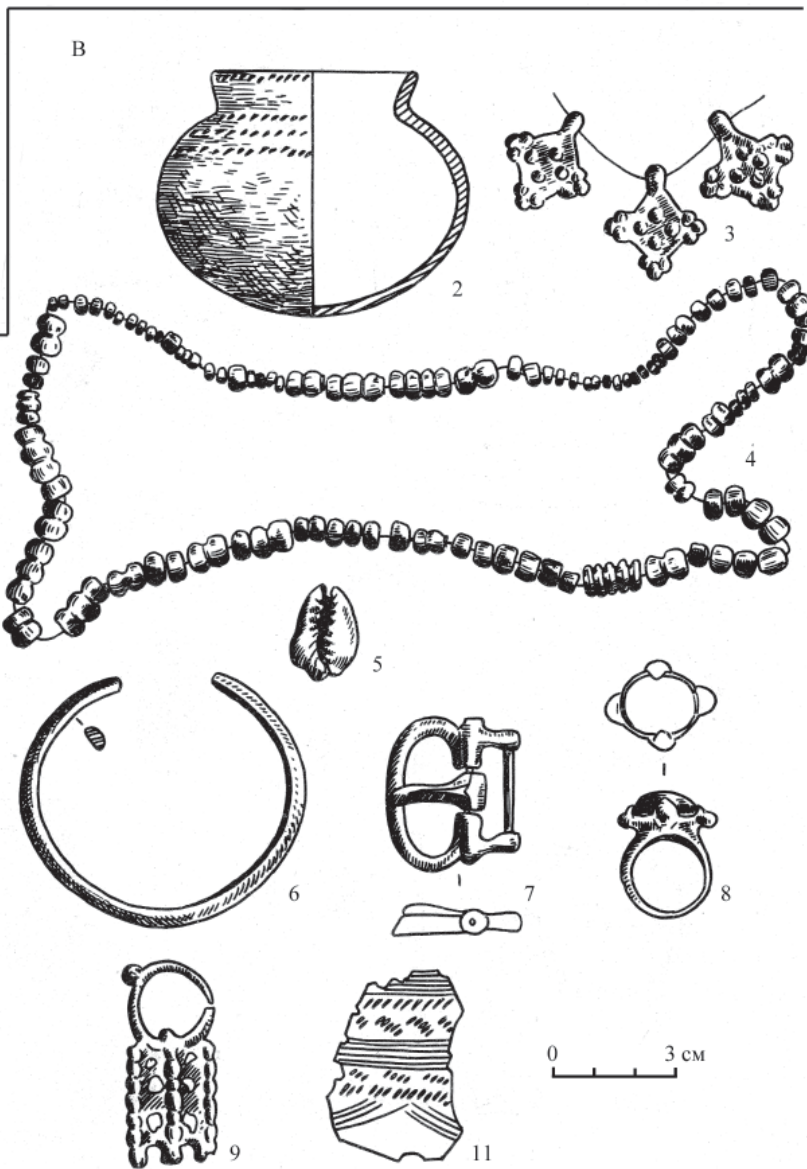
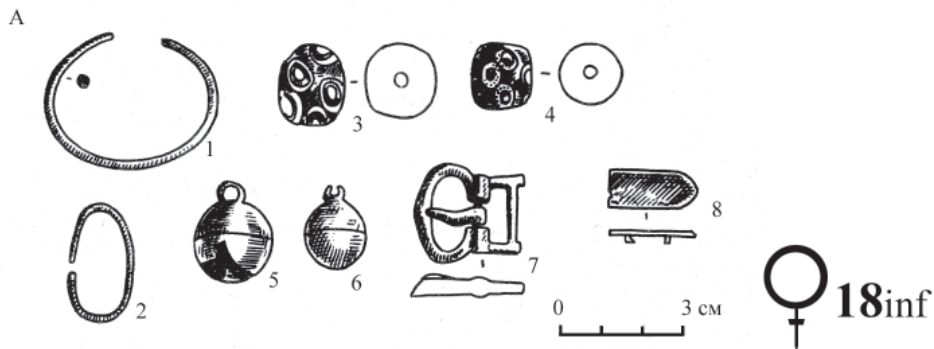
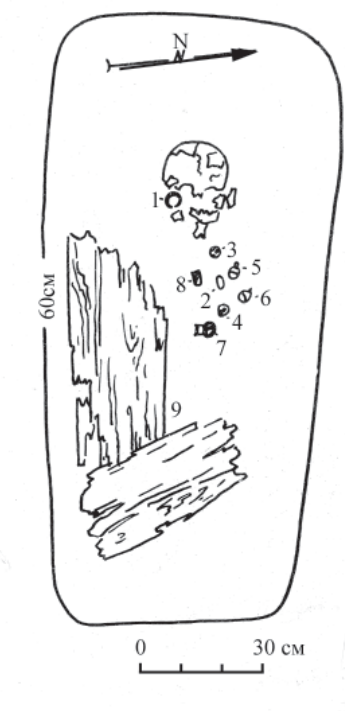
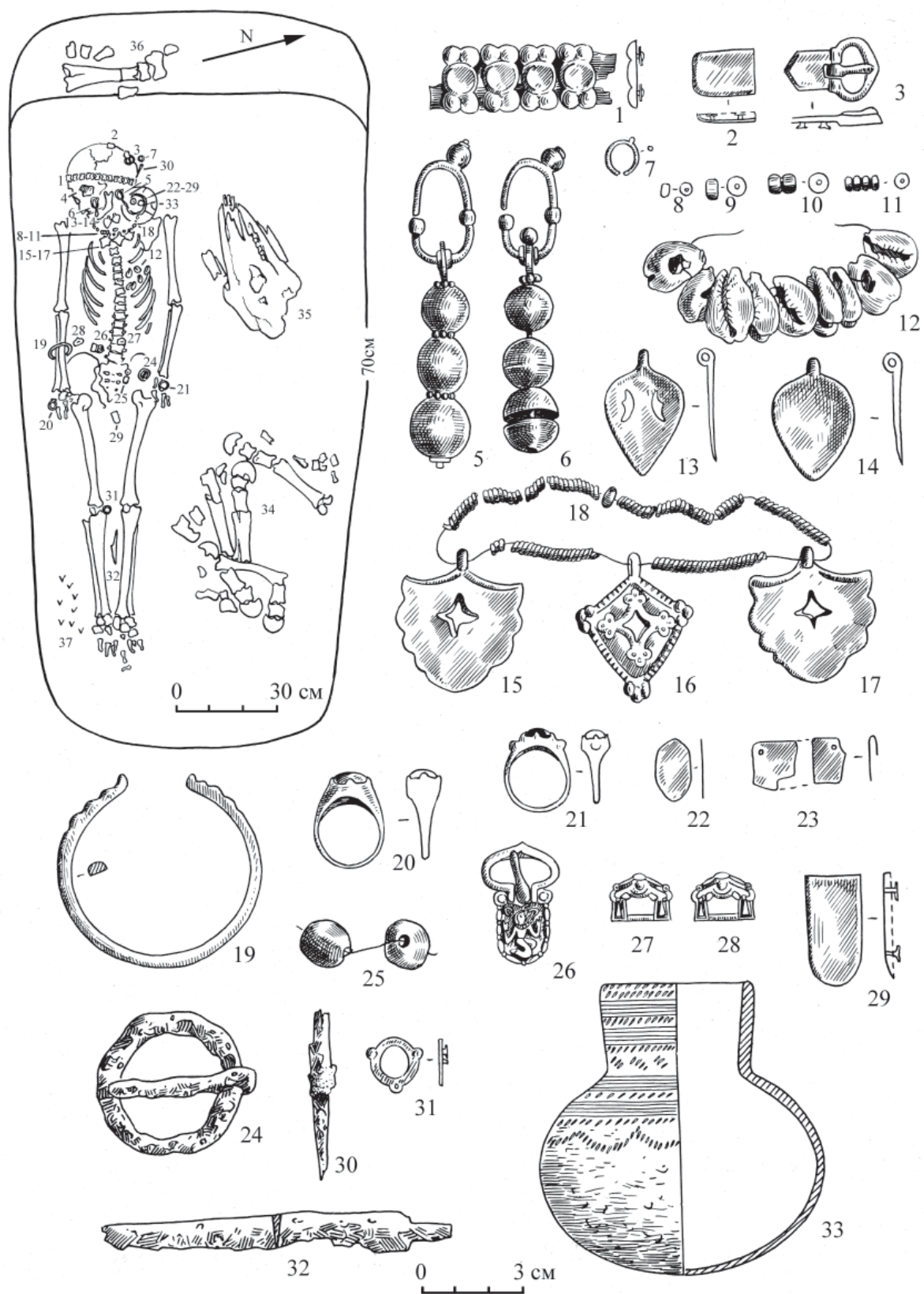

Табл.XVA. Большие Тиганы (1974). С.32.
Табл.XVB. Большие Тиганы (1974). С.35.

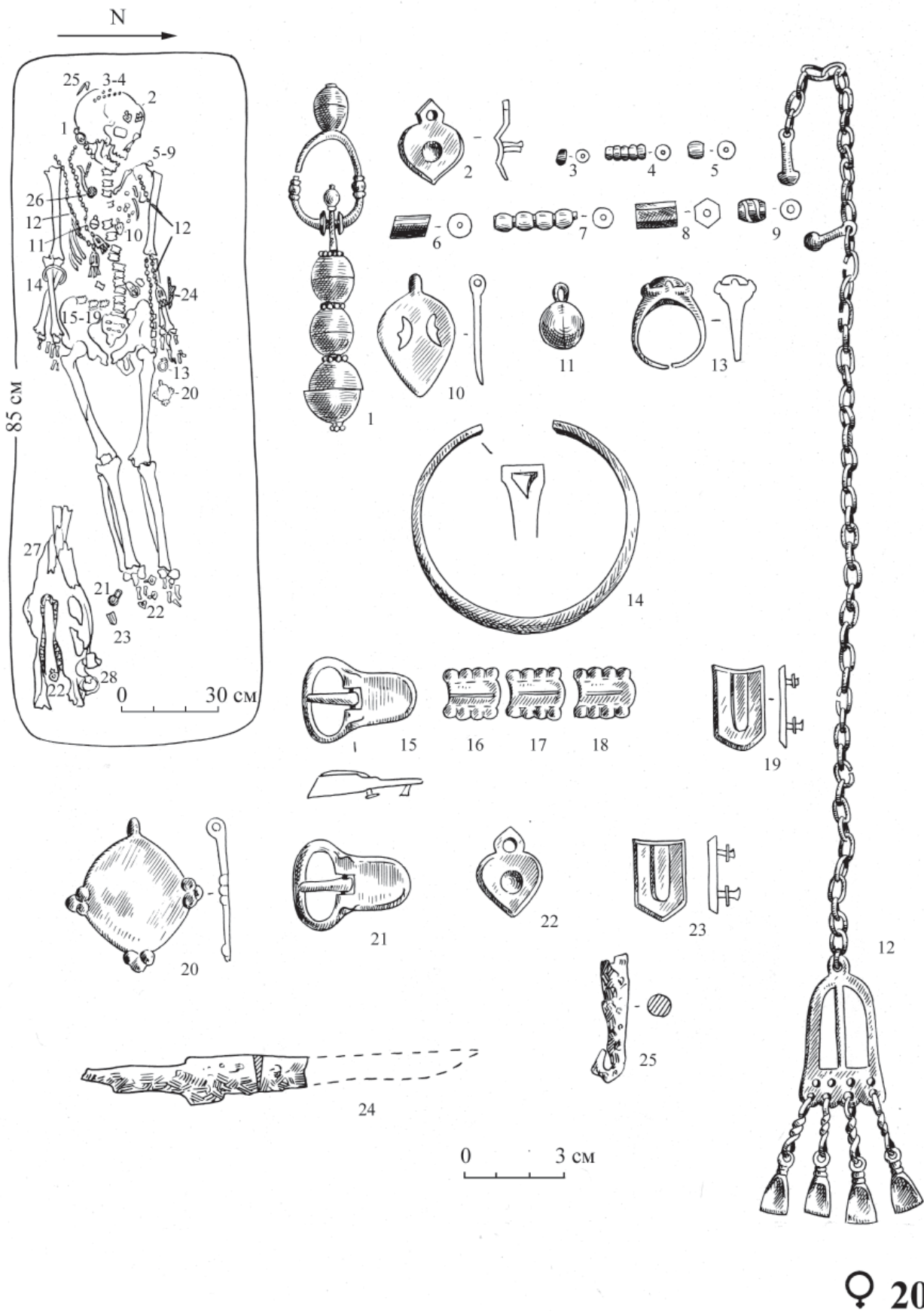
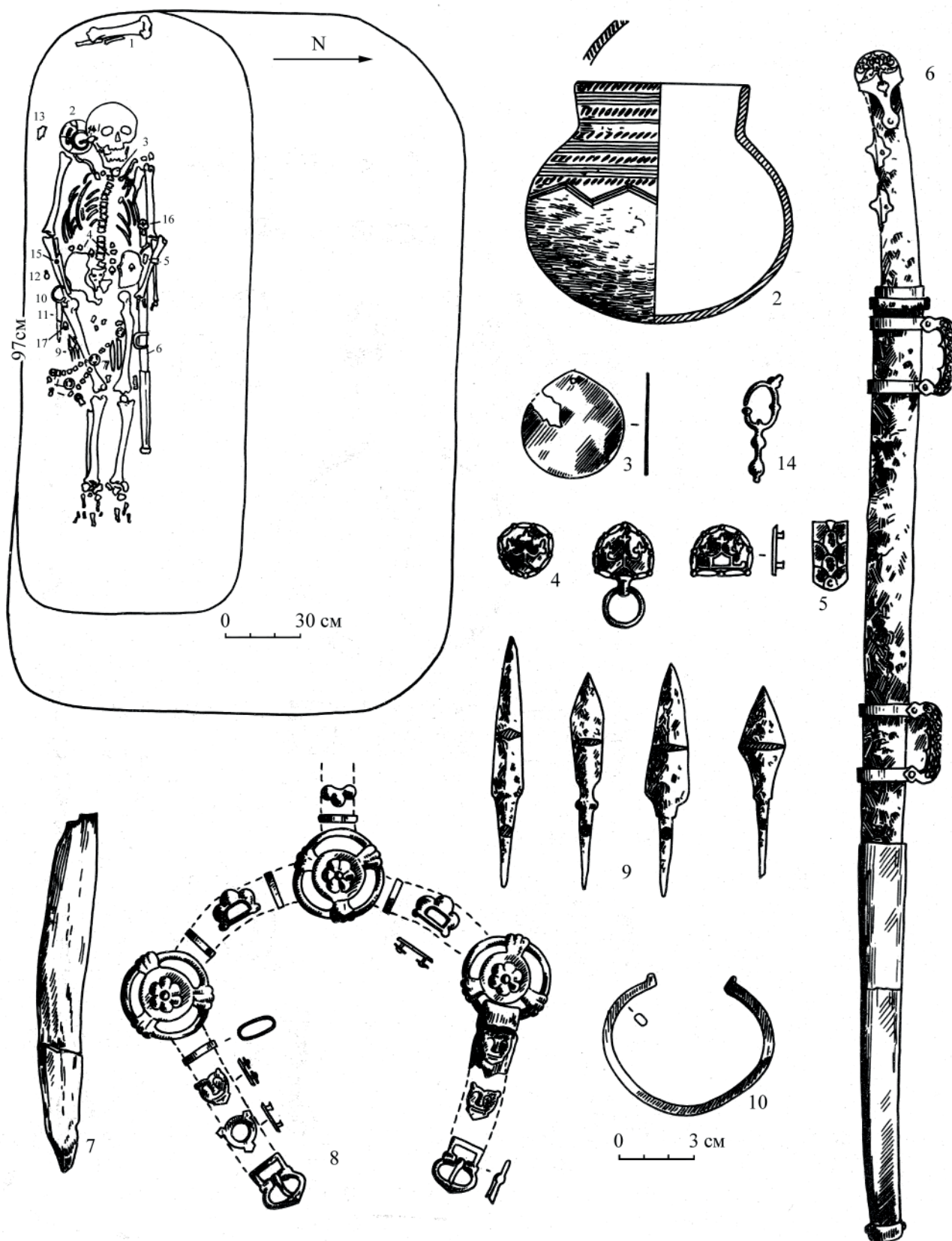

Табл. XVII. Большие Тиганы (1974). С.33.

♂ 23

Табл. XIX. Большие Тиганы (1974). С.35.

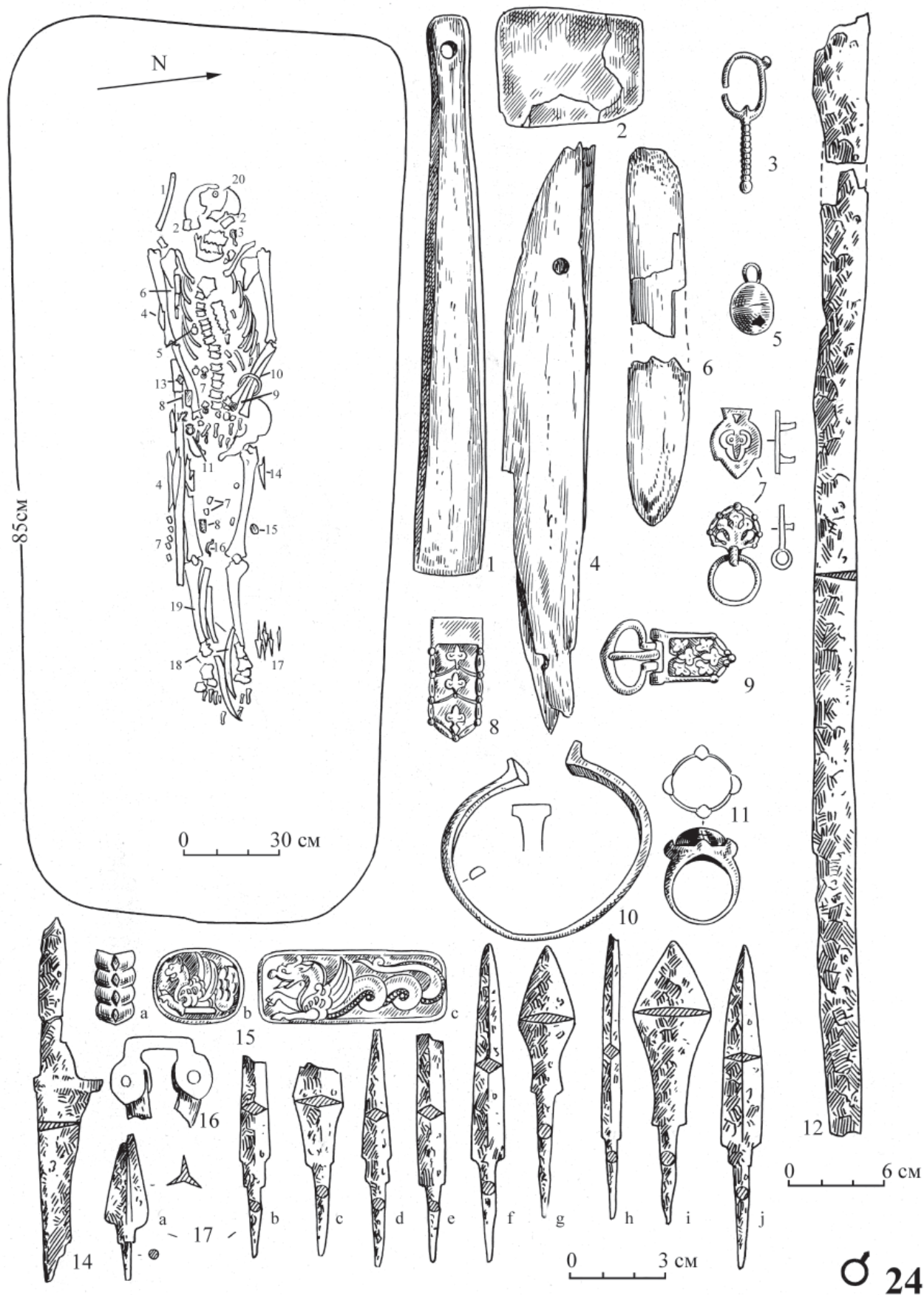
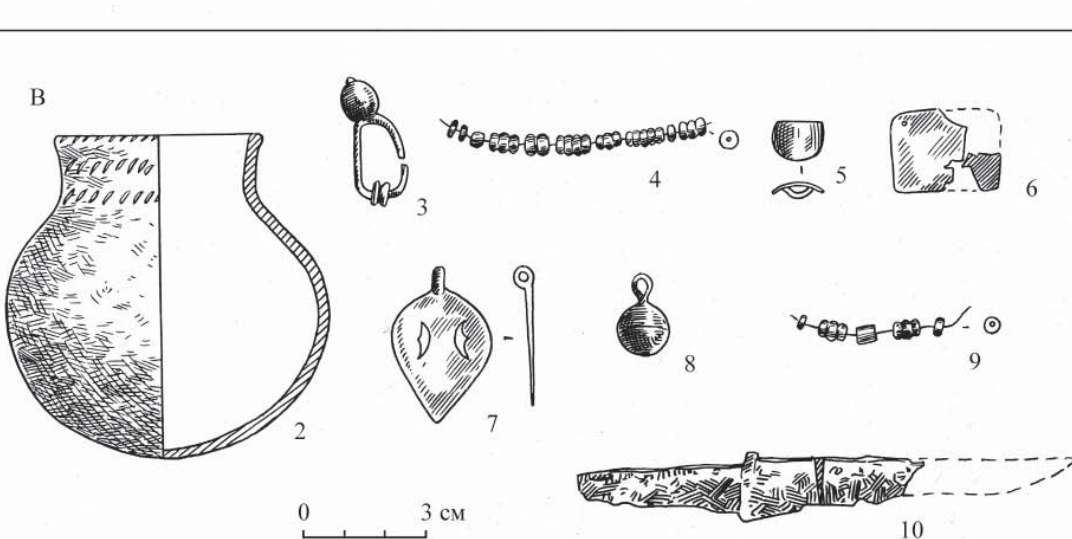
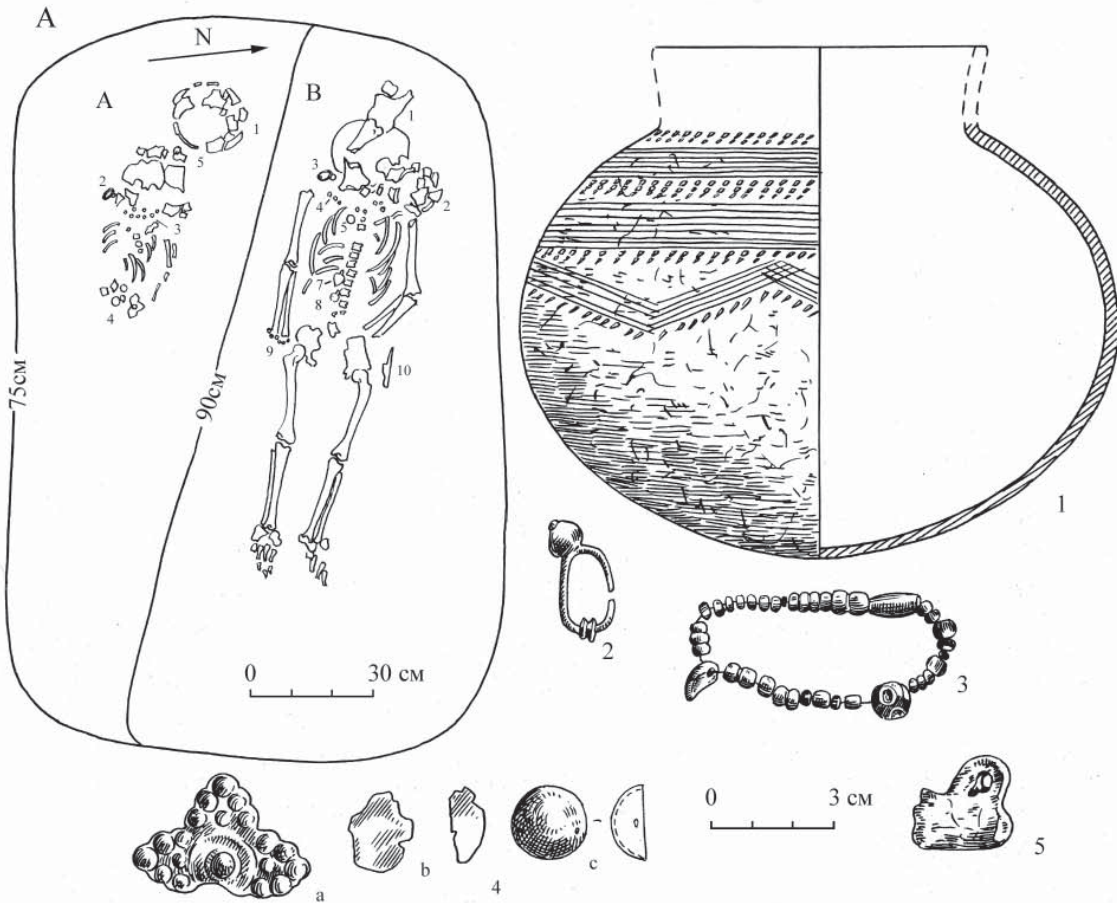

Табл. XX. Большие Тиганы (1974). С. 38.

♀ 25inf

Табл. XXIA. Большие Тиганы (1974). С. 38.
Табл. XXIV. Большие Тиганы (1974). С. 38.

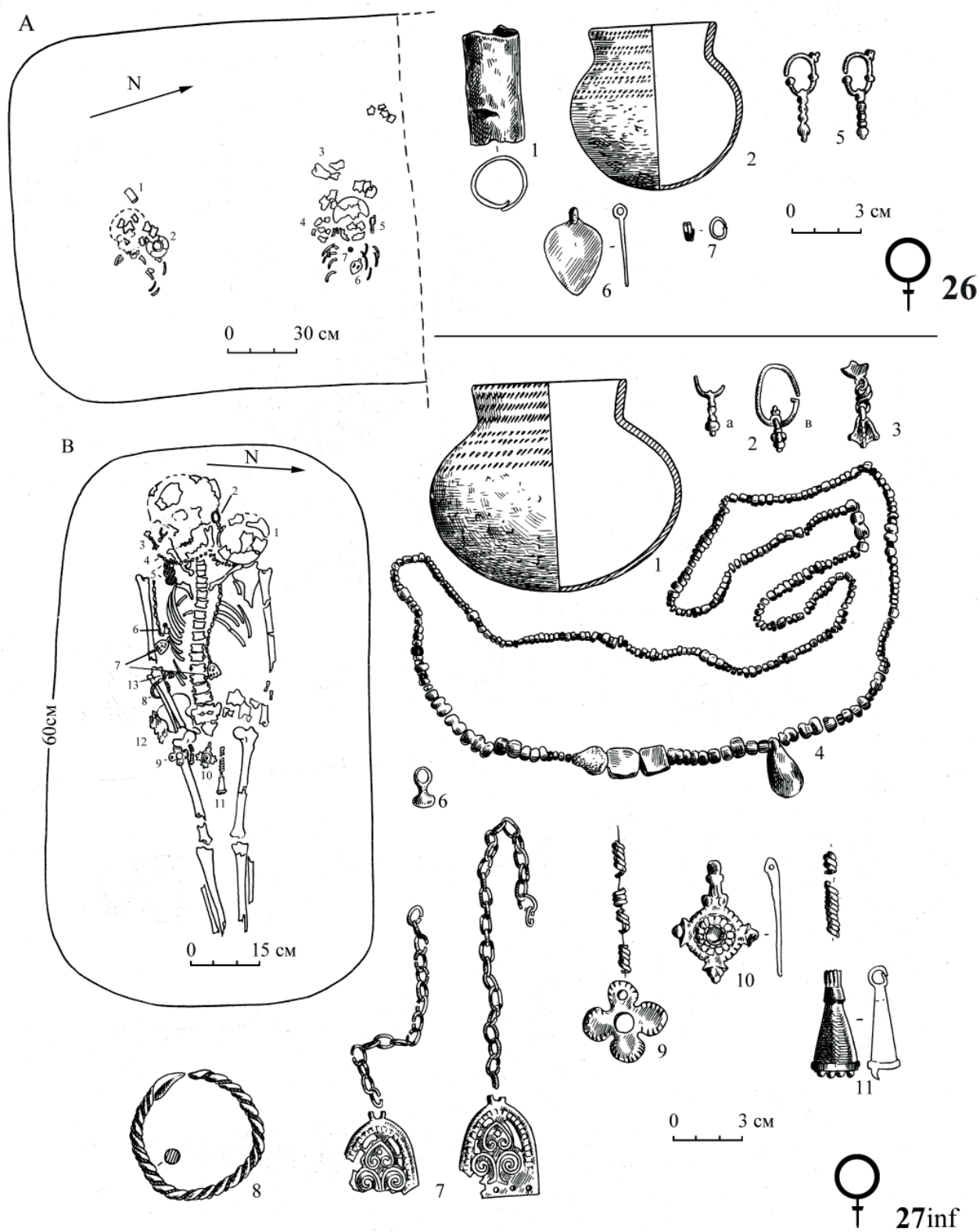

Табл. XXIIA. Большие Тиганы (1974). С. 40.
Табл. XXIIВ. Большие Тиганы (1974). С. 40.

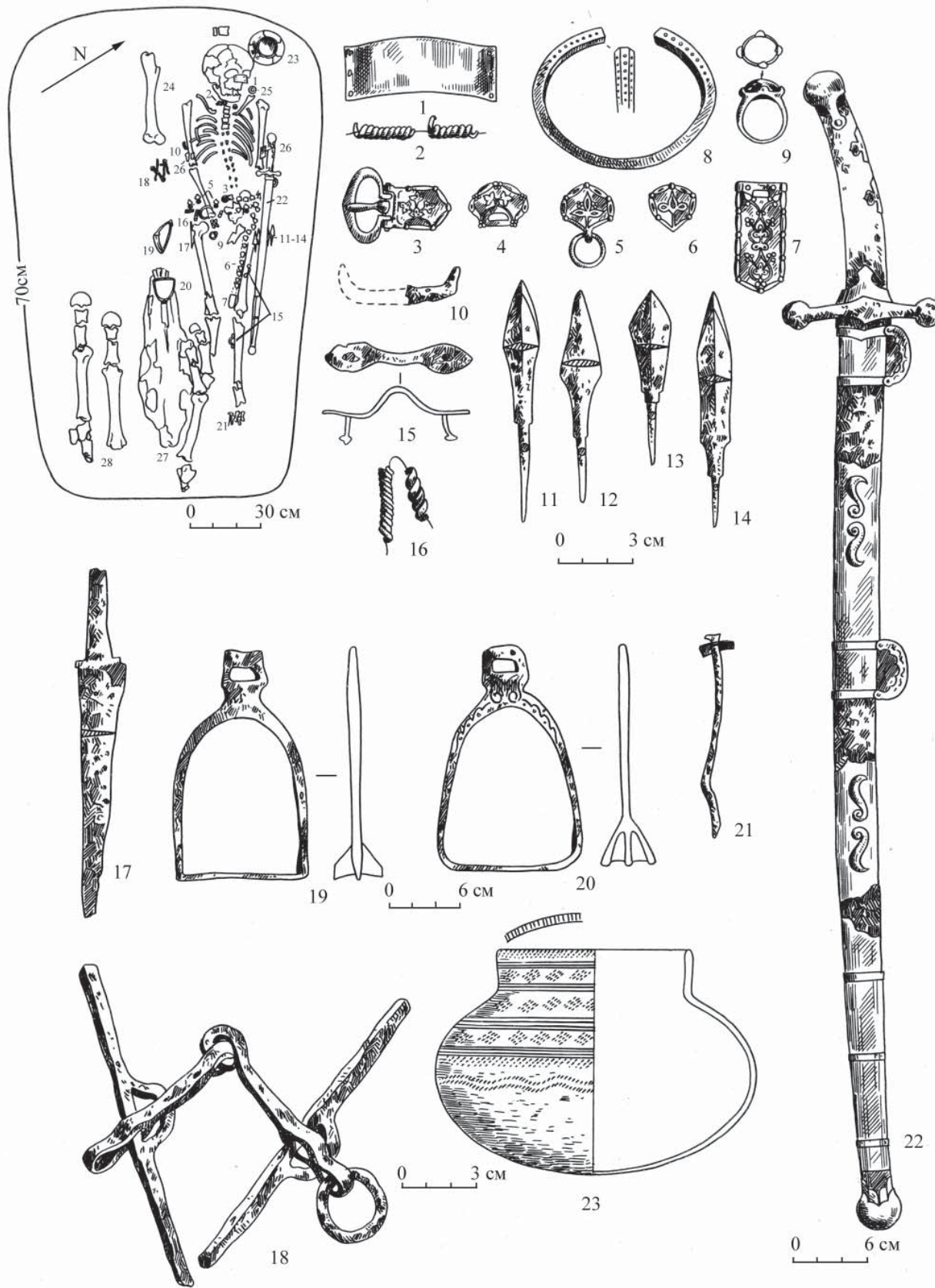

Табл. XXIII. Большие Тиганы (1974). С. 40.

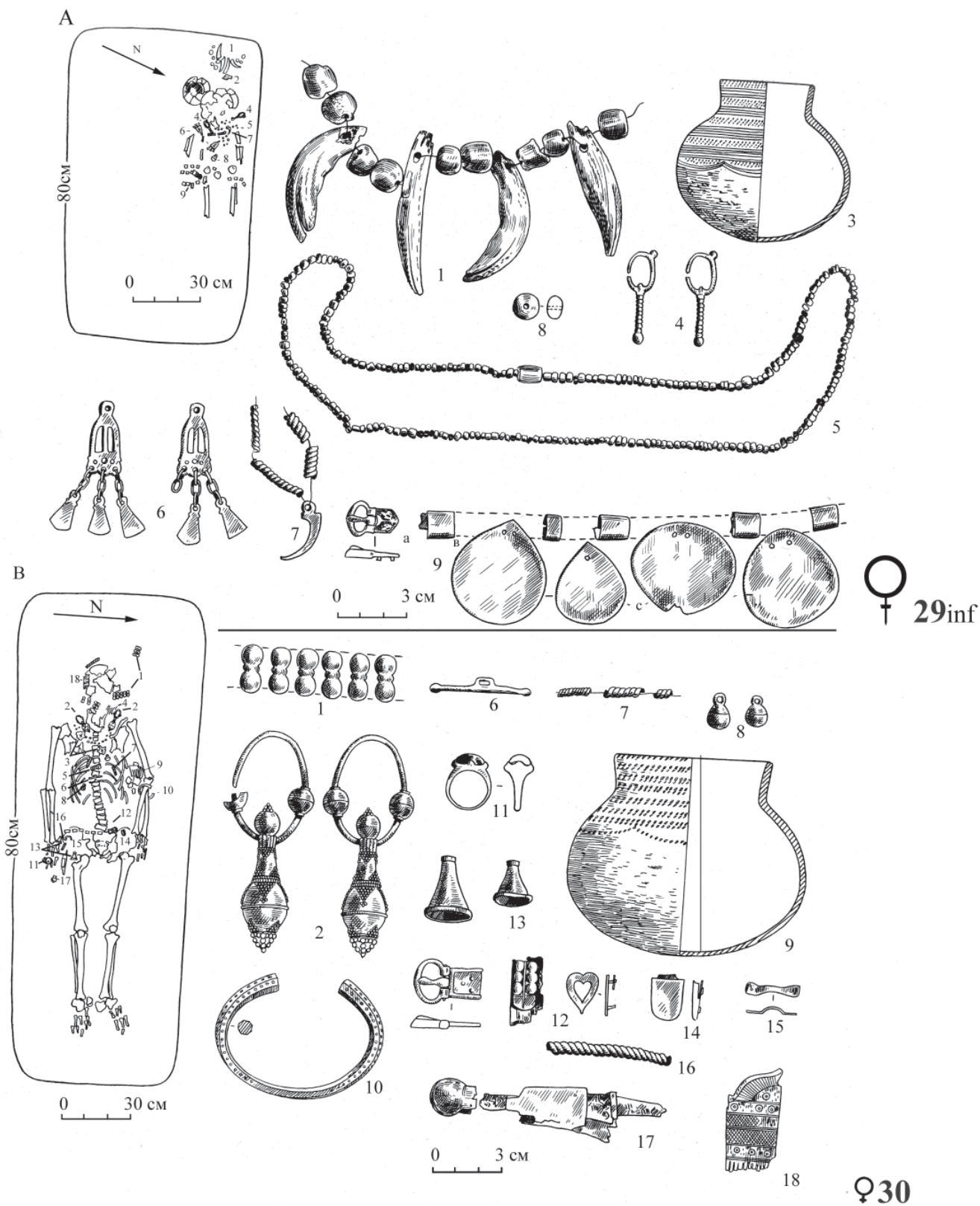

Табл. XXIVA. Большие Тиганы (1974). С. 42.
Табл. XXIVB. Большие Тиганы (1974). С. 42.

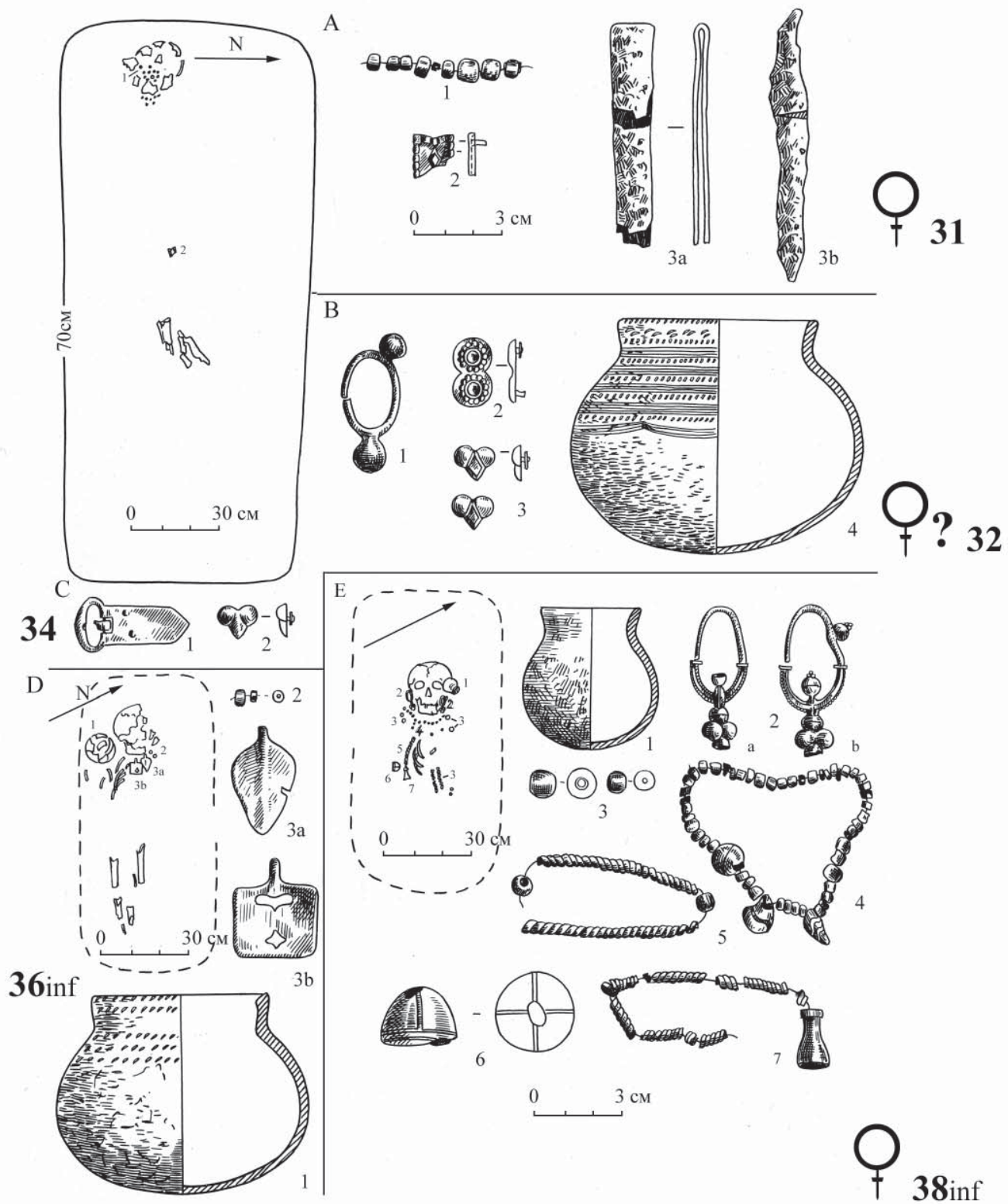
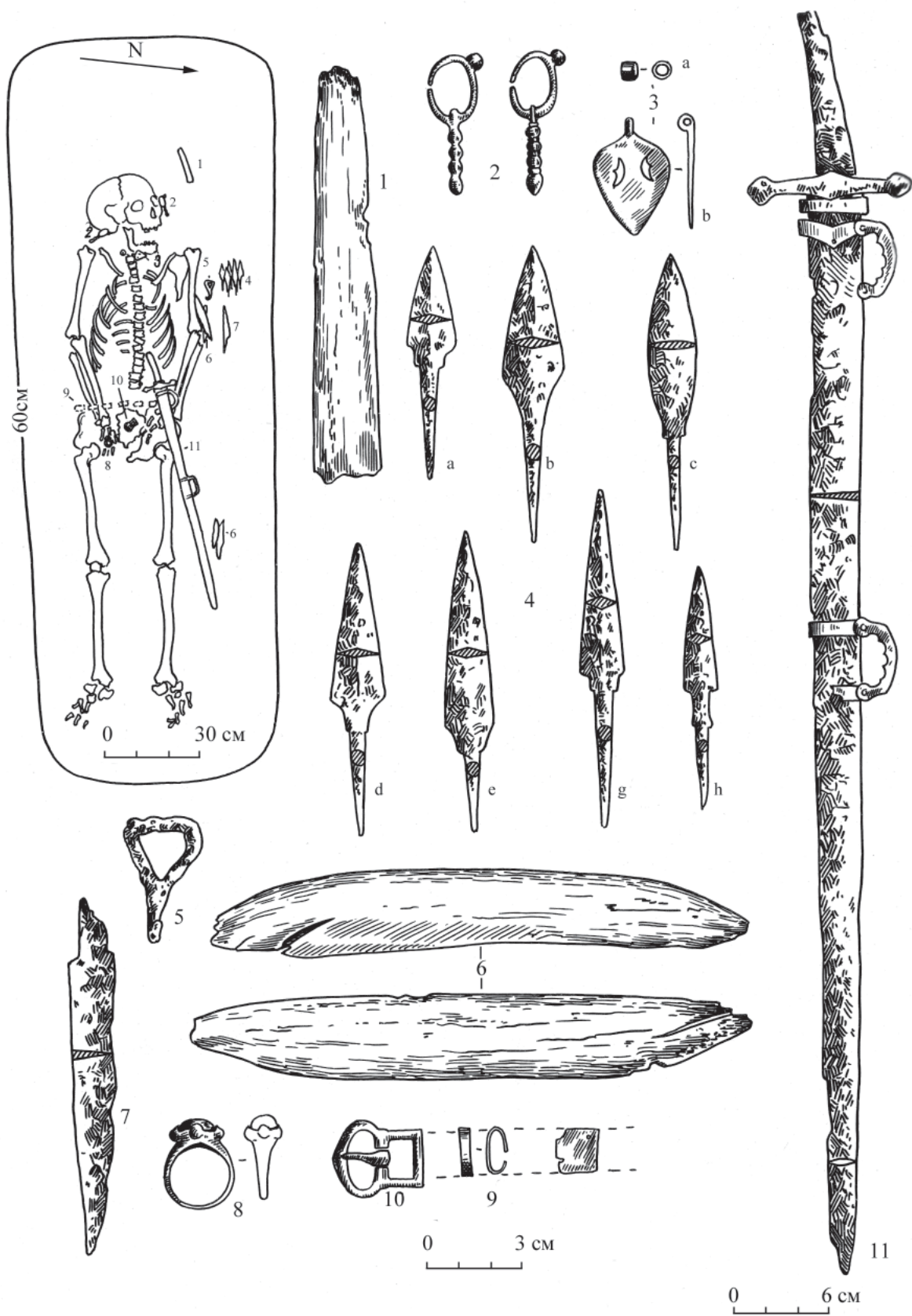
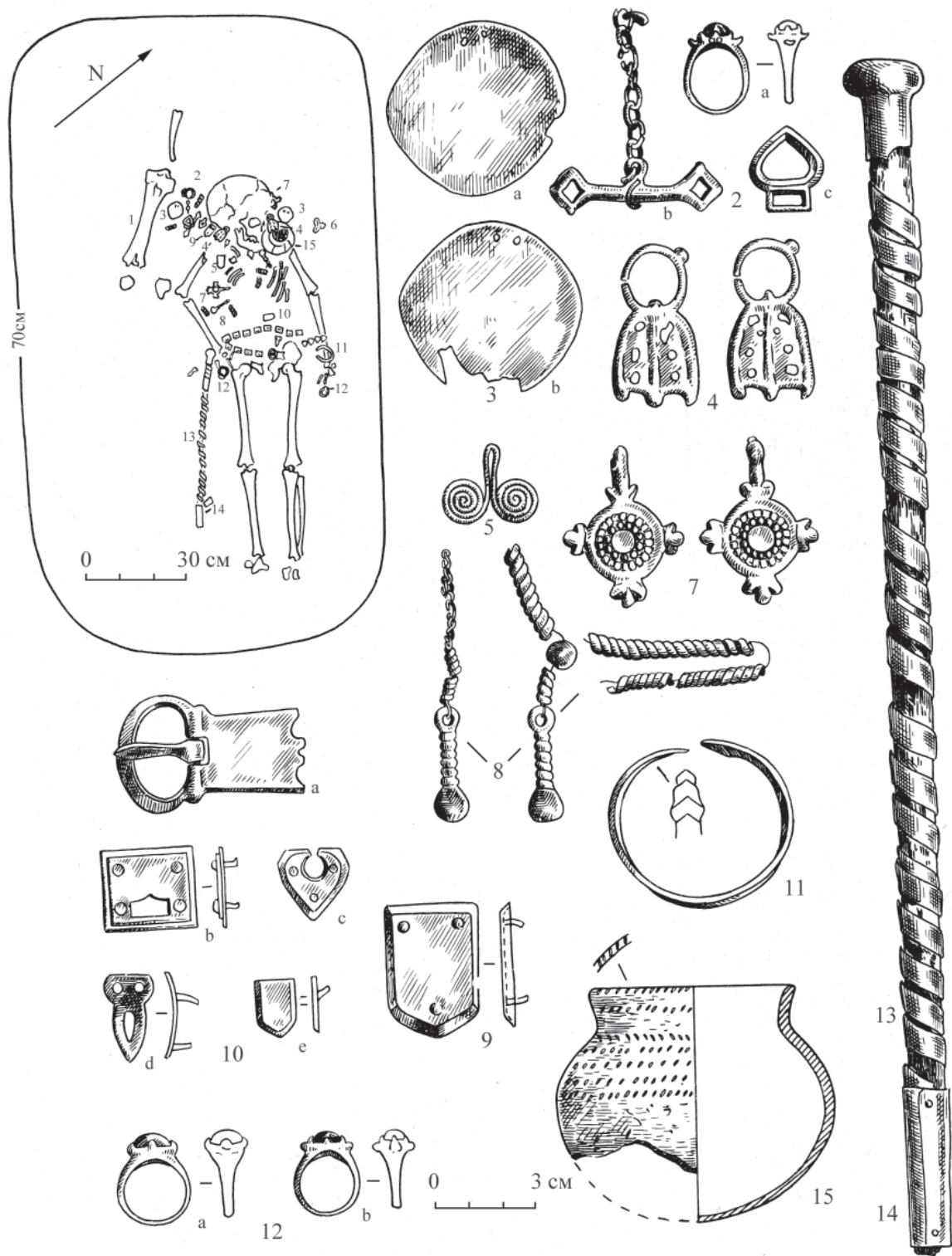

Табл. XXVA. Большие Тиганы (1974). С. 44.
 Табл. XXVB. Большие Тиганы (1975). С. 44.
 Табл. XXVC. Большие Тиганы (1975). С. 44.
 Табл. XXVD. Большие Тиганы (1975). С. 47.
 Табл. XXVE. Большие Тиганы (1975). С. 47.

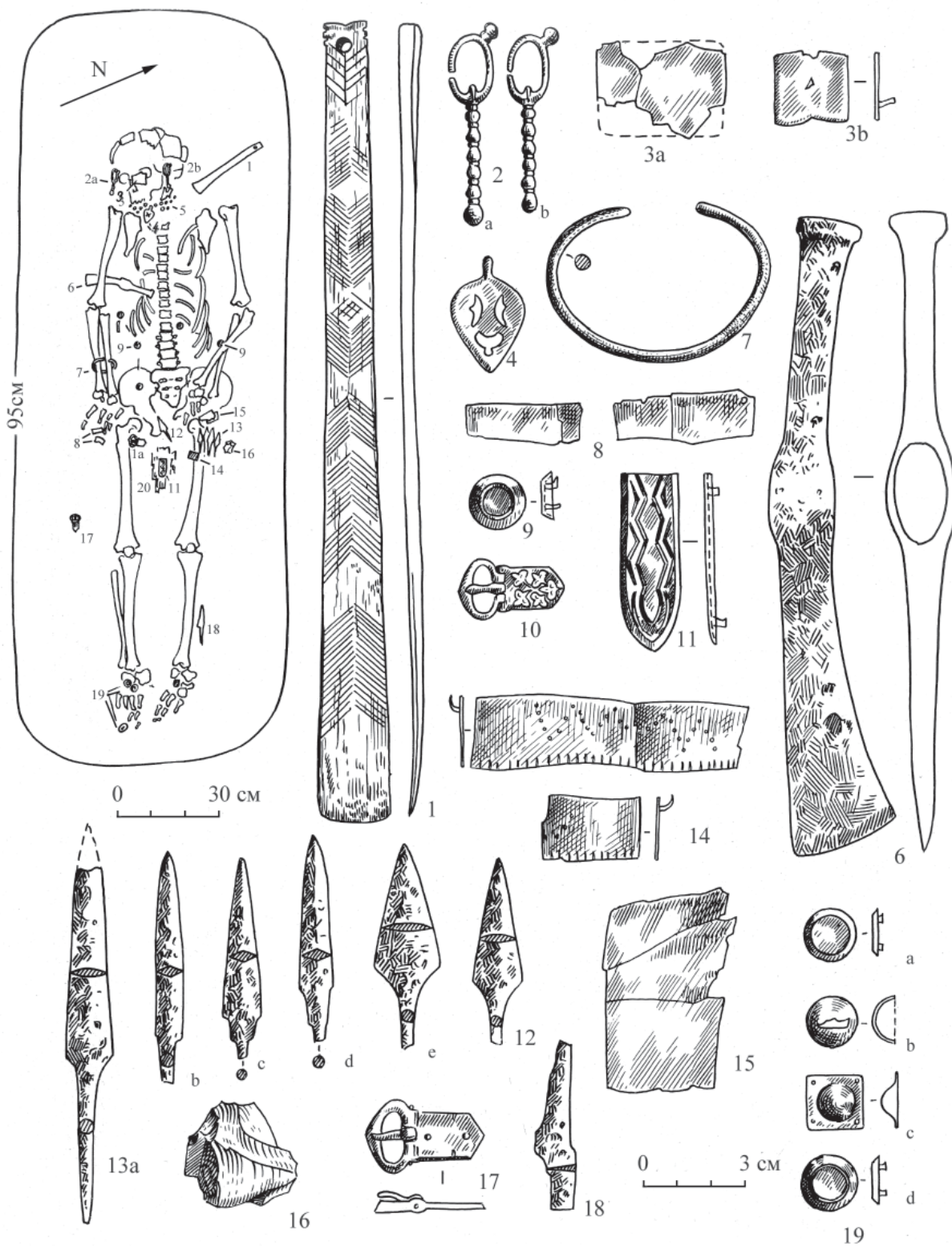

♂ 33

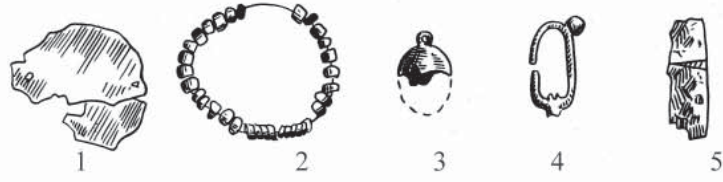

♀ 35

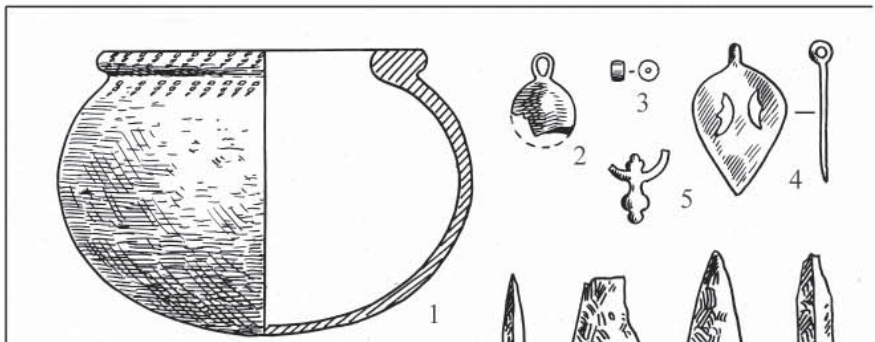
Табл. XXVII Большие Тиганы (1975). С. 46.

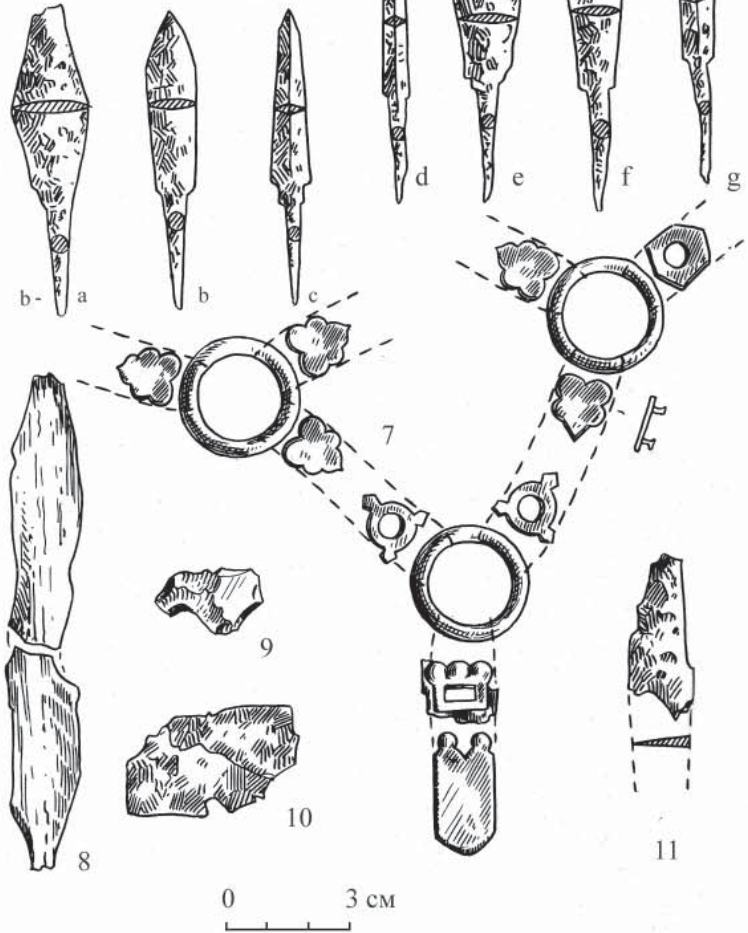
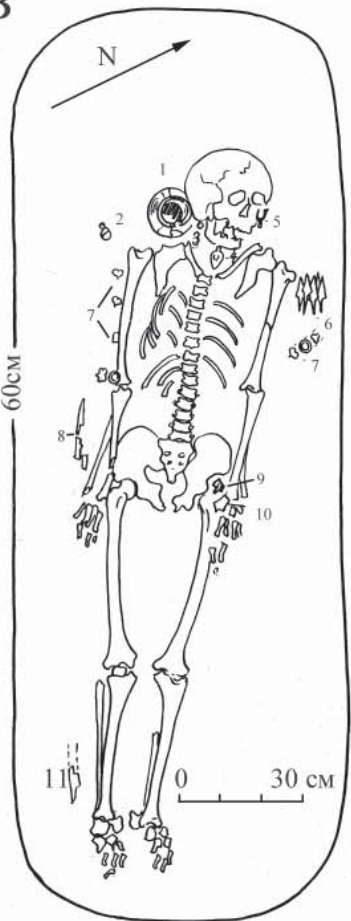
A

39inf

B

♂ 40

Табл. XXIXA. Большие Тиганы (1975). С. 48.
Табл. XXIXB. Большие Тиганы (1975). С. 48.

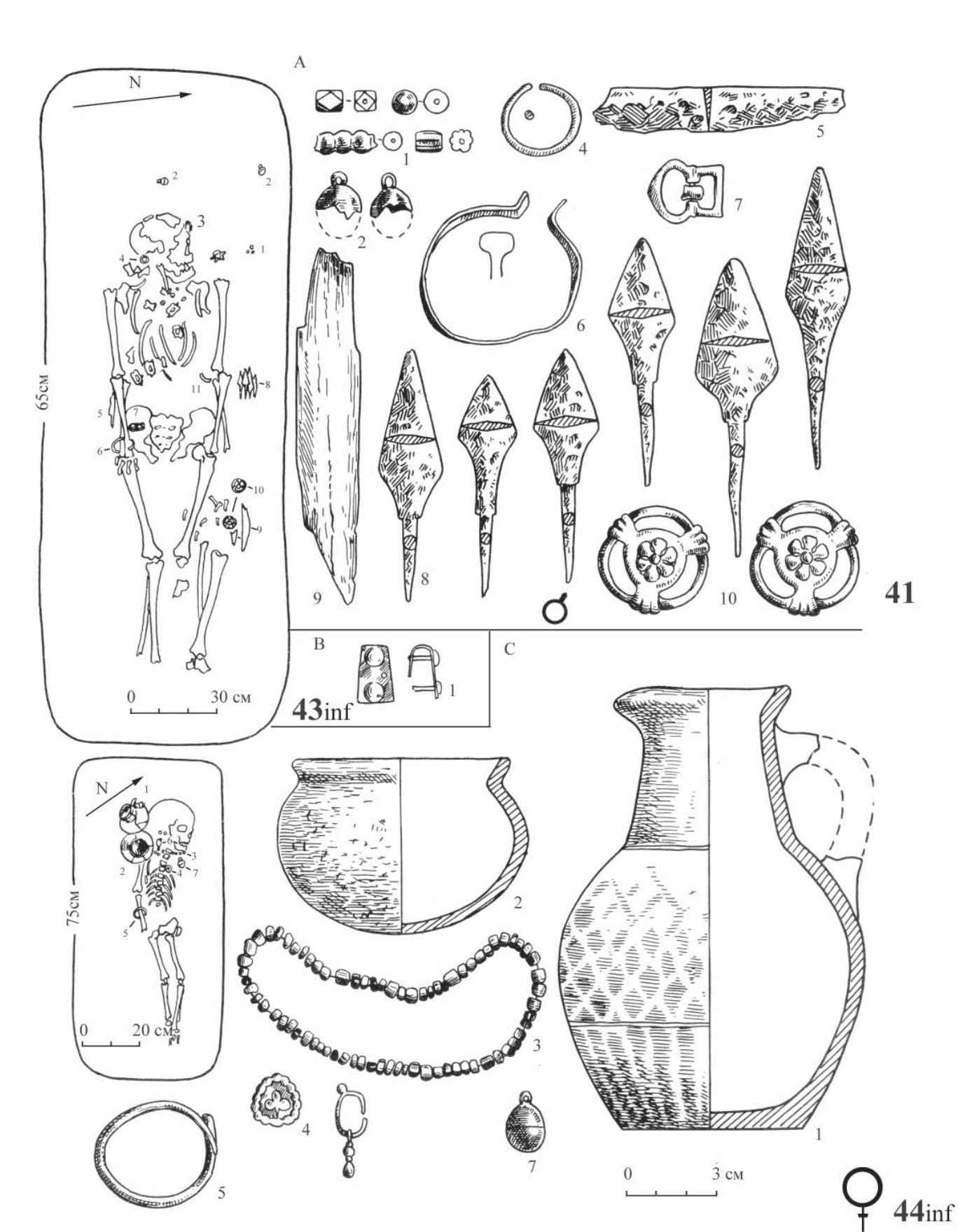

Табл. XXXA. Большие Тиганы (1975). С. 48.

Табл. XXXB. Большие Тиганы (1975). С. 49.

Табл. XXXC. Большие Тиганы (1975). С. 49.

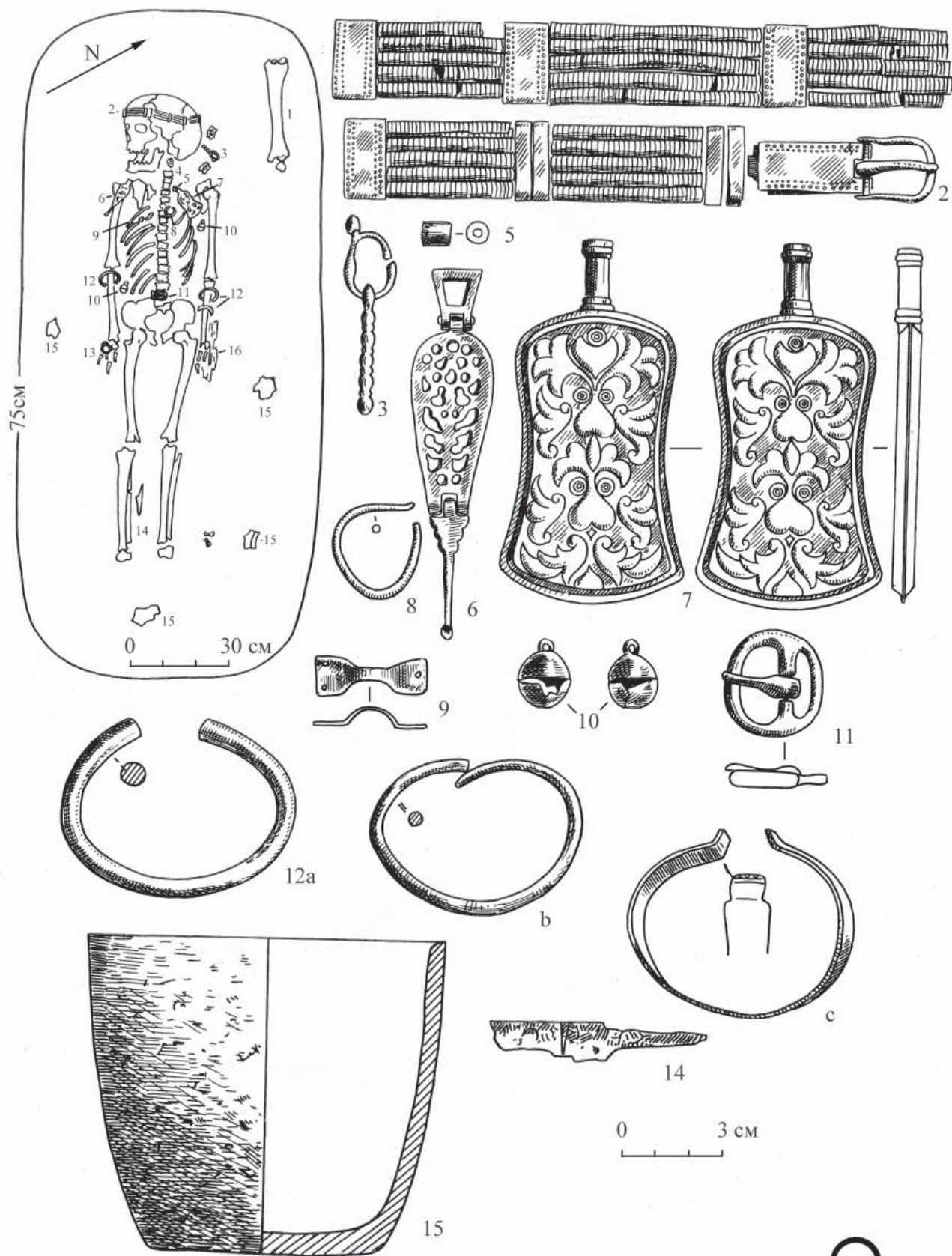

Табл. XXXI. Большие Тиганы (1975). С. 48.

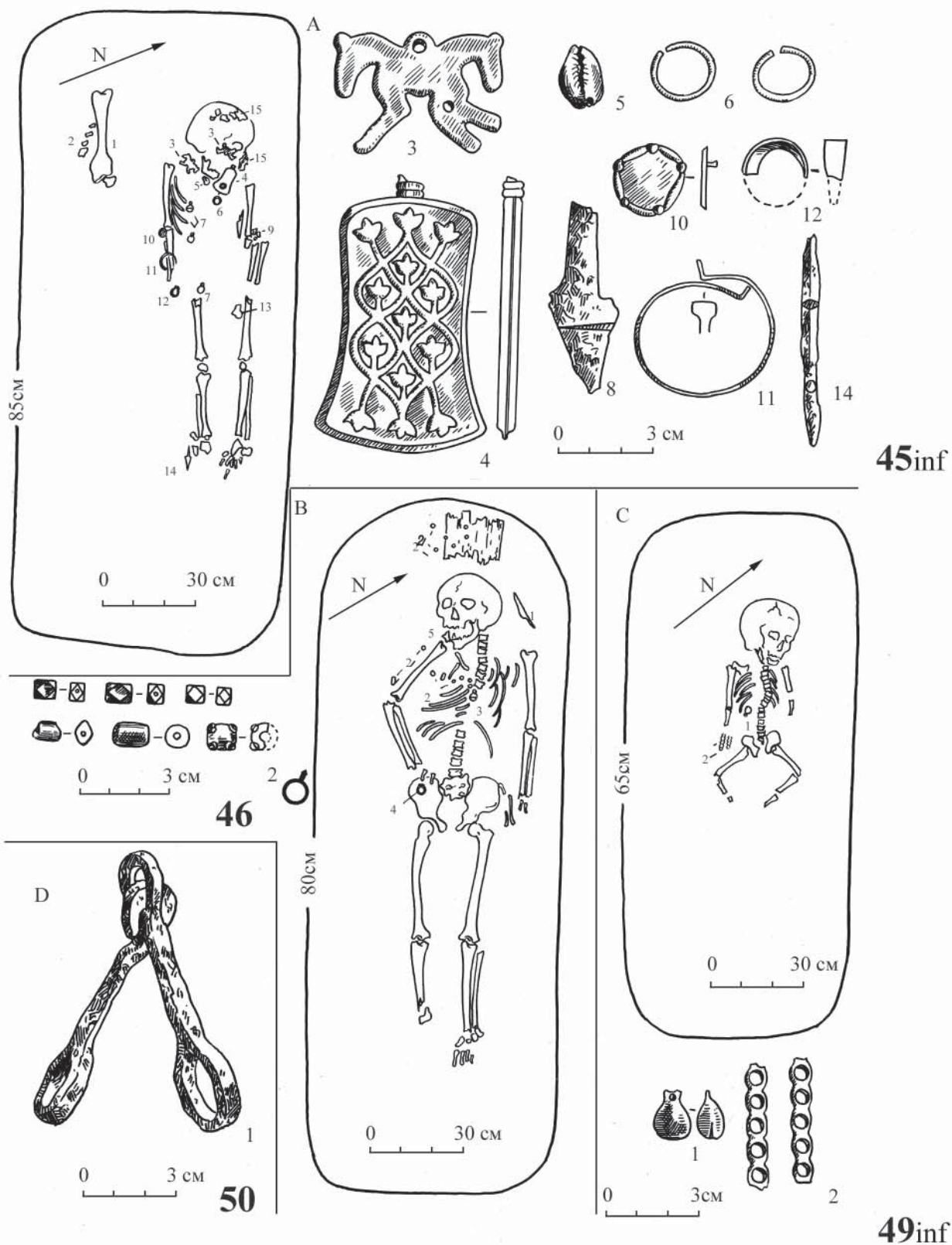
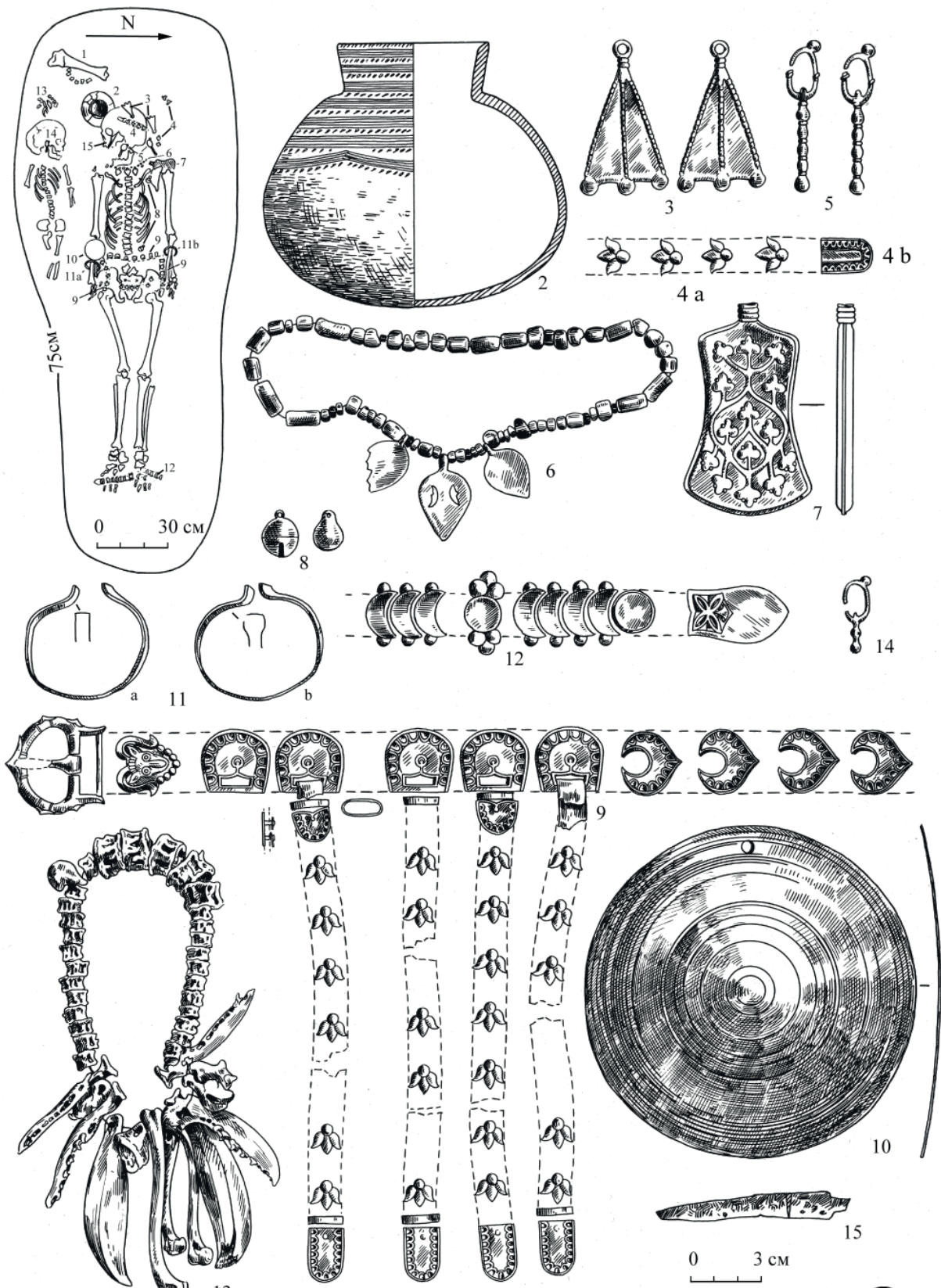

Табл. XXXIIA. Большие Тиганы (1975). С. 49.
 Табл. XXXIIB. Большие Тиганы (1975). С. 50.
 Табл. XXXIIC. Большие Тиганы (1978). С. 52.
 Табл. XXXIID. Большие Тиганы (1978). С. 52.

♀ 47inf

Табл. XXXIII. Большие Тиганы (1975). С. 50.

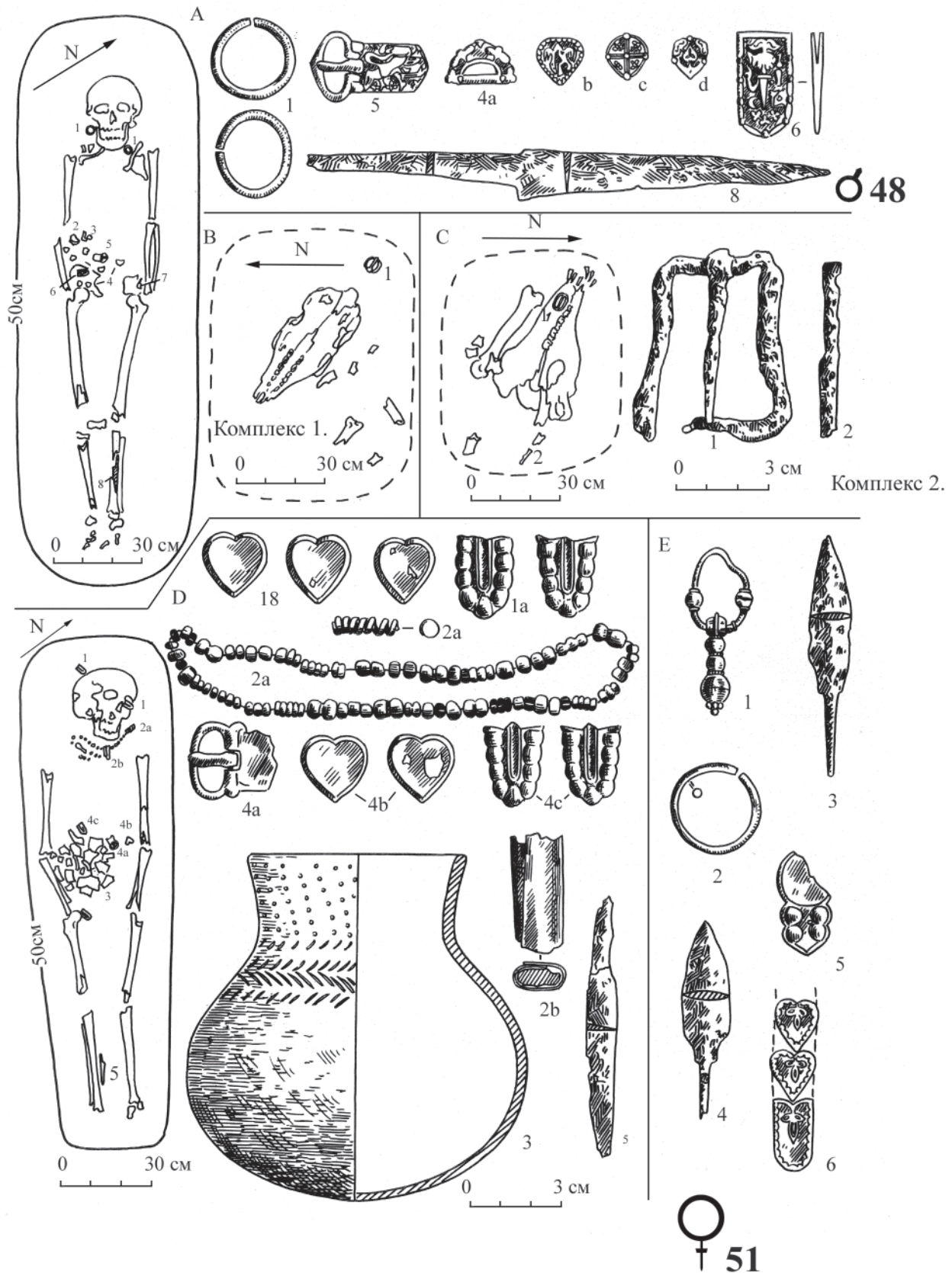

Табл. XXXIVA. Большие Тиганы (1975). С. 51.

Табл. XXXIVB. Большие Тиганы (1975). С. 51.

Табл. XXXIVC. Большие Тиганы (1975). С. 51.

Табл. XXXIVD. Большие Тиганы (1975). С. 52.

Табл. XXXIVE. Большие Тиганы (1975). С. 53.

Е.А. Халикова, А.Х. Халиков.
Ранние венгры на Каме и Урале (Больше – Тиганский могильник)

Научное издание

Оригинал–макет – *А.А. Сайфуллин*
Подписано в печать 10.10.2018 г. Формат 60x84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36,85.
Тираж 250 экз. Заказ №
Отпечатано в АО «Издательский дом «Казанская недвижимость»
420066, г. Казань, ул. Актайская, 21/2